

До́мик твóрчества

Санкт-Петербург
2017

По благословию духовника
митрофорного протоиерея
Иоанна Миронова

Протоиерей Иоанн Миронов

Поклон читателям

1. Вместо предисловия.....	5
2. «Орлиное племя, как прежде, в строю...».....	6
3. Домик у озера.....	29
4. Домик на Ладого.....	34
5. «Живите в доме...».....	37
6. «Господи, благослови входящего в дом сей».....	45
7. Курсом в грядущее.....	59
8. Советский Домик православного творчества.....	65
9. Музей нашего поколения.....	69
10. Дом души и любви.....	73
11. Сродни летописи.....	79
12. Поклон редактору.....	107
13. Раздумья о писательстве.....	119
14. «Эта жажда разговора со своим».....	189
15. «Поэт в России больше, чем поэт».....	204
16. Оружие литератора.....	221
17. Заветы отца-филолога.....	234
18. В Доме творчества Александра Ракова.....	262

Святой памяти чудесного врача
Гориславца Владимира Андреевича (10.06.2016†) –
полковника медслужбы,
православного целителя,
подававшего помощь множеству
страждущих людей.

Домик творчества

Авторы-составители
А.Г.Раков, Н.И.Поздняков

Вместо предисловия

*Летам невозможно не верить,
что жизнь всё короче, короче,
а я ещё всё на галере
работаю вёслами строчек.*

*Собой обречённый когда-то
на сладкую каторгу эту,
гребу и за датой датой
на сердце бросаю как мету.*

*Но сердце не ведает страха
над меридианами вёсен,
как будто последнего взмаха
не будет у вёсел.*

Степан Щипачёв, 1899 — 1980

«Орлиное племя, как прежде, в строю»

Долгое время отказывалась поехать на дачу главного редактора газеты «Православный Санкт-Петербург» Александра Ракова, где он построил творческий домик-музей, — путь всё-таки неблизкий. Потом подумалось: пусть этот рассказ будет подарком к его дню рождения — Александр Григорьевич родился в 1947

году и очень гордится, что появился на свет в один день с владыкой Иоанном (Снычёвым, 1927—1995), 9 октября. Приехали. Дорожка, обсаженная по бокам цветами, ведёт к небольшому деревянному домику.

— Понимаете, я хотел построить гостевой домик, чтобы люди приезжали ко мне, отдыхали, купались в Ладоге, писали, — рассказывает Александр Григорьевич. — Но народ нынче занятой — и калачом не заманишь. Тогда мне в голову пришла мысль создать

Домик творчества Александра Ракова. Попросил благословения у духовного отца, протоиерея Иоанна Миронова, объяснил: «Это не от гордыни. Просто это дело всей моей жизни — газета, книги...» Батюшка ответил: «Ну, делай, делай...».

Входим. Первое, что бросается в глаза, — различные грамоты, дипломы, удостоверения. И среди них — первое удостоверение «Православного Санкт-Петербурга», датированное 16 февраля 1993 года. А уже 14 апреля

1993 года вышел первый номер газеты. На почётном месте — печатная машинка «Ивица», на которой, по признанию Ракова, он печатал свои первые статьи. Диктофоны,

фотоаппараты «Зенит» и «Смена» — куда журналисту без них? А вот самая первая грамота — за сотрудничество с военной газетой: «Младшему сержанту А.Ракову — победителю литературно-художественного конкурса «Орлиное племя», проведённого редакцией газеты «На страже» в честь 50-летия Ленинского комсомола.

Редактор газеты Страхов. 1968 г.». Ну что ж, орлиное племя, как прежде, в строю.

— *А какой экспонат был первым? С чего всё началось?*

В.Г. Алахвердов

— Главное оружие журналиста, писателя, — перо. Вот я и стал разыскивать ручки с перьями — раньше-то в школе дети чернилами писали. Добрый друг нашей редакции Виталий Алахвердов загорелся этой идеей и принёс в дар уникальные пёрышки. Тут и английские, и французские, и наши — всего 53. Так потихоньку и пошло.

Пробегая глазами по многочисленным фотографиям, выхватываю подпись: «Смиренный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский». Оказалось, что в августе 1995 года Владыка Иоанн пытался разрешить материальные трудности новоиспечённой православной газеты, написав письмо в Наблюдательный совет церковного филиала банка «Петровский»: «Ко мне за помощью обратился редактор газеты «Православный Санкт-Петербург» Раков А.Г. Финансовое положение у газеты сложное.

В августе т.г. закончилось двухлетнее освобождение от налоговых платежей, резко увеличивается налоговый пресс. Столь же резко возросла стоимость газетной бумаги и типографских услуг.

Владыка Иоанн (Снычёв, 9.10.1927-2.11.1995)

Отпускная цена газеты гораздо ниже себестоимости её. По финансовым причинам тираж был уменьшен на 2000 экземпляров. Вместе с тем популярность газеты, имеющей просветительский характер, в городе и в других епархиях России постепенно растёт. У газеты более 1100 подписчиков в Санкт-Петербурге и области. Газета нуждается в постоянной и весомой финансовой помощи, иначе она скоро перестанет существовать. Обращаясь в Наблюдательный совет, даю своё архипастырское благословение на рассмотрение вопроса об оказании долгосрочной финансовой помощи редакции газеты «Православный Санкт-Петербург». Смиренный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский».

— *Как будто о дне сегодняшнем идёт речь. Ситуация столь же плачевная. Ну и как, получили помощь?*

— Нет. Нас в то время выгнали из Духовной академии, где мы ютились с октября по 4 февраля 1994 года. Я ходил к Владыке в резиденцию чуть ли не через день, жаловался. Помню, однажды прихожу весь взъерошенный от обид, угрюмый от навалившихся трудностей, а его келейница не пускает. Владыка услышал мой резкий, грубый голос, спустился, говорит: «Александр Григорьевич, ну почему в тебе такая резкость?» Я извинился, ушёл — не буду же я спорить с Владыкой, которого безмерно уважал и почитал! Иду по улице, горестно размышляя о создавшемся положении, вдруг меня настигает такая огненная волна, которая мгновенно отогрела душу, внесла покой и ясность. Не иначе как владыченька помолился обо мне, грешном, и о газете. Он, видимо, Духом Святым понимал, что газета, преодолев все трудности, выживет.

Самое интересное, что прошло несколько лет, и на том месте, где та горячая волна меня застигла, — на Ординарной улице — мы поставили наш газетный киоск.

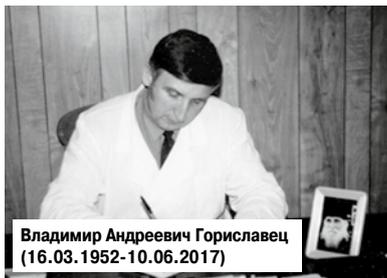
Но тогда хотя бы вступился Владыка Иоанн, теперь некому... В этом году мы уже вынуждены были из-за тяжёлого финансового положения закрыть четыре дочерних издания — «Правило веры», «Соборную весть», «Горницу» и «Чадушки». Тираж «Православного Санкт-Петербурга» пока держим.

Привздохнув, мы продолжили осмотр небольшой комнаты. Внимание привлекает стена, густо увешанная фотографиями людей.

Александр Григорьевич с улыбкой, будто представляя дорогих гостей, сказал: «Здесь те, с кем меня стлкивала жизнь, кого я очень уважаю или же с которыми имел дело. Вот поэты, живые и мёртвые: Иван Стремяков, Глеб Горбовский, Николай Рачков, Борис Орлов, Ирэна Сергеева, Татьяна Шорохова, Татьяна Егорова; драматург Андрей Грунтовский, епархиальный фотограф Юрий Костыгов, который не раз выручал газету своими замечательными снимками. Нина Павловна Саблина — крупнейший специалист в области церковнославянского языка, добивалась, чтобы этот предмет изучался в общеобразовательной школе. Владимир Михайлов, долгие годы бывший председателем все-российского Иоанно-Предтеченского православного

братства «Трезвение», возглавлявший СПб православный клуб «Бодрствование» во имя св.мч.Вонифатия.

Отошедший недавно ко Господу Владимир Гориславец — военный врач,

Владимир Андреевич Гориславец
(16.03.1952-10.06.2017)

— военный врач, в последние годы поддерживавший здоровье старца Николая Гурьянова, добрый друг нашей газеты. Сергей Галицкий — автор книг «Из смерти

в жизнь». Наши авторы — доктор психологических наук В.Семёнов, публицист и православный сказочник Алексей Логунов, капитан I ранга Никита Поздняков, иеродиакон Никон (Муртазов). Архимандрит Амвросий (Юрасов), епископ Василий (Родзянко), у которого я брал интервью для первого номера газеты. И, конечно, наш дорогой батюшка, духовник редакции и мой — о.Иоанн Миронов.

— *Несколько странно видеть в этом собрании лицо некогда популярного журналиста и телеведущего Александра Невзорова...*

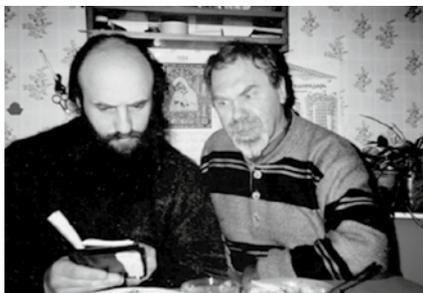
— Невзоров в своё время сыграл огромную роль в становлении газеты «Православный Санкт-Петербург». Он

пришёл к нам в редакцию (тогда это был Лиговский пр., 56) и сделал о нас небольшую, но ёмкую, как он умеет, передачу. Эта телепередача здорово нам помогла. Потом мы с ним встретились уже на отпевании владыки Иоанна (Снычёва), которого Александр Глебович, знаю, любил и уважал. Это сейчас Невзоров стал ненавистником Церкви и священства. Мне, кстати, некоторые люди говорили: «Убери его фотографию». Я отвечаю: «Нет. Из песни слов не выбросишь. Невзоров нам когда-то помог, я это помню и не хочу быть неблагодарным». Другое дело, что нынешнее его поведение повергает меня в недоумение. Ну, за это он пред Богом будет ответ держать.

Рядом – рекомендация В.Крупина о принятии меня в Союз писателей России в 2003 году: «Я, Крупин Владимир Николаевич, член Союза писателей России с 1975 года, рекомендую для вступления в СП Ракова Александра Григорьевича. У него огромное количество публикаций, причём на тему православия. А бедность присутствия в этой теме профессиональных писателей несомненна». И тут же письмо Юрия Васильевича Бондарева (у меня его писем не так много), в котором он пишет: «Дорогой Александр Григорьевич, сердечно благодарю Вас за присланную мне прекрасную книгу.

Такой книги не хватает нашей школе, где литература занимает далеко не первое место, к огромнейшей печали. Я рад, что вы по-прежнему полны энергии, любви к словесности и доброжелательного чувства к своим собратьям по перу. Всех Вам благ, и главное — здоровья. 2 марта 2013 г. Искренне Ю.Бондарев». Речь идёт о книге «Поэзию любят красивые люди».

Чуть ниже наше фото с монахом-поэтом о.Романом (Матюшиным), ко дню рождения которого (16 ноября) я написал в 1997 году небольшое стихотворение:

*Во псковских болотах сидящий
Монах, богослов и поэт,
Спускай в наши души почаще
Поэзии Божеский свет.
Блюди до последнего мига
От Господа данный талант,*

*И будет записано в Книге:
«Обручник со словом — Роман».*

А это фотография моих предков на Вологодчине, там взорвали церковь Свт.Николая. Меня старший брат водил туда, я видел гробы открытые... И я об этом тоже написал стихотворение.

У ВЗОРВАННОЙ ЦЕРКВИ

*Кресты кованы в Шуклино',
Взрывом погнутые давно.
Ни имён, ни могил, ни дат, —
Мои прадеды здесь лежат.
Давит сверху кирпич горой,
Снизу кости моет Шексной...*

*Боже праведный, не прощай
Их неведомую печаль,
Несмываемый наш позор
За безпамятство и разор,
За всплывающие гробы,
За невзгоды после судьбы.
Незатейливый ваш погост
Буйной травушкой позарос,
А вокруг разлились поля –
Вами вскормленная земля, –
Ей кормиться, в неё и лечь
Ширью крепких усталых плеч:
Упадает одно зерно,
А взойдёт колоском оно.
Так вершилось всё испокон...
Я отвесил земной поклон,
С занемевших встаю колен.
Слышу стоны сквозь прах и тлен!
... Да, работа была нелегка –
Кресты кованы на века!*

– То, что у вас висит портрет Ф.Достоевского, закономерно. Но фотография Высоцкого?

— Высоцкий для меня даже не поэт, а много выше. Эта фигура многогранная: он и артист, и дипломат, и поэт, и певец, и просто красивый мужчи-

на. Я Высоцкого люблю. В советское время его песни ждали, жадно слушали заезженные записи, боясь проронить хоть слово. Многие люди сейчас этого не понимают.

— А зачем вы выставили коллекцию талонов на продукты питания, по которым мы отоваривались в 90-х годах прошлого века, когда рухнул Советский Союз?

— Я решил, что надо попробовать показать суть нашей не только журналистской, но и жизни, которая творилась и творится вокруг нас.

Поэтому здесь и страничка из моей школьной тетрадки, и открытка к дню рождения 1951 года, и плакатик

«Дурящие людей 90-е годы». Даже ваучер, который сейчас у спекулянтов 700 рублей стоит, а в 90-е годы по курсу был 100 тысяч. И этот старенький телевизор не так просто стоит здесь — это мой первый гонорар в 1990 году за работу журналистом в газете «Вестник Выборгской стороны». Тогда часто зарплату натурой выдавали! Денежные знаки советского времени и времён перестройки. А также монеты и мелкие купюры стран, в которых довелось побывать паломником или туристом.

— Видела у самого входа Андреевский флаг и флаг Советского Союза, солдатскую пилотку и фляжку.

— Это дань уважения моему отцу, который закончил войну в Вене. В моём Домике творчества папе отведён особый уголок. Вот картины, которые папа приобрёл в Венгрии в 1957 году, — усталая женщина с вязанкой хвороста; мальчишки на берегу реки. Кстати, рядом картина, которую мне по-

дарили заключённые мужской колонии Форносово через м.Валентину Осипову, служащую в тюремном храме прп.Серафима Саровского.

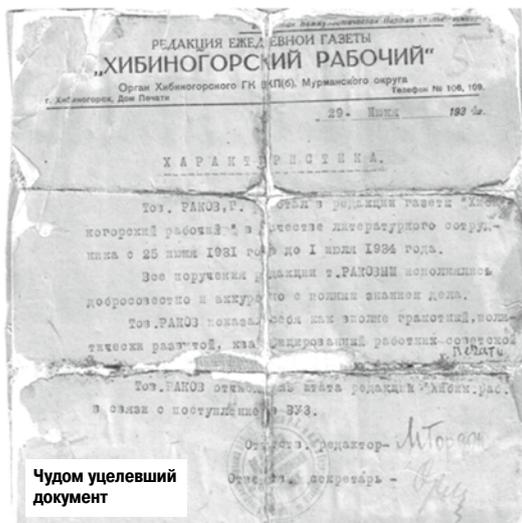
Поднимаемся по узкой крутой лестнице. Александр Григорьевич с гордостью показывает стену, увешанную листками с цитатами.

— Отец любил выписывать свои мысли и мысли выдающихся людей, которые ему понравились. Часть из них я повесил на стене. Например: «Идите всегда

от впечатления, и никакая банальность вам не грозит, в вашем рассказе будет внутренняя связь. Живой образ создаётся не путём сочетания очевидных достоинств и недостатков, а лишь посредством передачи пережитых впечатлений». Это послужило для меня толчком к написанию «Былинок». «Перо — сильнейшее оружие. Ни в шутку, ни ради рифмы, ни из озорства, ни тем более при каких-либо настроениях не позволяй, чтобы это оружие вольно или безсознательно было направленно против народа. Наш народ рабо-

тает 40 лет с таким колоссальным напряжением, что даже одна мысль повредить ему и ещё больше увеличить его нагрузку сама по себе преступна. Январь 1959 года». «Творчество обычно, если не уникальный гений появился, слагается из двух сторон: из способности и мастерства. При наличии только одной какой-нибудь стороны полноценного творчества не получается. Отсюда вывод — развивать свои способности, т.е. писать и учиться мастерству, главным образом путём чтения и анализа хороших мастеров слова». Это — мысли моего отца.

Чудом уцелевший документ

29 июня 1934 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. РАКОВ, Г. работал в редакции газеты «Хибиногорский рабочий» в качестве литературного сотрудника с 25 июня 1931 года до 1 июля 1934 г.

Все поручения редакции т. РАКОВЫМ исполнялись добросовестно и аккуратно с полным знанием дела.

Тов. РАКОВ показал себя как вполне грамотный, политически развитой, квалифицированный работник советской печати.

Тов. РАКОВ отчислен из штата редакции «Хибин. раб.» в связи с поступлением в ВУЗ.

Ответств. редактор /подпись/
Ответств. секретарь /подпись/

Сам папа составил единственную книгу — «Хибинские клады». Предыстория такова. В 30-х годах маминых родителей, объявив кулаками, выслали на Коль-

ский полуостров. Там-то папа и познакомился с мамой, он работал в газете «Хибиногорский рабочий».

Папа очень любил маму, и на обороте своей книги написал: «Самый дорогой для меня хибинский клад — ты, моя любимая спутница жизни. Хибины соединили нас на всю жизнь. Дарю тебе, Вера, эту книгу, которая воскресит в нашей памяти дни нашей юности. Григорий Раков. 15 января 1973 года».

Интересная запись об отце обнаружилась недавно в книге Анатолия Горелова «Тропю совести» (Очерки Совпис Ленинградское отд., 1987):

«Только расстался я с вдовой Феоктиста, подошел ко мне немолодой, грузный такой дяденька. Смотрит лукаво, спрашивает:

- Не узнаете, Анатолий Ефимович?
- Гриша, Гриша Раков, — воскликнул я радостно. — Где же ты пропал, почему не давал о себе знать?
- Стеснялся.

— Чего стеснялся?

— Боялся, что вспомните, как я опаздывал на работу, а вы меня поругивали.

И мне кажется, что он так же смущенно переминается с ноги на ногу, как и 38 лет тому назад, когда — в который раз! — я распекал его, — молодого репортера, за то, что снова проспал.

— У меня тогда будильника не было, — оправдывается Гриша.

А я радостно хлопаю его по плечу, спрашиваю о жизни.

Полковник в отставке, четверть века провел в армии, всю войну воевал. А я вспоминаю.

Передо мной оттиск газетной полосы «Хибиногорского рабочего». Внизу — заметка. Подписана нелепо: «Рыбак либо Раков».

Типография убога, она только налаживается, того и гляди ежедневную газету будут набирать двое суток; я поторапливаю сотрудников, наборщиков, поглядываю на часы, а тут эта глупая подпись под заметкой.

Набрасываюсь на Рыбака:

— Это что за шутовская подпись?

Феоктист медлительно подходит, нагибается над листом, хмуро отвечает, с ехидцей:

— В наборных кассах не хватает прописных «Л», вот и тиснули фамилию строчной. Читать нужно: «Рыбак, Либо, Раков».

Феоктист любил щегольнуть простоватым словом. «Емши», «пимши» — говаривал он.

Запомнилась же мне эта недостающая чертова буква. Вынужден был зайти в типографию, заняться цирковой потехой. Наборщики подавали мне фразы, наспигованные слова с дефицитной литерой.

Кажется, Ракова я больше всего и запомнил по этому казусу.

А сколько лет ему было? Еле-еле двадцать.»

ПЕСНЯ О ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

Забота у нас простая,

Забота наша такая:

Жила бы страна родная,

И нету других забот!

И снег, и ветер,

И звёзд ночной полёт..

*Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.
Пуškai нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружба моя с тобою
Лишь вместе со мной умрёт.
Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперёд!
И так же, как в жизни каждый,
Любовь ты встретишь однажды,-
С тобою, как ты, отважно
Сквозь бури она пройдёт.
Не думай, что всё пропели,
Что бури все отгремели.
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдёт!
И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт..
Меня мое сердце
В тревожную даль зовёт.*

Лев Ошанин, 1958

На стене напротив — собрание книг, написанных Александром Григорьевичем, начиная с самых первых, как он сам их называет, «энэлошных»:

«Мы пришли с миром» и «ЧП в пустыне Калахари» (1991).

— Александр Григорьевич, вижу, тут представлены награды: военные — ваших папы и мамы и мирные — ваши. Расскажите о них.

— Папа начал воевать рядовым, а закончил войну майором, политработником. Был награждён орденом Отечественной войны I степени, также получил две Красные Звезды и три медали «За отвагу» и ещё одиннадцать медалей.

Что касается меня... Я лауреат Международной премии имени М.А.Шолохова в области литературы и искусства 2009 года — за

сборник публицистических и философских размышлений «На милость дня. Былинки» с вручением медали и диплома. Награду вручал современный классик Ю.В. Бондарев.

А председатель СПб отделения Союза писателей России Б.Орлов вручил мне в 2013 году медаль «За успехи в воспитании». В 2012 году награждён медалью «70 лет танковой гвардии» — за патриотические статьи.

Вот этой медалью я горжусь особо: «Генералиссимус А.В.Суворов» — «За вклад в патриотические традиции Отечества».

— *Ба, знакомые всё лица! Редакция газеты «Православный Санкт-Петербург» в полном составе?*

— Не в полном, конечно. За 23 года у меня столько народу успело поработать! Фотографий некоторых не осталось, но каждый внёс свой посильный вклад в народно-просветительскую православную газету, которую, смею надеяться, люди любят.

Александр Григорьевич оглянулся:

— Как видите, всё просто: комнатка с кроватью внизу, комната с двумя кроватями наверху — ведь это и гостевые комнаты. Взгляните: это правое крыло второго этажа.

На втором этаже

...Тут я увидела двух пауков, притаившихся в своих ажурных сетях, — не удержавшись, взвизгнула. «Не бойтесь, — засмеялся Александр Григорьевич, — я паучков люблю, не трогаю. Я и мушек и комариков люблю. Тоже ведь твари Божии. Только вот не знаю, как пауков кормить». — *«Кормить? Всё, Александр Григорьевич, на этом наше интервью закончилось»*. С тем мы и спустились вниз.

В Домике творчества побывала
Ирина РУБЦОВА

Домик у озера

Вечер, ещё не поздний. За окном сегодня шумно и хмуро — не балует нас теплом конец питерского июня. Окно смотрит в сторону Ладоги, правда, сейчас её не видно за

зеленью сосен и кустов, но голос ветра и разыгравшихся волн временами долетает сюда. А в «келье» моей уютно, тихо и тепло. Хочется даже по-мальчишески высунуть язык и подразнить непогоду, но я вспоминаю свой возраст, почёсываю бороду — и всё-таки радуюсь. Радуюсь тому, что приютил меня необычный человек в необыкновенном доме, который называется «Домиком творчества Александра Ракова».

Хозяин — редактор газеты «Православный Санкт-Петербург», хорошо известной не только в родном городе, но и во многих местах России и даже за рубежом. А необычен он тем, что создал и уже много лет делает и издаёт её без какой-либо государственной или иной

официальной помощи. Более того, своей ёмкой 8-страничной газетой он как бы говорит, и говорит достойно, от имени православного народа. Газету читают, любят, присылают массу добрых писем, многие помогают газете посильно. Но что говорить — наряду с радостями отнимает работа над газетой и много сил у главного редактора. И диву даёшься, как ещё этот немолодой уже человек, отнюдь не обладающий богатырским здоровьем, полон идей и энергии воплощать их в жизнь!

Не забудем ещё и то, что Александр Григорьевич написал и издал более 20 книг, в которых открыл новый литературный жанр: былинки — оригинальное и гармоничное сочетание прозы и поэзии, нашедшее благодарный отклик в сердцах многих читателей.

И необычный «Домик творчества...» задуман и создан им не только для себя — «...Александра Ракова», а для творческого человека Союза писателей России, который по дружбе, знакомству или с чьей-то подачи забредёт сюда на огонёк, чтобы и отдохнуть на природе, и напитаться духом словесного, живописного, а может быть, и музыкального созидания.

Домик хотя и небольшой — всего три спальных места, — но двухэтажный и очень уютный. Душевно уютный. На первом этаже мы попадаем... в мини-музей. Можно было бы назвать его «музеем одно-

го человека», самого хозяина — корреспондента, редактора, писателя. Но задумка и идейная линия здесь глубже. Через личные вещи, фотографии и документы Александр Григорьевич даёт нам возможность прикоснуться к семейным традициям и реликвиям, к литературному золотому запасу предшественников, ощутить преемственность творчества, осознать мощь русского литературного движения и Петербурга, и всей России.

Обращая взгляды на портреты родителей хозяина «Домика», с уважением и трепетом читаем строки их писем, литературно-критические напутствия отца-филолога, заботливые советы матери... Война обожгла и эту семью, но испытания и любовь закалили характеры, и военный отцовский компас смотрит со стены,

указывая верный курс по волнам жизни.

В комнате второго этажа экспонатов меньше, и тематически они более направлены на создание у посетителя или гостя обстановки творчества, осмысление увиденного, сопоставление со своим собственным путём в искусстве.

Лично у меня остаётся чувство большого уважения, даже преклонения перед трудами создателя «Домика творчества» и стимул самому работать больше, ответственнее, плодотворнее.

Спасибо замечательному домику и его создателю и хранителю!

ДОМИК ТВОРЧЕСТВА В КОККОРЕВЕ

*На музеи мы одинаково
смотрим, щурясь, сквозь пыль веков.
«Домик творчества А.Г.Ракова» —
вы почувствуйте! — не таков.
Правда, здесь глаза разбегаются,
разом и не охватишь всё.
Но от крупного и до малости —
всё нагрузку свою несёт.
Здесь и личный тернистый путь,
и отцовский заветный перст,
мамин облик улыбкою тронут чуть,
и иконы, и строгий крест...
Не китайская, но великая,
не берлинская, но — стена!
Уникальная, не безлика,
её не было — вот она!
Со стены смотрит Город в души нам
через призму картин и книг,
он для многих сердец отдушина,
и для многих — прозренья миг.
Напитавшись дыханьем времени,
в верхней келье твори, дерзай,
и в словесном волшебном семени
жизнь, себя и других познай!*

Н.И.ПОЗДНЯКОВ,

капитан 1-го ранга, ветеран Вооружённых сил России,
заслуженный работник науки и техники РФ.

Домик на Ладоге

Какой писатель не мечтал об уютном писательском кабинете в городе, или в летнюю пору оказаться в уединенном домике среди цветов и деревьев, да ещё на берегу какого-нибудь, скажем, моря или чего-то мореподобного, своим плеском навевающим творческое настроение? И оказывается – есть такие места на

земле. И даже находятся не в далёких экзотических странах, а здесь по соседству, на берегу седой Ладоги.

Мы приехали в этот уютный уголок к хозяину домика – Санкт-Петербургскому писателю Александру Григорьевичу Ракову в июне. Даже с первого взгляда на писательский домик было ясно, что это ещё одно произведение писателя, воплощённое в дереве. Маленький, уютный, чистенький дом в два этажа на три писательских персоны. Всё организовано так, что к писательским столам можно подойти сходу, без подготовки и сразу взяться за дело. Под рукой есть практи-

чески всё, что необходимо для творчества в современных условиях, то есть материально-техническая база на высоте.

Но это далеко не всё, чем замечателен писательский приют. Первый этаж домика представляет из себя подобие мемориала или что-то вроде музея. Стены украшены портретами писателей: классиков и ныне здрав-

ствующих, в том числе и тех, кто уже побывал в гостях у Александра Григорьевича. Бюстик Николая Васильевича Гоголя, книги о Ленинграде – Санкт-Петербурге. Тишина, чистота уют, запах дерева.... выходишь за дверь и погружаешься в ароматы нагретой за день растительности. Десять шагов по мощёной дорожке и ты оказываешься в тенистой, увитой плющом беседке. Кажется, что всё это ожившие иллюстрации из классического романа.

Писатели А. Козлов и С. Галицкий

Миновал калитку и пройдя один ряд домов, ступаешь на песчаный берег Ладожского озера. Его уходящая за горизонт бесконечность сразу же наводит на аналогию с морем. Думает-

ся, здесь замечательно в сухую осеннюю пору брести вдоль кромки воды под шум ладожской волны, улавливая навеванный ею поэтический ритм или размышлять о смысле жизни.

За беседой с Александром Григорьевичем, за прогулками по берегу озера, за чаепитиями в беседке – сутки пролетели незаметно. Уезжать не хотелось, но неотложные дела заставили нас покинуть уютный писательский мир. Воспоминания о нашем путешествии наводят почему-то на мысль о некоем утраченном благословенном саде. Остановись, мгновение!

Анатолий КОЗЛОВ,
член петербургского Союза писателей России

«Живите в доме...»

*Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нём.
Вот почему со мною ваши дети
И жёны ваши за одним столом —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас...*

Арсений Тарковский

В русской литературе много произведений, где «Дом» является и главным героем, и символом, и декорацией, и образом времени, и местом мировоззренческих поисков, и противостояний людей, и последним бастионом: «Дворянское гнездо», «Домик в деревне», Дом Ростовых, «Дом на набережной» и многое другое. В доме человек рождается, обретает плоть, в доме происходит его духовное становление. Дом — сакральное пространство нашего бытия. Огромное значение для укрепления русской нации играли усадьбы — дворянские, купеческие, крестьянские хозяйства — это были твердыни России, противостоящие в своих коренных нравственных устоях разрушительной идеологической

Встреча на выставке

инородной экспансии. В современную эпоху информационной революции дом каждого человека не защищён от духовных воров и насильников, более чем прежде подвер-

жен западному захватническому растлевающему воздействию, направленному на расшатывание коренных устоев нации. Причины этого поползновения известны. Но каковы средства защиты? Понятно, что сегодня не помогут ни вилы, ни топоры, ни увещевания.

Известный современный петербургский прозаик, публицист и журналист, главный редактор всероссийской газеты «Православный Санкт-Петербург» Александр Григорьевич Раков, родоначальник нового жанра «былинки» и в этом вопросе оказался зачинателем. Несколько лет назад он со страстью и воодушевлением начал рассказывать о том, что строит дом, вернее, домик, на своем участке, расположенном на берегу Ладожского озера. Правомерным был вопрос – зачем, ведь известно, что у Александра Григорьевича есть на этой земле добротное дачное жилище для его большой семьи. «Для

вас», — отвечал Раков, и уточнял, — «для писателей». На эту детскую мечту, на эту его мальчишескую забаву никто не обращал серьезного внимания. Пусть строит, видно, в детстве не наигрался. Будет, где уединиться ему для написания своих «былинок». Но вот дом готов. И назвать его иначе, как новым творческим подвигом писателя, нельзя. Известно, что высшее творчество человека — это сотворение им собственной жизни. Но Александр Раков идет дальше, он призывает к сотворчеству, к соборности в этом делании. Действительно, все, кого приглашает Александр Григорьевич, должны побывать в этом «Домике творчества», потому что здесь живёт время. Здесь оно не распадается на секунды, часы сплавлены в годы, годы в века. Здесь оно — целостно, вечно и милосердно, потому что доказывает, говоря опять же словами поэта-философа Арсения Тарковского:

*На свете смерти нет.
Безсмертны все.
Безсмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни
в семнадцать лет,*

*Ни в семьдесят.
Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком...*

Двухэтажный маленький четырехстеноч под традиционной острой равнобедренной крышей расположен в уединенной части сада, который, скорее, можно назвать цветником.

Здесь есть всё главное в жизни: благоухание вечности содержит нотки запахов флоксов и лилий, роз и пионов, шум вечности – шум прибоя древнерусского Ладожского озера, цвета вечности – скромные краски природы северо-западного края, разные оттенки зелёного, серого, жёлтого. И надо всем огромные небесные объятия. Воистину, здесь «только явь и свет, ни тьмы, ни смерти нет на

этом свете»... И ощущаешь, что ты «из тех, кто выбирает сети, когда идет безсмертье косяком», когда вступишь в этот дом.

Внутри – места мало, всё убористо, как в монастырской келье. Но на это не обращаешь внимания, потому что взор прикован к внутреннему убранству, если можно так назвать намоленные иконы в киотах, книги, газеты, журналы – на полках, на стеллажах, на подоконнике. И фотографии на стенах! Это даже не фотографии, это лица

и иногда лики. Лица ныне живущих русских писателей и уже ушедших от нас. Царственно взирает с глянцевой странички Ирэна Сергеева, наш здравствующий главный спец по поэзии, внимательно вглядывается в пришедших прозаик, историк, критик, литературовед Анатолий Козлов, поодаль, как и положено человеку

особой учености – фотография литературоведа высшей квалификации, доктора наук Ольги Борисовны Сокуровой. Портретов наших почтенных живущих литераторов, к счастью, много-много. Немало и тех, о ком мы говорим в прошедшем времени. Проникновенен взор Юрия Шестакова, выдающегося поэта, уже ушедшего, кстати, ученика Арсения Тарковского. На особом месте фотографии родителей Александра Григорьевича Ракова: отдание им памяти в виде поклона и восхищения их подвигами во славу России в годы Великой Отечественной войны – лишь малая толика того, что они заслуживают, и что мы можем им при-

нести. Повсюду любимые, можно сказать родные для Александра Григорьевича лица многих известных священников, среди которых портрет старца Иоанна Миронова лучится на-

стоящим солнечным светом.

В этом домике можно жить, творить, мечтать, глядя из окна на зыбкое пространство водной глади, сливающейся с небесной ширью в далёких, отстоящих от

нас на столетия краях и временах. Когда-то я написала стихотворение «Старинный Дом». У него не было конкретного прототипа, это и не собирательный образ, а, скорее, попытка ощутить незримое, облечь в видимые формы невидимое. Дом творчества Александра Ракова оказался созвучным этому моему стихотворению.

СТАРИННЫЙ ДОМ

*Веками здесь безстрастно зеркала
Мгновенья жизни вечной отражали,
И в оmutах зеркального стекла
Тонули те, кто раньше здесь бывали.
Войду в дом опустевший, не спеша,
Жалея, что не вечно жизни бремя.
Здесь листья в пыльных комнатах шуршат,
В каминном зале задремало время,
Укутавшись в остывшую золу,
Былой наряд его давно изношен
И зеркала осколок на полу,
Как чуткий взор, что в Мирозданье брошен
Туда, где возникают, ум страша,
Галактики, где свет берёт начало...
О, как должна быть велика душа,
Чтоб не судила время, но вмещала.*

Именно этому трудному умению – вмещать время, хранить судьбы, сберегать любовь – учит нас скромный чертог на холодном ладожском берегу. «Живите в доме!» – кажется, умоляет нас это деревянное строение.

И не рухнет прошлое, и не трудно будет войти в любое столетие, встретить своих предков. Через много-много лет, когда никого из нас, кто посетил «сей уголок», не останется на этой земле, домик Александра Ракова, выстояв с Божией помощью под натисками волн разной этимологии, не пошатнувшись под порывами разносторонних ветров, останется свидетельствовать о нас и о нашем времени. Потому что устойчив, потому что у него мощный фундамент, уходящий корнями в вечность, потому что «грядущее свершается сейчас». Вмещающий время он – открыт Вечности.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ,

Зам.гл. редактора журнала «Родная Ладога»

«Господи, благослови входящего в дом сей»

В Домике творчества Александра Григорьевича Ракова — тихо и уютно, вкусно пахнет деревом. Посреди первой комнатки кресло-качалка, в которой так и видится Шерлок

Холмс с трубкой, распутывающий головоломные преступления. Спрашиваю: «А вы, Александр Григорьевич, наверное, задумываете новые статьи и книги, сидя в этом кресле»? Ответ был неожиданный: «Я здесь вообще не сижу, я здесь вообще не пишу. Всё это сделано для других людей. Понимаете, Домик творчества Александра Ракова не должен говорить о моей личности, чтобы я не мог в гордыне нос задирать. Вот вы не обратили внимания, а на крыше Домика скворечник прибит. Птицы там, правда, не живут, но скворечник — это знак гостеприимства, я как бы говорю своим членам Союза писателей России: «Приезжайте в гости, живите, отдышайте, дышите свежим воздухом Ладоги, общайтесь,

пишите, творите». Нас — писателей — в Петербургском отделении, которым руководит замечательный поэт Борис Орлов, 250 человек. Рад буду каждому, хотя не всех знаю. А фотографии тех, кого знаю, ценю и люблю, занимают уже целую стену. Пусть не обижаются те, чьих фотографий ещё нет».

Оглядываюсь. Противоположная стена увешана книгами, рассказывающими о Северной столице и замечательных людях, жизнь и творчество

которых связано с нашим городом — Серове, Нартове, Стасове, Грибоедове... А наверху узкой лентой вьётся надпись: «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург...»

Любопытствую: «А три точки в конце зачем»? — «Кто знает, как дальше история повернёт, и какое имя будет носить славный

град Петра», — разводит руками Александр Григорьевич.

Привлекает внимание книга почившего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва † 2 ноября 1995) «Битва за Россию». На обложке надпись «На добрую память Александру Григорьевичу» — это дар Владыки. Александр Григорьевич любит и почитает митрополита Иоанна, о чём правдиво рассказывает его статья «Простите, Владыко!..», напечатанная в «Православном Санкт-Петербурге», — душевный отклик на смерть Владыки: «Кажется, ещё не остыла телефонная трубка, по которой довелось за несколько дней до кончины просить совета Владыки.

Порой и повод для разговора находилась специально, чтобы услышать его бодрящий ласковый голос. И — удивительное дело! — казавшиеся непреодолимыми трудности переставали выглядеть таковым. Но, главное, уже во

Уголок членов отделения
СПб Союза писателей России

время разговора наступало знакомое православным состояние, когда всё существо наполняется радостью, светлеет внутри и вокруг, делается легко и свободно...

Ну почему же так странно устроен человек, что только после утраты по-настоящему ощущает, кого он потерял? Почему столько ропота, непонимания, осуждения и открытой враждебности вызывала порой пятилетняя деятельность митрополита Иоанна (Снычёва) на Санкт-Петербургской кафедре? И почему теперь тысячи душ выплакивают своё горе расставания после его кончины?

По-разному движется земное время. Для осмысления требуются столетия, а значимость другого высвечивается мгновенно...

Нет случайности в этом мире. Земная звезда Владыки погасла, чтобы светить нам невидимым светом на трудном и опасном пути.

Слёзы — удел женщин. Но иногда Господь дарует слёзы мужчинам. Это не стыдно.

... Я поднимаю ещё тёплую телефонную трубку и набираю знакомый номер. Звучат длинные-длинные гудки. Простите, Владыко!..

Александр Раков, редактор газеты «Православный Санкт-Петербург», 16 ноября 1995 г.».

— Меня многие за глаза называют «иоаннитом», — улыбается Александр Григорьевич. — Я горжусь этим званием. Дай только Бог, чтобы был достоин его.

— *Я так понимаю, это Владыка Иоанн благословил Вас делать газету и помогал, чем мог?*

— Благословил, верно. Должен сказать, что моё появление в резиденции Владыки повлияло на всю мою дальнейшую жизнь: я открыл для себя Православие. А Владыка видел вдаль и понял, что пришёл человек, который не отступит перед трудностями и будет делать православную газету, несмотря ни на что. Всего два года общался я с Владыкой, но бывал у него часто. Это он отправил меня в 1995 году в моё первое паломничество в Иерусалим, по святым местам...

Что касается помощи... Я как-то пришёл, чтобы поплакаться, денег попросить. Только рот открыл, а за спиной Владыки стоял о.Пахомий (Трегулов) — духовное чадо митрополита Иоанна, — и вижу, он отрицательно качает головой, глядя прямо на меня. Я понял, что о деньгах заикаться не надо. А Владыка в это время уже спрашивал: «Тебе деньги нужны?» — Я в ответ бодро: «Нет, дорогой Владыко, справимся сами». А когда я вышел, о.Пахомий догнал меня, сказал: «Это Владыка проверял тебя».

Один из 10 адресов редакции газеты

Но деньги были нужны, и я решил напечатать в 1994 году статью в пятом номере американского информационного вестника русско-американского общества «Отрада», издаваемого в Нью-Йорке. Да вот эта заметка «Аще приступаеши работать Господеви...», почитайте. «Странное и порой страшное время переживает Россия. Утрачены нравственные ориентиры, полуразрушена промышленность, перекурочена история, запутана душа. Время первоначального накопления капитала оборачивается хаосом, коррупцией, кровавыми разборками, водочным потоком, ложью и торжеством несправедливого рубля. Но, слава Богу, освежающим ветерком повеяло от медленно приходящей в себя Русской Православной Церкви. Возрастает её благотворное влияние на измаявшиеся сердца уставших людей. Думается, что не случайно в канун Пасхи 1993 года по благословению митрополита СПб и Ладужского Иоанна появилась на свет Божий единственная православная газета в городе, родившись

во чреве коммерческого издания и редактируемая журналистом-мирянином, она вступила на трудный путь своего становления. Три регистрации, смену четырёх мест размещения редакции за год пришлось выдержать крохотной газете, чтобы простые люди смогли прочитать 24 её выпуска. Велико было моё желание бросить некоммерческую газету и стать как все. Но Господь не возлагает на раба Своего креста, который тот не может нести. Газета жива, у неё появились свои читатели, и даже подписчики. Теперь, когда стало ясно, что «Православный Санкт-Петербург» не помрёт от «детских» болезней, настало время подумать о его юности. Мои многократные попытки найти финансового попечителя или же соучредителя не увенчались успехом ввиду неодолимости дела. Тогда мы открыли небольшой киоск для продажи святоотеческой литературы и несколько поправили свои дела. Но взлетающие вверх цены пока что не обеспечивают нам устойчивого равновесия. Достаточно сказать, что стоимость тонны газетной бумаги достигает сейчас порядка 1 млн. рублей, текущего эквивалента 500 долларов. Исчерпав возможности в России и, ощущая полную меру ответственности за взятое на себя дело,

я обращаюсь к православным людям Америки — помогите! Мне нужен толчок для подъёма. Дайте мне лопату, чтобы взрыхлить почву для будущего урожая. Редакции не достаёт техники — факса, копировальной машины, старенького автомобиля для развозки тиража и ряда других вещей, необходимых для редакционной работы. Именно поэтому загнав свой стыд вглубь, я обращаюсь за вашей молитвенной поддержкой и помощью. Господь да не оставит вас! Александр Раков, редактор газеты «Православный СПб» 1 августа 1994 года».

— *И что? Был какой-то ответ?*

— Да. Помню, тысячу долларов получили. Что-то смогли купить.

Раков вдруг прервал разговор, увидев, что в окно бьётся и не может найти выход маленький шмелик. Александр Григорьевич аккуратно, чтобы не повредить крылышки и лапки, поймал его в салфетку и выпустил в форточку: «Лети, дорогой, на свободу». И, как ни в чём не бывало, вернулся к прерванному разговору.

— Кто-то, возможно, пожмёт плечами, мол, зачем все эти вырезки газетные хранить и прочее. Я хотел пока-

зять, как трудно было становиться на ноги и выживать крохотной газетке в то время, как более солидные многотысячные издания прекращали своё существование. А ещё на этом ограниченном пространстве (домик небольшой — двухэтажный) хотел рассказать о своём творчестве, о своих родителях, о своих близких людях и друзьях.

— *Ваш папа тоже был журналистом?*

— Папа был журналистом и филологом. Он закончил ЛГУ в 1939 году. В совершенстве знал немецкий язык и как-то для моего старшего брата Эдуарда разобрал стихотворение знаменитого немецкого поэта Генриха Гейне. Очень интересное исследование.

В юности папа добровольно поехал на Кольский полуостров, работал корреспон-

дентом в газете «Хибиногорский рабочий». Составил книгу «Хибинские клады» — о полезных ископаемых полуострова. Там познакомился с моей мамой Верой Георгиевной Сироткиной, которую нежно любил до последних дней своей жизни.

Видите, я бережно храню вещи, которые остались от папы — компас, с которым он прошёл всю войну (ушёл на фронт рядовым, а вернулся майором), его боевые награды, флягу, портсигар с папиросами «Беломорканал», карточный кошелёк, складные часы, которые до сих пор работают. Умели раньше делать качественные вещи. Но главное наследие — его мудрые мысли, которые я напечатал на листках и развесил в комнатке наверху.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

— *Война — это страшно, папа?*

— *Нет слов описать, сынок!*

Случалось от немцев драпать

И всаживать в грудь клинок.

*За долгих четыре года
Прознаешь, что смерть — кругом.
Порой, что казалось бродом,
Зияло бездонным дном.
Однажды весной на полянку
Я выбрался покурить.
А бомба нашла землянку —
И некого хоронить...
На фронте провёл всё время,
Не ранен ни разу был.
Случалось, стрелял в меня немец,
Но я его первым убил.
Я ползал к фашистским окопам
В железный рупор кричать:
«Сдавайтесь тушёнку лопать,
Не то мы вас будем кончать!»
И шли, прикурив листовку, —
Подальше от слова «смерть».
А мы, допросив пленённых,
Их отправляли в СМЕРШ.
Послушай-ка, сын, про связиста,
С которым я рядом спал;
А был он телефонистом,*

*Героем Союза стал.
Взрывом провод разорван,
Без связи нельзя войскам.
Самый высокий орден
Будет связисту дан.
... Обе руки пробиты,
Взял он концы – и в рот.
«Вот мы теперь с вами квиты,
Наглый фашистский сброд!»
Мёртвые губы синели,
Но между ними текли
Штаба приказы – и к цели
Снова гвардейцев вели.
– Сынок, не будем о войне,
Она полна тревог.
Но счастлив, счастлив я вдвойне,
Что счастлив ты, сынок!*

Кстати, одно его высказывание подтолкнуло меня изобрести новый литературный жанр — короткие былинки. Вчитайтесь в папины слова: «Как в прозе, так и в стихах нельзя «разжёвывать» читателю все детали, а следует давать такие «узловые», наиболее выпуклые черты повествования, так «сгустить» текст, что-

бы читатель сам угадал, соучаствовал в создании той атмосферы эмоций, которых добивается автор. Иначе и стихи, и проза будут «вялыми», растянутыми, малодейственными». И ещё: «В творчестве нельзя навязывать, нельзя указывать дороги, иначе все авторы были бы шаблонизированы и походили на деревянных матрёшек. Я ставлю одну задачу: приподнять занавес над тем, чего, может быть, ты не знаешь или не обратил внимания. Творчество слагается из определённых индивидуальных данных, способностей, культуры, социального «заказа» своего времени. То есть, надо не только писать, но и учиться писать, не останавливаясь на одном уровне». Гениальные идеи!

Людам нравятся мои книги, мои былинки. Об этом можно судить по добрым словам, которые они мне шлют. Вот что написал член Союза писателей России Владимир Дворцов: «Александр Григорьевич Раков — герой русской литературы. В нём, как в настоящем герое собрано Богом всё — и мудрость, и страсть, и строгость правил, и вдохновенность, и сверхчеловеческое трудолюбие — выщечеловеческое, архичеловеческое — явь благодатности его жизни». А это отзыв поэтессы из Сыктывкара Надежды Мирошниченко: «Александр

Григорьевич, вы стоите особняком в соборе современных русских имён. И это удивительно. Среди многотрудных усилий на русской ниве, ваши нельзя переоценить, ибо они объединяют все слои народа и многие его чаяния. Всё-таки это Божий дар — почувствовать, чего не хватает времени и обществу, и в век разобщения и раздора вернуть русскую душу к исследованию себя со всех сторон». Станислав Куняев поблагодарил меня за уникальную антологию русской поэзии. Но самая ценная поддержка — слова мамы: «Ты, Саша, у меня молодец. И всё, что ты пишешь, мне нравится. И я рада за тебя. Ты нашёл себя».

27 января — в день окончания блокады Ленинграда и похорон моей мамы — у меня случился инфаркт. Я лежал в реанимации, и некоторые люди в палате умерли. И я решил, что это конец, мама зовёт меня к себе. Но она приснилась мне той же ночью и сказала: «Живи, Сашенька, долго. И будь счастлив». Наутро медсестра предложила сделать успокоительный укол, чтобы я не чувствовал страха. Я ответил: «Ничего не надо. Я не боюсь». Когда мой духовный отец о.Иоанн Миронов узнал об этом, то сказал: «Семьдесят семь... и ещё годик, Сашенька». Спасибо батюшке за доброту.

Уже уходя, я обратила внимание, что на входных дверях висит плакатик со словами свт.Николая Сербского: «Господи, благослови входящего в дом сей, защити и сохрани исходящего из него и даруй мир в нём пребывающему». Спаси Бог, Александр Григорьевич, за гостеприимство и добрые пожелания.

Побывала Ирина НИКОЛАЕВА

Курсом в грядущее.

Продолжение «Домика на Ладогe»

В жизни мы часто возвращаемся мыслями к прошлым впечатлениям. И не только переживаем их заново, но и обнаруживаем скрытые смыслы и значения. Наверно, есть в этом элемент творчества. А.И. Герцен писал: «Всякое первое впечатление бывает смутнее, слабее, нежели отчёт в нём. Непосредственность – только пьедестал жизни человеческой, и именно отчётом поднимается человек в ту среду, где вся мощь и доблесть его».

Так уж получилось, что я участвовал непосредственно в завершении оформления «Домика творчества

Александра Ракова» и под наплывом впечатлений сел и сразу написал небольшую заметку.

Тем более, что в отведённой мне «келье» Домика обнаружил напутственные слова отца А.Г. Ракова – Григория Ивановича, филолога и журналиста: «Идите всегда от впечатления – и никакая банальность вам не грозит».

Теперь же, вспомнив слова Герцена, я думаю: а ведь нет здесь противоречия – оба правы.

И вот, по прошествии недель, я, морской офицер с более чем 30-летним стажем, снова мысленно поднимаюсь по трапу памяти на борт КОРАБЛЯ «Домик творчества...» – и как бы даю сам себе отчёт.

Те, пока ещё немногие люди, которые побывали в нём после меня, сравнивали его и с музеем, и с мемориалом, и с дорогой жизни, и с сакральным Домом, даже с благословенным садом... И я согласен со всеми этими яркими определениями, но, как моряк, вижу

ещё и глубокую корабельную сущность этого изящного деревянного строения под крышей-парусом на берегу Ладоги. Попробую пояснить.

Недавно раскрыл свежий, девятый, номер альманаха «Линтула» (издание Константино-Еленинсконо монастыря) и прочёл самую, пожалуй, краткую и

ёмкую характеристику нашего времени: «Завершился ХХ век, который стал самым противоречивым в истории человечества. Были достигнуты колоссальные успехи цивилизации наряду с невероятными проявлениями жестокости и умышленным уничтожением миллионов людей» (Валентин Поликарпов). Вот по какому бурному и опасному океану плывём мы все. Кто на личной яхте, где ничего, кроме роскоши, камбуза и гальюна, нет. Кто на лодчонке резиновой, кто на досках и обломках спасается. И как же важно иметь под ногами палубу надёжного, крепкого корабля, парус надежды, якорь спасения!

Думаю, Александру Григорьевичу удалось создать такой «корабль» – корабль не материальный,

а историко-литературный и духовно-нравственный. Хотя Домик вполне вещественный, но идейная нагрузка у него выше материальности. Собрание экспонатов, подчас уникальных, не выглядит натюрмортом, а заставляет задуматься о жизни, о прошлом, о настоящем, о судьбах литературы, культуры, страны... Да что там глобальные замахы – о самом себе задуматься: так ли живёшь, то ли делаешь? Нашёл ли своё место и направление в потоке событий?

И всё это богатство бережно собрал, привёл в систему и одухотворил один человек – писатель и редактор А.Г. Раков. Хвалить ли его за это? А чего его хвалить – его хвалят дела: газета, книги, тот же Домик. Редко кому такое под силу. Почти четверть века выпускать ежемесячно 8-полосную газету, которую ждут и читают десятки, сотни тысяч, – труд тяжелейший. Поистине «как раб на галерах» – вспоминается выражение нашего президента В.В. Путина. И тяжесть тут даже не в неподъёмных вёслах и не в трудности гребли – в ПРИКОВАННОСТИ! Приковали – и гребёшь, впрягся – и везёшь, куда деваться? Положение обязывает. Поражаемся: как ещё выдерживает человек такое! Пропускать каждую газету через себя, через свой

ум, сердце, нервы – до последней буковки и запятой! Но – выдерживает, хоть и болеет порой, дай Бог ему здоровья и сил. Значит – есть помощники, значит – молятся за него крепко. А нам всем – пример.

И как капитан, собравший и сплотивший команду, Александр Григорьевич уверенно опирается и на семью свою, и на редакцию, ставшую тоже для него родной. А в Домике его – ещё одна команда, гораздо более многочисленная: галерея портретов – это и ушедшие и ныне здравствующие родные, писатели, поэты, священники, общественные деятели, которые помогают вести корабль творчества дальше, в грядущие времена. Разные это люди, и отношения между ними всякие бывали – но труды их велики и вклад в русскую культуру огромен. О каждом из них автор «былинок» может рассказывать часами – знает капитан свою команду.

Но, наряду с капитанским мостиком, есть на любом корабле и кают-компания, где можно отдохнуть, побеседовать, послушать музыку и вечную песню волн. И в Домике творчества есть место и отдыху, и мечтам, и творческому полёту. Уютно и с умом всё сделано. И как тут не поклониться, не воздать должное милому

«старпому» – заботливой супруге Валерии Михайловне, которая умеет и гостей принять, и мягко укротить нередкие вспышки требовательного «капитана», и в красоте и порядке содержать сад, жилой дом и всё дачное хозяйство.

Ольга Сокурова с семьёй Раковых

Вот и ещё одно ключевое слово для Домика и его хранителей – ГАРМОНИЯ, единство замысла, чувств и дел.

А по-корабельному гармония – это слаженность. Когда всё и все работают как часы и на совесть. Этот уверенный ритм, это редкое сочетание покоя и какого-то призывающего волнения явно ощутил я однажды летним вечером, оставшись наедине с Домиком-кораблём, в верхней его каюте. И рука сама потянулась к перу и бумаге...

Верю, что Корабль творчества набирает ход и идёт верным курсом.

Добрый путь! Счастливого плавания!

ПОЗДНЯКОВ Н.И.,

Капитан 1 ранга

Советский Домик православного творчества

Первое ощущение, которое у меня возникло, когда я переступил порог домика творчества Александра Ракова, – я снова в Советском Союзе! На стенах небольшого, но очень уютного, с любовью оформленного двухэтажного домика, – бесчисленные фотографии людей того времени (знаменитых

С.Г. Галицкий

«Советская» стена 1-го этажа

и не очень), пожелтевшие страницы советских газет, фотографии, книги, дипломы, значки и даже перья для чернильных ручек!

Я и сам родился в Советском Союзе. Работал на заводе, как и Александр Григорьевич, в НИИ, потом снова учился. Вместе со всеми на кухне критиковал крупные, как нам тогда

казалось, недостатки – отсутствие джинсов и десятков сортов колбасы в магазинах. Вздыхал: «А вот на Западе!..». Вздыхал я предметно, потому что в числе немногих советских людей я на Западе побывал. И только по прошествии многих лет, после перестройки-перестрелки 80-х, лихих 90-х, якобы спокойных 2000-х стало понятно, что же мы потеряли вместе с Советским Союзом.

Галопом по Европам

Время разорвать невозможно – без прошлого нет будущего. Сегодня кто-то пытается сделать вид, как будто ничего положительного в советском прошлом не было вообще и старается забыть его, как страшный сон. Конечно, в советское время было и богоборчество властей при молчаливом участии многих, и на-

учный атеизм. Но и это наша история, это тоже часть

нашей жизни. Отрицая историю своей страны, считая её одной сплошной ошибкой, мы прерываем «времен связующую нить». Александр Григорьевич своим Домиком творчества эту связь времён подчеркнул настолько явно, что не заметить это просто невозможно.

Я абсолютно уверен, что замечательная православная газета «Православный Санкт-Петербург» не выходила бы уже более двадцати пяти лет, если бы она была построена не на камне, то есть на реальном фундаменте трагической истории нашей страны, а на песке – на огульном отрицании советского периода как якобы полностью ошибочного, случайного и вроде как совсем не нашего, чужого. Нет, всё это – наше и только наше! Всё, что произошло с нами в XX-м веке, закономерно. Отошли от Бога к началу XX-го века – получили «бич Божий» в лице большевиков-ленинцев, но и тысячи новомучеников и исповедников. Вспомнили в 1941 году о Боге перед лицом страшной фашистской армады – обрели Победу 1945-го как благословение Божье. В 60-е годы вновь стали закрывать храмы – получили перестройку. Потом в год Тысячелетия Крещения Руси снова вспомнили о Боге – научный атеизм приказал долго жить. Правда, вместе с государством...

Вот такие мысли пришли мне в голову, когда я слушал рассказ Александра Григорьевича, рассматривал стены музея, вглядывался в лица на старых фотографиях, рассматривал пишущую машинку, чернильные перья, линейки – предметы, которые навсегда ушли из нашего обихода и стали музейными экспонатами.

Предметы ушли, но память о том времени должна жить. Поэтому я очень благодарен Александру Григорьевичу за приглашение приехать и увидеть этот, с такой любовью сделанный, его собственный уголок Советского Союза. И я очень благодарен гостеприимным родным Александра Григорьевича, которые, как и в то далекое советское время, старались нас угостить чем-то особенным. Навсегда запомню этот такой ёмкий и близкий мне по духу домик. От всей души желаю Александру Григорьевичу довести свой замысел до конца! Пусть этот домик

станет источником не только его творчества, но и настоящим источником вдохновения для тех людей, которых Александр Григорьевич гостеприимно принимает у себя на Ладоге с широко распахнутой душой. Как в добрые советские времена...

Сергей ГАЛИЦКИЙ

Музей нашего поколения

Автомобиль летит по шоссе к Ладожскому озеру. По сторонам мелькают красивые русские пейзажи. Хотя начало сентября, но осень ещё не очень чувствуется. В кронах деревьев не видно ни одного жёлтого листочка.

Степенно светит солнце. Изредка то справа, то слева мелькают кресты храмов и часовен. В сердце эхом отзывается Святая Русь.

За рулём Александр Григорьевич Раков. Ещё в прошлом году он пригласил меня в свой домик творче-

ства, построенный им на дачном участке. Но всё как-то не складывалось – административные дела на общественной должности отнимали уйму времени. И вот я с большой радостью еду на дачу к своему товарищу.

Берег Ладоги. Музей «Дорога жизни». В конце 1980-х – начале 1990-х мне приходилось бывать здесь. Тогда я служил в Центральном военноморском музее. Страна приближалась к краху. Всё советское в средствах массовой информации очернялось. Редко можно было увидеть улыбки на лицах людей.

Сейчас почти всё изменилось. На берегу Ладожского озера рядом с музеем выросли десятки частных предприятий, обслуживающих туристов.

Перед пляжем мы повернули направо. Вот и дача Александра Ракова. Автомобиль остановился. И Александр Григорьевич сразу повёл меня к своему детищу – Домику творчества. Небольшое деревянное двухэтажное здание писатель строил несколько лет. Снаружи смотрится очень красиво. А когда мы заш-

ли внутрь, я обомлел. Домик творчества оказался музеем нашего поколения – поколения детей Великой Победы. Я смотрел на фотографии и разные предметы, собранные Раковым, – и передо мной проходила вся моя жизнь. Вот металлические пёрышки – такими я учился писать в первом классе, окуная их в чернильницу. Вот фотоаппарат «Смена» – таким делал свои первые снимки, когда учился в седьмом классе. Некоторые из предметов культуры и быта я уже забыл. А здесь, увидев их, вспомнил многое из того, что слоями глубоко отложилось в моей памяти.

Фотографии писателей, политических деятелей, старые газеты и книги... Как писал Сергей Есенин: «Это всё мне родное и близкое, от чего так легко зарыдать».

На дачном участке Ракова расположилось несколько строений. Это домик, в котором он живёт с супругой,

баня, беседка, увитая диким виноградом... И повсюду посажены цветы разных сортов, которые цветут с весны до осени. Настоящий Рай для литератора. Здесь не надо долго ждать вдохновения. Оно к тебе придёт быстро. У Александра Григорьевича в гостях побывало несколько поэтов и прозаиков, и все они что-нибудь написали.

Когда мы во второй половине дня возвращались в город, я, сидя в машине, тоже написал небольшое стихотворение и посвятил его Ракову:

*Светятся на солнце колокольни,
Но плотней покров дневных одежд.
Бабье лето для наивных школьниц –
Тайный путь познания и надежд.
И тепла, и солнца стало меньше,
Но в садах ещё цветут цветы.
Бабье лето для серьёзных женщин –
Отраженье зрелой красоты.*

Борис ОРЛОВ,
секретарь Союза писателей России,
председатель правления Санкт-Петербургского
отделения Союза писателей России

Дом души и любви

О.Б. Сокурова

Неожиданно для себя пишу ещё одну – совсем необычную – рецензию на новое самобытное творение А. Г. Ракова. Нахожусь в буквальном смысле внутри этого творения: в маленьком двухэтажном гостевом домике в поселке Коккореве. Совсем рядом – священная Ладога. В этих местах проходила Дорога жизни – тон-

кая трагическая и спасительная нить, связывавшая блокадный Ленинград с большой страной.

На стенах домика – многочисленные фотографии людей и городов, вырезки из газет, обложки книг и сами книги, изображения орденов и медалей, ксерокопии документов и писем, денежные знаки и

Снизу вверх

продуктовые карточки, напечатанные отрывки из мудрых отцовских наставлений, прозорливых читательских и писательских откликов...

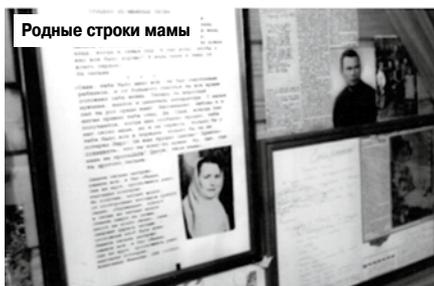
До предела спрессованная информация, которая поначалу несколько оглушает своей многогранностью, многоуровневостью и многозначностью, а потом постепенно начинает разворачиваться в *дорогу жизни* хозяина домика, неразрывно связанную с жизнью страны, её этапами, выразительными приметами разных времен, их неповторимой атмосферой.

Подтверждается одно из драгоценных открытий русской литературы: настоящими творцами истории являются далеко не только великие полководцы и известные политики, но самые простые люди – современники, участники и свидетели происходящих событий, т. е. каждый из нас. Однако далеко не каждому удастся зафиксировать судьбу страны и народа в реалиях личной судьбы. Наиболее освоенные в этом отношении жанры – книги мемуаров, альбомы фото-

графий. А вот такой оригинальный «жанр», как частный дом-музей, созданный прижизненно как открытая и богато иллюстрированная книга души и судьбы хозяина, и предназначенный не только для музейного осмотра, но также для жизни, писательской работы и отдыха тех, кто здесь гостит – являет собой нечто непривычное. В этом есть что-то свежее, оригинальное и в то же время очень органичное для личности Александра Ракова.

Представляется, что логика собственного внутреннего развития привела «автора» домика к такому неожиданному и плодотворному решению. Главный импульс его существования, одновременно сознательный и сердечный, проявившийся и в газетной деятельности, и в книгах, и в каждодневных поступках – быть полезным людям, что-то сделать для них хорошее и нужное. И еще – открыть им себя, искренне поведать о своих впечатлениях и мыслях, радостях и тревогах, о своём непростом пути, об ошибках, искушениях, прозрениях – словом, рассказать свою жизнь «до точки».

В гостевом домике эта жизнь не только рассказана, но и показана. Каждый наверняка найдёт для себя что-то особенно интересное, дорогое, узнаваемое в соб-

ственном жизненном опыте. Лично меня очень тронули заботливые письма матери, Веры Георгиевны, и впечатлили глубокие мысли отца, Григория

Ивановича. Как важна чеховская мысль, многими сегодня забытая, на которую он ориентирует сына: «Работать нужно для вечности»! Как насыщен призыв никогда не останавливать движение вперёд (ведь остановка, топтание на одном месте в духовной и профессиональной работе – это деградация, отступление, сползание вниз). А гениальная, как оценил её А. Г. Раков, отцовская идея о том, что настоящее творчество есть «сгущение», оказалась для сына своеобразным толчком, заветом для создания жанра «былинок», где ёмкая авторская мысль и живое впечатление сердца поддерживается и усиливается поэтическим словом и часто – наглядным фотографическим образом.

И ещё одно высказывание Григория Ивановича, как представляется, следует помнить каждому пишущему человеку: «Перо – сильнейшее оружие. Ни в шутку, ни

ради рифмы, ни из озорства, ни тем более при каких-либо настроениях не позволяй, чтобы это оружие вольно или бессознательно было направлено против народа. Наш народ работает с таким колоссальным напряжением, что даже одна мысль повредить ему и ещё больше увеличить его нагрузку сама по себе преступна».

Да, в домике этом – «Домике творчества» – хорошо жить, размышлять и работать. За окнами радуют глаз цветы, зеленеют и благоухают целительным хвойным запахом пушистые кедры, манит к себе уютная, покрытая плющом беседка.

В хозяйском доме хлопочет и заботится обо всех чудесный человек, верная и надёжная опора писателя, его жена Валерия Михайловна. Очень светлое впечатление произвело знакомство с её сыном Ильей, невесткой Натальей, внуками Кириллом и Оленькой. Сколько искренности, простоты и глубины, сколько

светлых созидательных сил и добросердечия проявляется в наших православных людях!

А гостевой домик – я это поняла – настоящий терем-теремок: помимо гостя вроде меня, в нем прекрасно живут-поживают и духовник хозяина старец Иоанн Миронов, и незабываемые друзья детства и юности, и сотрудники газеты «Православный Санкт-Петербург» (у всех прекрасные лица), и писатели, и читатели, и даже государственные деятели, и целые города и страны. Вокруг домика бегают кошки, кро-ты и ёжик. А крышу его венчает веселый скворечник: «Залетайте, гости дорогие! Всем вам рады!»

СОКУРОВА Ольга Борисовна,
доктор культурологи,
доцент СПб исторического факультета Госуниверситета

Сродни летописи

Размышления о творчестве Александра Ракова (Эссе)

*...Жить, как живёшь своей страдой безсонной,
Взялся за гуж – не говори: не дюж.
С тропы своей ни в чём не сосупая,
Не отступая – быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.*

А.Т.Твардовский.

Имя это – Александр Раков – я впервые узнал в году в 2007-м, по какому-то наитию взяв в руки в книжной лавке подворья Оптиной пустыни его книгу «У раскрытого окна».

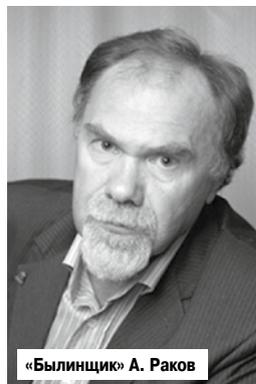
Стараясь уловить дух и суть написанного и не имея возможности на ходу этого сделать, всё же приятно был удивлён необычной манерой изложения «материала», уже по-

лучившего своё литературное бытование под названием «былинки», обилием присутствующих – знакомых и малознакомых мне поэтов разных времён и литературных направлений, но, по преимуществу, поэтов русской классической традиции; не могли не обратить на себя внимание выношенность авторской мысли и простота изложения, слога.

Так, вроде бы случайно (но есть ли что случайное в нашем мире, где и крыло мухи на Божьих весах взвешено?) я вступил в духовный мир поэта, – поэта не только по литературной склонности, но и по пронзительности и глубине мироощущения, – Александра Ракова; в мир, который по неисчислимому множеству населяющих его лиц, событий, явлений, взаимосвязей и взаимопереплетений, скорее, следовало бы назвать мирозданием...

Меня подкупили его простота («Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного. Где нет простоты, там одна пустота». Прп. Амвросий Оптинский) и нелукавство – авторское и человеческое, и я сам решил, что почту за честь быть

«Былинщик» А. Раков

в числе поэтов, призванных в свои литературные ряды и избранных Раковым, а посему и отправил ему по почте свою стихотворную книгу «Тростник» (М,2010).

Надо ли говорить, как я был обрадован, узнав от него о том, что в одиннадцатую книгу «былинок» под названием «Поэзия делает землю красивой» (2014) включены и три моих стихотворения...

Затем уже было личное знакомство на вручении литературных премий в Александро-Невской лавре с подаренной ему моей новой книгой, сотрудничество с редактируемой им просветительской газетой «Православный Санкт-Петербург» (там А. Раков длительное время печатал близкие ему по духу и по пониманию надвигающейся мировой апостасии мои стихотворные переложения изречений современных подвижников благочестия), переписка с установившимся отношением друг к другу: «брат Николай» – «брат Александр», – с пониманием единомыслия во Христе:

«...Один у вас учитель – Христос, вы же все – братья». (Мтф.23,8-10)

Имя Александра Ракова хорошо известно православному читателю, однако, думаю, не лишним будет

напомнить новому читателю, незнакомому с творчеством Ракова, его основные жизненные и творческие вехи: родился 9 октября 1947 года в Австрии, в Вене, сын Победы. С 1993 года главный редактор всероссийской просветительской газеты «Православный Санкт-Петербург» с четырьмя дочерними изданиями: «Горница», «Чадушки», «Правило веры», «Соборная весть».

Создал новый литературный жанр миниатюры – «былинки» и в 2014 году завершил 12-томное собрание, включающее в себя двухтомную поэтическую антологию «Поэзию любят красивые люди» (1030 поэтов, 2000 стихов) и «Поэзия делает землю красивой» (700 поэтов, 1040 стихов).

Собрание завершила книга «Избранные былинки» (100 лучших миниатюр из всех изданий).

Александр Раков – лауреат Международной премии имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства, 2009. Лауреат Всероссийской премии имени А. К. Толстого, 2014.

Зная любовь Ракова к поэтическому слову, его проникнутость поэтическим словом, естественно было предположить, что и ему самому не чуждо желание излиться в стихотворном произведении. Да, это желание

ему, отнюдь, не чуждо! – и он подтверждает наше предположение публикацией своих стихов в книге «Незабудки» (2016), посвящённой незабвенным родителям – Григорию Ивановичу Ракову и Вере Георгиевне Сироткиной, делая удачную, на мой взгляд, попытку, – продолжая жанр «былинок», худо-

жественно подкрепляет и завершает размышления о сложности и трагичности земного бытия уже своими собственными оригинальными стихами.

Надо сказать, что Александр Раков, видимо, при своей природной склонности к «самокопанию» и скромности, присущим сложным и глубоким натурам, себя профессиональным поэтом не считает, однако же во многих его стихах со всей очевидностью наблюдается несомненное присутствие признаков поэтической даровитости, – как в этом, может, стихотворении о молитвенной помощи матери в момент смертельной опасности для сына:

*Я по тебе скучаю, мама,
И даже смерти не боюсь.
Плоха моя кардиограмма –
Но я пока что не сдаюсь.
А ты к всемилостивому Богу,
Который всемогущ и строг,
Нашла молитвенно дорогу,
Чтоб сына Он спасти помог.
И материнскую молитву
Услышал любящий нас Бог,
Помог врачам в смертельной битве, –
И мамин вздох: «Живи, сынок».*

Краткое – всего в двенадцать строк стихотворение, – а сколько в нём сконцентрировано христианского видения жизни – земной и загробной, – в вечности у Господа не имеющих разделения!

У Бога нет мёртвых, – у Бога все живы, все спасённые видят и помнят друг друга, всё в Царствии Божием объёмлется Христовой любовью, ибо:

*Мы молим Бога, плачем, судим
От неизбытности любви.*

(стихотворение «Непокой»)...

«Неизбытность любви» – вся и всё связующая нить...

Образ матери, к которому так часто в своих стихах возвращается поэт, в самой русской поэзии, в памяти русских поэтов (даже леденисто-сурового Юрия Кузнецова) вечен; занимает он и своё, освящённое сыновней благодарностью место, в поэтическом творчестве А. Ракова.

Жизнь матери в блокадном Ленинграде, которую иначе, чем подвигом и назвать нельзя, — дежурство на крышах обстреливаемых домов, копанье противотанковых рвов в Пулковско, собиpание мёртвых, умерших голодной смертью, по квартиpам, выживание её самой благодаря свёкpу, каким-то чудом доставшим ей, весящий в то время тридцать килограммов, мешок сушёной яблочной кожуpы...

Две, сверхчеловеческим трудом и испытанием заслуженные медали: «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг». Вот об этих материнских медалях и всей той беде и подвиге, что за ними стоят, поэт пишет своё следующее замечательное стихотворение:

БЛОКАДА – ЖУТЬ ЗЕМНОГО АДА

Эти скромные медали

Для меня – безценный клад.

Вы фашистам не отдали

Русский город Ленинград.

Мама, дух твоих медалей

В плоть мою, как сталь проник,

Словно мне награды дали.

А пишу лишь я дневник.

Подвиг ваш мы помним свято,

Вечный пусть огонь горит.

Вы – блокадные солдаты,

Немец вами был разбит.

«Мужество есть твёрдость в опасностях», – уже за пределами стихотворного текста поводит черту под темой словами святителя Григория Богослова поэт Александр Раков.

Везде в своих произведениях, и даже в исполненных описательности прозаических текстах, как, например, в данном, приводимом ниже, взятом мною из его книги «Монашеское царство», повествующем о своей поездке в Пюхтицу, Раков остаётся поэтом со своей узнаваемой любовью к миру видимому, за ко-

торым читателем явственно ощущается мир невидимый; с его, раковской, мягкостью и теплотой слова; со своим ритмом повествования, простым и отчётливым, как сердечное биение:

«Здравствуй, родная! Не родился ещё тот писатель, способный описать тишину Пюхтицы.

Такая она густая, напоённая хвоей и молитвой. И работой женской, посильной только для Богом призванных. Она так нужна людям – эта тишина целительная, лежащая на Обители.

Ты ещё только первый шаг в монастырь, а уже иной мир, и Матерь Божия с любовью принимает тебя, и душа устраивается поудобнее – наконец-то в родное место привели.

Тихо становится внутри, а неугомонная совесть, наоборот, всё громче. Ты бы замолчала, совесть, – всего меня извела за долгую неприкайнную жизнь. Дай насладиться тишиной души и тела. Но нет, не уговорить её уговорами. И гонит она тебя, совесть колючая, в родной Дом под епитрахиль батюшки – тишину заслуживать.

А когда выскребешь грязь до последнего скребочка, когда вместо слов – только слёзы чистые, раскаянные,

да если сподобит Господь принять Страшное Таинство Тела и Крови, – как раз тут она и наступает – та тишина долгожданная, которую ты на время заслужил.

Но не родился ещё тот писатель, способный описать благорастворённость в небе тишины Пюхтицы.

А я, раб неключимый, тихо ступаю по святой пюхтицкой земле и слушаю тишину, которая во мне и вокруг. Только бы не расплескать...»

Приведённому мною отрывку, полному поэтического дыхания, для своей литературной законченности, подумал я, не хватает соответствующей его содержанию поэтической формы, огранки, а именно формы верлибра, наиболее подходящей для данного случая, и да простит меня Александр Раков, графически его блестящий отрывок с небольшой редактурой (попытка эксперимента!) я вижу так:

БЛАГОРАСТВОРЁННОСТЬ

ТИШИНЫ ПЮХТИЦЫ

Здравствуй, родная обитель!..

*Не родился ещё писатель, способный описать
тишину Пюхтицы.*

*Такая она густая, напоённая хвоей и молитвой,
и работой женской,*

*Посильной только
Для Богом призванных.
Она так нужна людям – эта тишина целительная,
Лежащая на обители...
Ты ещё только первый шаг в монастырь –
А мир уже – иной.
И Матерь Божия с любовью принимает тебя,
И душа устраивается поудобнее –
Наконец-то в родное место привели.
Тихо становится внутри, а неумолчная совесть
– всё громче.
Ты бы замолчала, совесть, –
Всего меня извела за неприкаянную жизнь.
Дай насладиться тишиной души и тела.
Но нет – не уговорить её уговорами,
И гонит она тебя, совесть колючая,
В родной Дом под епитрахиль батюшки –
Тишину заслуживать.
А когда выскребешь грязь до последнего скребочка,
Когда вместо слов – только слёзы чистые,
Раскаянные,
Да если сподобит Господь принять
Страшное Таинство Тела и Крови, –*

*Как раз тут она и наступает – та тишина
долгожданная,
Которую ты заслужил временно.
Но не родился ещё писатель
Способный описать
Благорастворённость в тебе тишины Пюхтицы.
А я, раб неключимый,
Тихо ступаю по святой земле пюхтицкой
И слушаю тишину,
Которая во мне и вокруг.
Только бы не расплескать...*

Остаётся только сожалеть, что, живя стихами других авторов, жертвуя своим временем для их памяти и введения многих из них в литературный оборот, Раков оставил в значительном небрежении своё поэтическое творчество, требующее, как известно, всего человека, человека, «упорно размышляющего над генеральной думой своей», – как некогда сказал известный современный поэт Владимир Костров об одном из своих литинститутских питомцев...

Не доверяя силе своего творческого дара, поэт обращается к Богу (по-древнегречески – к Поэту, Творцу), прося наделить его способностью «пронзать сердца

людей», «чтобы Словом открыть им глаза».

Обратим внимание на то, что здесь «Слово» (стихотворение «Научи писать стихи») написано с заглавной буквы, то есть, всё своё упование автор как человек глубокой веры, возлагает на Господа:

НАУЧИ ПИСАТЬ СТИХИ

*Научи, как писать стихи,
Но не надо про «кровь-любовь»,
Пусть бредут по строкам грехи,
От стыда умирая вновь.
Пусть отстанут, исчезнут в тень
Истомившейся плоть луны.
Пусть сверкнёт чистотою день,
Словно луч золотой струны.
Где, скажи, живёт благодать,
Нет ни фальши, ни зла, ни лжи?
Нет, не стану я зря гадать –
Ты стихами мне расскажи.
И меня научи писать –
Подари поэтический ключ,
Чтобы рифмой себя спасти,
Ипускская заветный луч.
Пусть пронзает сердца людей,*

*Изменяет застывший дух.
Дай мне, Боже, Твой дар скорей,
Чтобы Словом открыть им слух.*

С какой силой здесь отражено сомнение в своих поэтических способностях «глаголом жечь сердца людей», свойственное людям даровитым! И как тут не вспомнить знаменитое Е.А. Боратынского:

*Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие...*

Переключка поэтов разных исторических эпох, но одного христианского миропонимания и смирения.

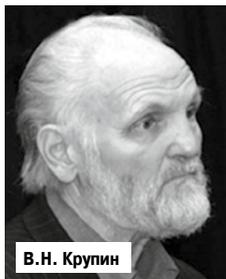
Теперь обратимся к особенностям «нового литературного жанра», его формальным признакам и содержательной составляющей этого литературного явления, – о раковских «былинках».

Лучше всех об их жанровой и духовной сути сказали два наших современных выдающихся писателя – Юрий Васильевич Бондарев и Владимир Николаевич Крупин.

«...У меня окрепло впечатление, что Вы создаёте новый жанр в литературе. И это прекрасно, ибо наступает вре-

мя, когда толстенный роман немного потеснится и пригласит в близкие соседи прозу короткого жанра.

Впрочем, дело не в количестве страниц, а в глубине этих страниц, которые могут сказать о жизни такую же масштабную правду, как роман» (Юрий Бондарев).

Владимир Крупин так же высоко, как и Ю. Бондарев, отзывается о «былинках» Александра Ракова, говоря, что в них *«та жизнь, которой мы живём... сострадание и милосердие, которых сейчас не хватает. Здесь сердце болящее, голова думающая, душа, чающая очищения. Здесь опыт создания человеком самого себя, воспоминание о том, что мы созданы по образу и подобию Божиему».*

Надо ли говорить, насколько окрылило А. Ракова как писателя-новатора литературное признание его труда из уст известнейших русских писателей, выдающихся мастеров художественного слова, знатоков тончайших движений души человеческой!

А. Раков, пытаясь нащупать свои литературные пер-
вотолчки, свои «исходные», «времён перебирая даты»,
анализируя порядок, причину и сцепление событий
своей жизни, – в размышлении о своём отце, офицере
и фронтовике Григории Ивановиче Ракове, приходит
к мысли, что «главное его наследие – мудрые мысли»
и что «одно из его высказываний помогло мне открыть
новый литературный жанр – короткие былинки».

Вот его слова: *«Как в прозе, так и в стихах нельзя
«разжёвывать» читателю все детали, а следует доба-
вить только «узловые», наиболее выпуклые черты пове-
ствования, так «сгустить» текст, чтобы читатель сам
увидел, соучаствовал в создании той атмосферы эмоций,
которых добивается автор. Иначе и стихи, и проза бу-
дут «вялыми», растянутыми, малодейственными».*

И ещё:

*«В творчестве нельзя навязывать, нельзя указывать
дороги, иначе все авторы были бы шаблонизированы и
походили на деревянных матрёшек. Я ставлю одну за-
дачу: приподнять завесу над тем, чего, может быть,
ты не знаешь или не обратил внимания.*

*Творчество складывается из определённых индивидуаль-
ных данных, способностей, культуры, социального «за-*

каза» своего времени. То есть, надо не только писать, но и учиться писать, не останавливаться на одном уровне».

Таковы заветы отца, которым Александр следовал всю свою сознательную творческую жизнь, наращивая своё литературное мастерство от года к году, от книги к книге, что и нашло отражение в словах его матери: «Ты, Саша, у меня молодец. И всё, что ты пишешь, мне нравится. И я рада за тебя. Ты нашёл себя».

Поистине необъятна вселенная Александра Ракова, состоящая из его внутреннего мира, – мира его сердца и ума, и мира окружающего – внешнего, материального, так же требующего от автора своего отображения в слове.

Всё, своим существованием волнующее и задевающее авторское внимание – от размышлений о судьбах России («Тяжёлым сном спит моя Родина. Буди – не добудишься») до боли от зрения мук и страданий «братьев наших меньших» – находит отражение в его «былинках» – уникальном литературном жанре, где воедино сплавлены и взаимно дополняют друг друга два начала: раковское – выверенное, прозаическое и

другое – тщательно отобранное, по преимуществу художественно безукоризненное, поэтическое, – создавая в своём естественном синтезе объёмную и многомерную картину изображаемого.

Для стороннего, казалось бы, чего проще: подбирай стихи да дополняй ими свои тексты, – ан нет! – стоит только лишить текст раковской простоты и глубины его мироощущения, исповедальной открытости перед Богом и перед людьми, его духа, и какой-то щемящей тональности, – одним словом, его творческой единственности или того, что сейчас называют штучностью, – и весь приготовленный холодными руками текст превратится в мертворождённую, лишённую жизни и не задевающую сердце конструкцию.

Вкратце хотя бы – а перечень этот бесконечен – напомним некоторые узловые темы его творчества, к которым чаще всего бывает приковано его авторское внимание, и к которым он постоянно возвращается: Бог, вера, молитва, храм, отец духовный, война, Победа, жизнь после смерти (в частности, посмертная судьба Сталина, Льва Толстого, Лермонтова...), экология, чистота языка, последние времена... и так до бесконечности, до философской и духовной неисчерпаемости

всех двадцати, написанных им, книг.

«Былинки» А. Ракова служат крепкой духовной опорой не только живущим в миру, но и подвизающимся в обители.

Монахиня Павлина из Свято-Введенского женского монастыря г. Иваново так оценивает литературно-духовное делание А. Ракова:

«Вы, Александр Григорьевич, собрали в свои книги множество русских бриллиантов – наших поэтов, которые светят каждый своим светом, своей гранью, но все вместе выражают эпоху и каждый – своё сердце. Сколько же хороших людей жило и живёт среди нас! Я даже подумала, что «былинки» сродни летописи, так точно они отражают наш век и человеческие души, в нём живущие».

Слова «сродни летописи» настолько точно отражают философскую и духовную сущность «былинок», что я счёл обоснованным и необходимым поставить их в заголовок эссе.

Сколь бы ни был обширен диапазон затрагиваемых Александром Раковым тем, всё же об одной следует сказать особо. Тема эта: духовный отец и наше отношение к нему в свете святоотеческого опыта.

Александр Раков считает себя счастливым человеком, обретая в отце Иоанне Миронове своего духовного руководителя, молитвою своею о духовном чаде отвращающего

того от пути погибельного и поставляющего на прочный путь, путь благого и спасительного.

Он не скрывает своей любви и благодарности отцу духовному, и в одном из своих интервью с о. Иоанном спрашивает того: «Батюшка, вот что меня ещё мучает: стыдно говорить, но я чувствую, что люблю только Бога и вас. Даже самые близкие кажутся мне временами далёкими. Почему так?»

– Так бывает... Мы привязываемся к духовному отцу, а своих близких видим каждый день: чем-то они нас прогневлиют, чем-то расстраивают... Тяжело стано-

вится всё покрывать любовью... Надо так своё духовное устроить, чтобы к любому человеку, который хоть чем-то тебе в жизни послужил, чувствовать благодарность и стараться отблагодарить его в свою очередь, чтобы круг любви не размыкался ни на минуту».

«Круг любви», – как образно и точно по своей христианской сути сказано! Святой Ефрем Сирийский в своём слове «О послушании» своему духовному руководителю говорит следующее: «Блажен, кто приобрёл истинное и нелицемерное послушание, потому что такой человек подражатель благому нашему Учителю, Который послушлив был даже до смерти (Флп.2,8).

Итак, подлинно блажен, в ком есть послушание: потому что, будучи подражателем Господу, делается Его сонаследником. В ком есть послушание, тот со всеми соединён любовью», – вспомним здесь о «круге любви» духовно мудрого о. Иоанна Миронова.

«Круг любви» духовно мудрого о. Иоанна Миронова.

Однажды, в 1954 году, о. Иоанн, будучи ещё студентом Духовной Академии, с иеромонахом Иоанном, всегда ходящим в подряс-

нике, – будущим знаменитым митрополитом, по возвращении в город на вокзале встретили женщину, которая им заявила: «А нас учили, что религия – опиум для народа!», на что студент Миронов, не задумываясь произнёс: «А нам Господь наш Иисус Христос сказал, что мы – свет миру!», чем очень растрогал своего старшего товарища.

Вот об эту его простоту и смиренномудрие многие затем разобьются козни людские и бесовские, воздвигаемые на подвижника врагом нашего спасения.

Поражаясь глубине духовной мудрости и смирения, я бы в доказательство этого привёл некоторые его ответы на вопросы духовного чада, – скорее, диалог между ними:

– Ты чем пишешь?

– Вечным пером, батюшка.

– А вот раньше гусиным писали вечные мысли, а теперь вечным – глупые;

– Во время пения Херувимской песни, – признался я батюшке, – едва закрою глаза, вижу плавно летающих ангелов.

– Бесы это, – заключил сразу о. Иоанн. – Ты глаза-то не закрывай, чадо;

– «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89,10).

– Проходят быстро... Поэтому и старость Господь даёт, чтобы было время остановиться, оглянуться, задуматься и передать свой духовный опыт молодым, наставить их на путь истины, дать им хороший пример своей жизни;

– Посетовал батюшке, что не получается, по совету святых отцов, перевести Иисусову молитву в верхнюю часть сердца.

– Бей воздух! – наставляет батюшка, – бей воздух, не оставляй молитву! Больше от духовных чад и не требую;

Батюшка не осуждает никого и жалеет всех:

– Не судите никого, ибо каким грехом осуждаешь, в то и впадёшь, – поучает он;

– Может быть, это глупый вопрос, но не хотелось бы вам вернуть молодость?

– Да нет, Саша, что ж?.. В молодости мы тоже допускали много глупостей. Нужно благодарить Господа, что извёл нас из рова погибельного...

Батюшка не благословляет называть хлеб чёрным – только ржаным...

Наблюдая вблизи людей высокой духовной жизни, священнослужителей, – таких, как о. Иоанн Миронов или архимандрит Амвросий (Юрасов), видя их труды, а также зримую и незримую борьбу с врагом нашего спасения, Александр Раков пишет такое стихотворение:

*Священник – это не работа.
Он нас к спасению ведёт,
Грехи прощает у киота
Тем, кто к Причастию пойдёт.
Священник – это отблеск Бога,
Пример служения Ему.
Полна ухабами дорога.
Но милосерден он всему.
Враги камня подставляют,
Чтоб он от Бога отступил.
Но верен церкви он, и знает –
Господь его благословил.*

Говоря об о. Иоанне Миронове как о духовнике и старце, необходимо указать, что свой дар духовного рассуждения – один из высших духовных даров – он,

как бы в свою очередь, принял от своего духовного отца и старца – отца Николая Залитского.

«Я-то больше всех знал батюшку Николая и видел, что его жизнь была в Боге и с Богом.

А больше ничего и не надо знать... А когда его Господь прославит? Не наше дело. Время торопить нельзя... Если не мы, то наши дети или внуки будут присутствовать на празднике прославления батюшки Николая», – говорит духоносный старец.

«Не сообщай другому, чего сам не испытал, чтобы не было тебе стыдно себя самого и по сличению жития твоего не открылась ложь твоя», – именно этому совету преп. Исаака Сирина и следует честный повествователь своей жизни Александр Раков, порой шокируя читателя чрезмерной, может быть, исповедальной откровенностью, понимая, что здесь, при жизни

Помоги, отче Николае!
(Гурьянов, 24.05.1909-
24.08.2002)

исповеданный грех на Страшном Суде в вину уже не вменится.

И ещё признания от Александра Ракова, – сдержанным голосом – перечень объектов его внимания, но в которых, затаив боль и душевный надрыв, дышит подлинная поэзия:

«Не люблю: заброшенного жилья; беспомощности инвалида; белую трость незрячего; оставшихся зимой на ветке листьев; презрения к нищим; голодных животных; искусственных цветов; торопливых священников; одинокой старости; оттепели зимой и похолодания летом; неухоженных могил; бездомных детей; пьяных женщин; людей, навсегда оставивших родину (под любым предлогом); жизнь – временами...

Люблю: ветерок в лицо; длинные девичьи косы; правильную русскую речь; острова на реке; живые цветы на могилах; беззлобные розыгрыши; талантливо сработанные вещи (не безделушки); рубленные избы; простецов; Вологодчину; полевые ромашки; жизнь – временами...

Мне жаль: бездумно растроченной молодости; бомжей у помоек; собственных глупостей; безбожников; потерянного времени; дерущихся женщин; кичащихся

богатством нуворишей; живность, которую убивают на охоте; зверей в тесных клетках зоопарка; родителей, которых так обижал; брата, не ставшего родным, и дочки, оставшейся чужой; привычки к вещам; иногда себя.»

Почему так трогает душу этот простой, через запятую перечень вещей и явлений? – потому что, думается мне, в нём – указание на несовершенство мира, которое мы усугубляем своим ледяным равнодушием друг к другу; неумолимо, – к нам самим и миру земному приближающееся томление смертного часа, желание благодарно, пусть через утраты и обиды, полюбоваться напоследок миром, всё же оказавшимся Божьим...

Говорят, что у кавказских народов есть обычай дарить свою вещь, если та понравилась кому-то. Александр Раков в пятом номере своего «Православного Санкт-Петербурга» дал большую подборку моих стихотворений, особо отметив стихотворение «Кормление птиц».

Мне не остаётся ничего другого, как следуя кавказскому обычаю, посвятить понравившееся стихотворение (верлибр) Александру Григорьевичу и подарить ему его в таком виде:

КОРМЛЕНИЕ ПТИЦ

Александр Ракову

...Рассказывают, в каком-то монастыре

Старец-подвижник сказал

Кающейся женищине:

– Грех твой так велик,

Что простить его невозможно;

Правда, есть одно средство:

Иди, и где ни встретишь, –

Корми голодных птиц,

Может, они умолят Господа

О твоём прощении.

Живу, старюсь,

Вспоминаю прожитую жизнь,

Выхожу из дома прогуляться,

Вижу молодых мам, детвору,

Беззаботно гоняющуюся за голубями;

Стариков, сыплющих пшено в кормушки;

Сам, виноватыми руками

Кроша припасённый батон,

Умоляю небесных

Замолвить слово пред Господом...

Многая и благая тебе лета, дорогой брат Александр! – живи долго, как и благословил тебя твой отец духовный протоиерей Иоанн Миронов, а слово духоносных старцев неложно, – сам знаешь.

Николай КОНОВСКОЙ,
русский писатель, Москва

Поклон редактору. В Домике творчества Александра Ракова. Юбилейные заметки

9 октября, в день памяти ап. Иоанна Богослова, 70-летний юбилей встречает главный редактор всероссийской газеты «Православный Санкт-Петербург», автор более двух десятков книг, писатель Александр Григорьевич Раков.

Редакция «Русской народной линии» поздравляет юбиляра, желает ему Божией помощи, творческого вдохновения, душевного и телесного здоровья на многая и благая лета!

М.В. Михайлова

В этот праздничный день публикуем рассказ о поездке нашего корреспондента в Домик творчества писателя — его последнее произведение. Маршрут нашего виртуального путешествия, дорогой читатель, лежит к живописной деревеньке Коккореве на берегу Ладожского озера.

А наша цель — уютный Домик творчества, как называет его хозяин, но не будет ошибкой сказать о своеобразном музее. Уникальность его состоит в том, что создавался он не профессиональными музейными работниками, а самим героем и посвящен жизни и творчеству главного редактора все-российской газеты «Православный Санкт-Петербург» Александра Григорьевича Ракова, табличка на входе так и гласит: «Домик творчества Александра Ракова».

Очевидно, что на примере деятельности Александра Григорьевича, которую иллюстрируют предметы экспозиции, мы знакомимся с работой советского и

российского журналиста, писателя с 1980-х годов до нашего времени. Для кого-то это уже давно канувшая в лету история, для других — воспоминания о собственной жизни. В любом случае ценность и важность данной экспозиции трудно переоценить.

Открывается этот домашний музей предметами, связанными с началом трудовой деятельности Александра Ракова в качестве корреспондента многотиражных газет. Тут и галерея корреспондентских удостоверений, и собрание различных модификаций диктофонов, фотоаппаратов, телефонов, конечно, коллекция ручек (как не вспомнить классическое «с лейкой» и блокнотом...»), всего не перечислить.

Но охват экспозиции, составленной Александром Григорьевичем, шире. Она рассказывает об истории нашей страны и об истории его семьи, а также иллюстрирует события, участником которых он был или те, что освящал в своих репортажах.

Характерно, что на стенах этого домашнего музея соседствуют грамоты с профилем Ильича и иконописные лики святых. Как в нашей жизни... Но со смиренным принимать разные страницы истории Отечества нам ещё учиться и учиться...

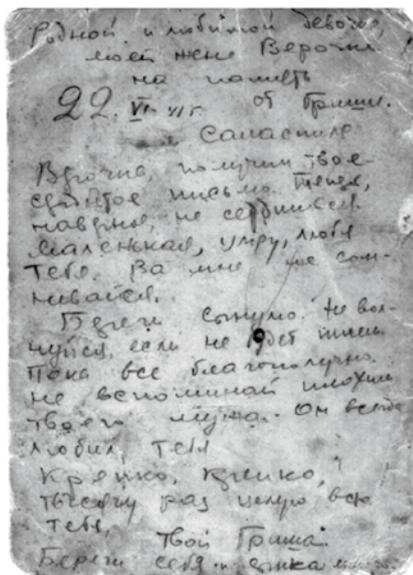
Можем мы увидеть здесь витрину, демонстрирующую эволюцию денежных купюр, продовольственные талоны, лотерейные билеты, коллекции монет, значков, — различные, в том числе и бытовые вехи нашей истории.

Папа на войне

Немало материалов экспозиции посвящено истории Великой Отечественной войне, блокаде Ленинграда. Это и понятно, ведь родители Александра — писатель, офицер-фронтовик Григорий Иванович Раков и блокадница Вера Георгиевна Сироткина. Трогательна история их встречи и любви.

Они познакомились совсем юными в Хибинах. Листая книгу Г.Ракова «Хибинские клады», читаем дарственную надпись: «Самый дорогой для меня хибинский клад — ты, моя любимая страница жизни. Хибины соединили нас на всю жизнь... Дарю тебе, Вера, эту книгу, которая воскресит в нашей памяти дни нашей юности. 15. 01. 77. Г.Р.»

Увидим мы и первую весточку-фотографию от 22 июня 1941 года: «Дорогой и любимой девочке, моей жене Верочке на память от Гриши. Верочка, получил твое сердитое письмо. Наверное, и теперь сердисься. Маленькая, я умру без тебя, даже не сомневайся. Береги сынулю. Не волнуйся,

если не будет писем. Пока всё благополучно. Не вспоминай плохим твоего мужа. Он всегда любил тебя. Крепко, крепко, тысячу раз целую тебя. Твой Гриша. Береги себя и сынка моего».

...Нечастый для нашего времени пример, когда институт семьи нередко называют устаревшим, а многолетние супружеские союзы встречаются реже и реже. Понятно, что путь был непрост и хватало скорбей, но Раковы прожили всю жизнь, воспитав двух сыновей, писателя и ученого.

Отец в молодости

«Если бы время повернулось вспять, сейчас я не отходил бы от отца, впитывая каждую его мысль...», — делится Александр Григорьевич. Убедиться в том, что это был прекрасно образованный человек выдающегося ума, глубокий знаток слова и писательского труда, можем и мы,

знакомясь с цитатами Г.И.Ракова.

«И тебе я говорю: если хочешь результата, упорно и неустанно работай. Я всегда повторяю правильный афоризм: гений — это работоспособность. Чем лучше творение, тем больше в него вложено труда даже у одарённых людей. И ещё один закон у всех творцов: чем старше и искуснее они становятся, тем строже подходят к опубликованию (Чехов, Пушкин, сокративший несколько глав написанных «Евгения Онегина», Гоголь и многие другие)».

Уголок Гоголя

«На всю жизнь возьми себе на вооружение девиз Чехова: «Работать нужно для вечности». Никогда не нужно терять перспектив и ни на минуту не останавливать движение вперёд: остановка на подъёме означает сползание вниз...»

А вот письмо мамы сыну: «Саша, тебе было дано всё, ты был счастливым ребёнком, и от большого счастья ты всё время усложнял себе жизнь. Теперь ты взрослый мужчина, знаток и ценитель литературы. С малых лет ты рос среди книг. Несомненно, любовь к книгам привил тебе отец... Да, Саша, всегда так получается, когда мне особенно трудно, тебя нет около меня. Но я не сержусь, только бы у тебя всё было в порядке, только бы ты не потерял Леру! Ой, как трудно одному! Приятно сознавать, что ты кому-то нужен. Ну, сын, где наша не пропадала! Целую, твоя мама».

Александр Григорьевич делится сокровенным: «Я очень виноват перед родителями, принёс им много

горя. Очень переживаю об этом и посильно молясь, стараюсь облегчить их загробную участь. Батюшка Иоанн Миронов говорит, что это понемногу удаётся».

В этом Домике творчества множество ценных автографов: митрополита Иоанна (Снычёва), Льва Ошанина, дружившего с Григорием Раковым с молодости, Глеба Горбовского, Станислава Куняева, Юрия Бондарева, Владимира Крупина...

Конечно, в доме писателя всё связано с литературой. Кроме библиотеки, здесь расположены бюсты, портреты писателей, классиков и современников. Фотографии, запечатлевшие встречи прозаиков и поэтов, общение хозяина дома с литераторами.

Подходим к уголку, посвящённому митрополиту Иоанну (Снычёву), вклад которого в становление газеты «Православный Санкт-Петербург», главного детища хозяина, трудно переоценить. Александр Григорьевич вспоминает: «Теперь я понимаю, что владыка Иоанн увидел во

мне человека, пусть ещё малоцерковного, не разбирающегося толком в Православии, но того, кто сумеет преодолеть все препоны, обойдёт преграды и добьётся издания в Петербурге православной газеты. Владыка отправил меня в первый раз в Иерусалим в 1995 году. Это было величайшее событие для меня. Пережил там столько чудес, никогда в жизни ничего подобного не испытывал. Что-то в душе произошло, усилилась и укрепилась вера.

Я звонил ему по любым вопросам, спрашивал всякую ерунду, пытался брать нелепые интервью, но он был настолько жалостливым что ли... Помню, однажды записывал с ним беседу, а сам и с диктофоном-то не умел тогда толком обращаться. Закончили разговор, смотрю, а ничего и не записалось! И Владыка второй раз всё для меня повторил...»

Обязательно привлечёт внимание гостей большой портрет доброго пастыря, батюшки Иоанна Миронова напротив входа на второй этаж домика. «С батюшкой

Митрофорный протоиерей
Иоанн Миронов

мы познакомились в 1997 году, — рассказывает Александр Григорьевич. Я уже слышал о нём, и однажды мы поехали в Екатерининский храм в Мурино, где он тогда служил, поговорили, я исповедовался, о.Иоанн благословил меня писать книги. Он жил неподалёку от редакции, когда она располагалась на Выборгском шоссе, я пригласил его заходить. Батюшка пришёл, и так потихоньку сложились наши отношения. Не знаю, почему он меня выбрал. Благодарю Бога за такого духовника, молитвенника и старца...»

Хозяйка Домика

Тут же неподалёку невозможно не увидеть прекрасный портрет солнечно улыбающейся красавицы Валерии Михайловны, супруги хозяина.

«Я был трижды женат, а в 1983 году Господь послал мне Валерию, — говорит Александр Григорьевич. То, что она от Бога, я знаю точно. В своё время просто спасла меня от гибели. А сколько пережила со мной... Она ничего от меня не требует, даёт возможность заниматься любимым делом, заботится обо мне».

Отвечая на вопрос о том, как возникла идея создания этой своеобразной экспозиции и объясняя концепцию своего домашнего музея, хозяин Домика говорит: «Пойми, я всю жизнь занимаюсь этим делом — наглядной агитацией, составлением просветительских материалов. Это моя работа и я владею этими навыками. Подавать материал хронологически, скрупулезно, упорядоченно — это скучно. Выделяются яркие моменты, через которые проявляется личность. Чтобы человек, знакомясь с выставкой домика, понимал: и я смогу преодолеть препятствия, достичь своей мечты».

«Как книга пишется — глава за главой, так и в домике тема за темой формируется», — поясняет Александр Григорьевич. Большое внимание уделяет автор экспозиции оформлению, сопутствующим предметам, стараясь размещать экспонаты оригинальным образом, ища нестандартные подходы к расположению материалов.

Всё в этом светлом деревянном доме благоустроено и продумано гостеприимными, хлебосольными хозяевами до мелочей. Во всём чувствуется заботли-

вое внимание к гостям. Какими усилиями и трудами далось это благолепие, можно только догадываться. Зная о больной руке Александра Григорьевича, с которой каждый забиваемый гвоздь становится проблемой, понимаешь, что в этих уютных стенах совершается ежечасно маленький подвиг.

На прощание Александр Григорьевич делится наболевшим: «Само по себе существование независимой православной газеты — это чудо из чудес. Тем более во

главе с человеком без специального богословского образования, с непростой биографией... В этом году вынужден был закрыть дочерние издания, люди плакали. Но поделаться ничего невозможно, мы еле-еле набираем деньги сотрудникам на зарплату. Поэтому каждая газета выходит как последняя». Этому дару созидать и жить в полную мощь хочется учиться у Александра Григорьевича.

...Мне пребывание в этом Домике творчества принесло свою особую радость, поскольку воскресило в памяти

годы работы корреспондентом газеты «Православный Санкт-Петербург» — самое счастливое время в творческой биографии, а сама встреча с Александром Раковым одна из главных в моей жизни. Низкий поклон за всё. Ваши уроки всегда со мной, дорогой редактор!

Марина МИХАЙЛОВА,
«Русская народная линия»

Раздумья о писательстве из 9 книг былинок А.Г. Ракова с 2004 по 2012 годы

Александр Раков:
Будучи с самой ранней юности человеком пишущим, только сейчас, на склоне лет, стал задаваться вопросом: а что нужно писателю для творчества? Раньше мне казалось, достаточно листка бумаги да ручки, чтобы на коленке запечатлеть свои ускользающие вирши, а

тишина вовсе необязательна, лишь бы люди не отвлекали на постороннее. А садиться за письменный стол и просиживать за ним энное число часов (и штанов) — участь профессионалов пера, для которых присутствие или отсутствие вдохновения — дело десятое. Это для них Союз писателей организовывал «творческие командировки» для пополнения впечатлений на всесоюзных стройках или за границей; это для них, «инженеров человеческих душ», были понастроены «Дома творчества».

Пишу на коленке.

Как выйдем. Везде, где придётся.

Пишу на коленке.

Что-что, а коленка найдется.

Пишу на коленке.

*В державе, где — вся я, всецело,
Коленка — мой письменный стол,
И машинка, и сцена.*

...Пишу на коленке.

Играюсь, играю словами...

Со мной всё моё.

Ну а с вами?

А ваше-то — с вами?!

Римма Казакова

А. Раков: Питерская поэтесса Ирэна Сергеева вспоминает: «Меня всегда веселило понятие «Дом творчества». Представить только! Десять, двадцать, пятьдесят поэтов сидят в своих комнатах и пишут стихи. Вчера они одинаково поужинали, одинаково промерзли, гуляя у моря (под горой, в парке, по проселку...), а в эту ночь слагают стихи. Одинаковые? Это чем-то похоже на роман всех с одной женщиной — музой». Глеб Горбовский в крымском Доме творчества познакомился с Анастасией Цветаевой: «Не наваждение, не символика: на склоне века, в сентябре, сестра Цветаевой за столиком клюёт казённое пюре»...

Получается, что не у одного меня возникало чувство несовместимости Творчества и его насаждения в конкретном обиталище...

К счастью, я никогда не был, да теперь уже и не буду, в Доме творчества: «Записки редактора» маленькие, вынашиваются в уме долго, а набросать их на бумагу — минутное дело. Потом они правятся до бесконечности — пока не придут, по моему разумению, к единому знаменателю, а если попадут в книгу, их непременно, по мнению всех писателей, испортит издатель. Но об этом я уже писал...

Былинки — крохотные были; то, что было; былинки — ещё это те мысли, которые возникают и исчезают в никуда, если их не запишешь. Это и мысли других людей, которыми хочется поделиться. Это стихи, которыми я хотел бы продолжить и расширить собственную мысль. Но поэт не знал, о чём буду писать я, — и писал о своём. Иногда мне удавалось найти стихотворение, иногда — нет, но это несовпадение отнюдь не может выветрить аромат самой поэзии... Одним словом, былинки — это былинки...

*Пожалей, дорогой, пожалей
Всё кругом, до последней былинки.
Мудрость Божия здесь, на земле,
Познаётся не только в великом.*
Иеромонах Роман (Матюшин)

«Былинки» — пёстрое собрание непритязательных, как думается, и безыскусных прозаических миниатюр, не связанных ни единым сюжетом, ни интригой. У них, в сущности, нет начала, как нет конца. Поэтому, будучи продолжением первой, вторая книга «Былинок» тоже, в свою очередь, может быть продолжена. Такая принципиальная незавершённость

сказанного заключена в самой природе автобиографической, исповедальной прозы Александра Ракова. Она напоминает дневник, в который писатель, не заботясь о порядке и последовательности, заносит всё, что останавливает его внимание, что задевает душу — какой-нибудь факт, воспоминание, мелькнувшую вместе с ними ассоциацию, бытовую сценку, газетную хронику, чьё-то письмо, свою или чужую мысль и т.д. Казалось бы, это мелочи. Но из таких мелочей и состоит по большей части наша жизнь. Каждую миниатюру замыкает стихотворение, назначение которых автор объясняет сам. Они имеют и прикладную, и самостоятельную ценность, доставляя читателю эстетическое удовольствие и свидетельствуя о высоком уровне современной поэзии, не забывающей классических традиций. Объединяет весь этот пёстрый материал личность автора, отбирающего предметы для разговора, обдумывающего и оценивающего их сообразно со своим складом чувств и понятий. При этом неожиданность переходов от темы к теме, их видимая случайность на большом пространстве текста, т. е. прежде всего в книге, а не в газетной рубрике, производит впечатление добросовестного отражения напряжённой,

непрерывной работы ума и сердца, откликающихся на обращённые к ним и с разных сторон идущие призывы. Некоторые темы возвращаются; ясно, что они играют доминирующую роль в потоке меняющихся представлений. Как эти, так и другие темы служат для Александра Ракова либо исходным пунктом, либо итогом его «духовного делания».

Автор не боится познакомить читателя с этой своей внутренней, интимной жизнью, которую часто прячут из опасения встретить неодобрение или насмешку. Ведь он не просто рассказывает, он ещё и исповедуется; исповедь же предполагает ощущение собственной греховной неприглядности, покаянное

признание вины, исключаящее самооправдание и ссылки на «обстоятельства».

Такое покаяние в любом случае нелегко, даже если оно делается с глаза на глаз. Но Александр Раков приносит его открыто, без оглядки на какой-нибудь сторонний и недобрый суд — вероятно, потому, что мне-

ние того человека, чей авторитет для него единственно свят и непререкаем, мнение духовного отца, писателю уже известно, а оно растворено любовью.

Как бы то ни было, писатель убеждён, что пережитый им душевный и духовный опыт может пригодиться многим. Отсюда щедрость, с какой он готов поделиться своим

необычным, по нынешним временам, на деньги не переводимым, богатством. При этом он сам не терпит и малейшего ущерба. Поскольку его достояние нематериально, оно, пусть и щедро раздаваемое, не оскудевает. Отклики читателей, тоже включённые в книгу, подтверждают, что в своём убеждении писатель прав: его личный опыт важен другим.

Это понятно. Нам всегда интересна чужая биография. Тем более — биография современника, поставленного в те же условия, что и мы, питающегося соками той же почвы, что и мы, испытывающего те же, что и мы, влияния извне. Автора окружает та же реальность, которая окружает нас. Поэтому биографи-

ческие факты, разбросанные в книге Александра Ракова среди прочих, и не только они, воспринимаются нами как нечто знакомое, и узнавание нового здесь нередко имеет характер припоминания. Да автор и не стремится противопоставить себя всем и каждому. Скорее, напротив. Из своей и не своей жизни он выбирает преимущественно то, что, по его мнению, несёт широкий смысл.

В соответствии с таким настроем единичные явления (семейных неурядиц, одиночества, безприютности, пьянства, жестокости, преступлений и т.д.) под пером Александра Ракова, сознательно избегающего отвлечённых идеологических или политических рассуждений и остающегося в границах будничных и житейски привычных, все-таки оборачиваются общей проблемой. А его собственная судьба (детство, юность, зрелость, отношения с родителями и детьми) увязывается с судьбою поколений. Трагическое неблагополучие настоящего момента русской истории, подтвержденное документально (ведь автор ничего не вымышляет), выступает со страниц книги с удручающей очевидностью. Это неблагополучие большинства. А те немногие, которые греют руки на трагедии наро-

да и умудряются благоденствовать среди пахнущих кровью развалин, Александра Ракова не занимают: на этот счет он брезглив.

Суть несчастья — в нищете не только материальной, но и духовной. Для нас, не умеющих распорядиться наследием отцов и сокровищами великой культуры, эта нищета грозит одичанием. Оно, как показывают приводимые автором примеры, переворачивает нормальную иерархию вещей и ставит человека ниже животных — в положение, когда он теряет и Божий, и всякий образ и подобие. Это положение хуже смерти.

Ввиду такой мрачной перспективы и вблизи последней черты начинаешь вместе с Александром Раковым сознавать, что в конце концов самая большая ценность, которую при всей нашей лишённости или невозможно, или труднее всего отнять, — ценность нашей души. Пока она жива, она способна к возрождению. С порядка в ней начинается любой порядок — было бы только желание выпрямиться и посмотреть вверх. Остальное — земное и Небесное — в милосердии и воле Божией. К этой мысли ведет нас автор книги. Хотелось бы закончить в его духе — стихотворением А.Н. Майкова (1821-1897), кратко подытоживающим речь:

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звёзды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.*

Валентина ВЕТЛОВСКАЯ,
доктор филологических наук, Санкт-Петербург, ИРЛИ
(Пушкинский Дом), Российская Академия Наук

А. Раков:

*Не приравнять перо к штыку:
Довольно в мире льётся крови!
Хочу Добро вложить в строку
И изначальность в каждом Слове.
В мельканье дней, дорог, судеб
Чужую боль впускаем скупю.
Нелёгок журналистский хлеб,
Но Слово правды есть поступок.
Добро – оно и есть добро,
Как вера, окрыляет душу.
Так пусть тревожное перо
Всегда Добру достойно служит.*

Как они рождаются, мои записки? Трудно сказать...
Во всяком случае, это не плод долгих, упорных раз-

мышлений. Они не надуманны, они сами родились в моём сознании. Сам собой родился и замысел новой книги — и очень удивил меня своим появлением: в этой книге традиционные уже записки редактора сопровождаются стихами русских поэтов — как современных, так и классиков. Одна моя зарисовка, и к ней — стихотворение на ту же или близкую тему; соединяясь, они образуют некую новую реальность. Судя по отзывам, книги мои читателям нравятся, но мне хочется сказать вот что: начав писать записки, я постепенно стал углубляться в свою душу, и вскоре мне стали открываться такие вещи — порой просто страшные! — о которых я даже не подозревал. Считал себя порядочным человеком, более или менее нормальным христианином, и в гордыне своей думал даже о заслугах: вот ведь, ещё и газеты делаю... Словом, книги мои весьма обогатили меня, — но отнюдь не материально. Сейчас литература не прокормит. Современные писатели находятся в положении просто унижительном: люди работают кочегарами, плотниками, кем угодно, лишь бы добыть кусок хлеба.

Хорошо помню свою первую любимую книжку. Она была толстой, с разлохмаченными краями, без конца

и начала, и называлась «Сказки». Я знал содержание наизусть, но каждый вечер непременно канючил, приставая к маме, тётке или бабушке: «Читай!» Без чтения сказки о сне не было и речи.

Потом я сам потихоньку научился читать, но и теперь, прожив жизнь, не устаю удивляться, как из чёрных буковок сначала получаются слова, а потом и целые фразы. Книги распахнули для меня и без того безпредельный мир, в котором умещалось всё: папа и мама, старший братик, и снег зимой, и новогодние подарки, и кораблики в весенних ручьях по асфальту, и яркое солнышко по утрам, и несчётное число звёзд на чёрном небе. Но книги... они давали простор фантазии, открывали неведомые страны, в которых обитали удивительные животные, и даже Луна оказалась доступной для меня и моих друзей.

Чем старше я становился, тем шире становилась Земля. Листая страницы, я добирался до полюса, огибал земной шар за 80 дней, находил безценные сокровища, опускался в морские глубины и... но так часто приходилось откладывать книжку в сторону, чтобы делать уроки или сбежать в магазин. Тогда я решил схитрить и приспособился читать на ходу, благо ма-

шин тогда в Москве было мало. Но однажды нос к носу столкнулся с папой и получил нагоняй. Но я не унывал и задумал читать по ночам. Мы жили вчетвером в одной комнате; когда большие напольные часы били два раза «Бом-бом!», я доставал потайной фонарик и, накрывшись с головой одеялом, погружался в другую жизнь. Правда, под одеялом было душно, а глаза очень скоро переставали слушаться и слипались...

Я стал читать на уроках, положив книгу на колени, но учителя быстро раскрыли мой секрет.

Тогда я решил писать сам. Я задумал написать толстый-претолстый приключенческий роман. Сказано — сделано: я приобрёл солидную тетрадь в ледериновом переплёте и, удобно устроившись за столом, устремил взгляд на голубую, в клеточку, чистую страницу. Отчаянно стучало сердце, я уже несколько раз обмакивал новенькое перо в чернильницу «непроливашку», но дальше дело не шло. Я вдруг с ужасом понял, что не знаю, о чём писать, не знаю даже, какой фразой начать своё произведение. Как же так! Сотни мыслей роились в голове, когда я обдумывал предприятие, десятки героев из прочитанных книжек говорили со мной, перед глазами мелькали

города и страны, снеговые вершины гор вонзались в небо, реки катили свои воды... катили... катили... Тут капля чернил, уставшая ждать, сорвалась с пера и жирной кляксой расползлась на голубой, в клеточку, бумаге... Но я всё же стал писателем — через пятьдесят лет! Эх, если бы не та клякса! . .

Саша Раков, будущий член Союза писателей России с 2003 года:

НЕПОКОЙ

*Блажен, кто верует в удачу,
Но не боится рисковать:
Сторицей будет риск оплачен
Тем, кто не смеет забывать.
Блажен, кто верует в добро
И болен делом днём и ночью.
Моё летящее перо
Покою вам не напророчит.
Наполнить ветром паруса,
Пожать протянутую руку,
Сверх сил тащить, но не бросать*

*И стон души не выдать звуком.
Земля – ковчег, матросы – люди
Ведут по жизни корабли...
Мы молим Бога, плачем, судим
От неизбежности любви.
Да будь всегда неупокоен,
Будь неумна в шторм гроза,
Но если беспокойством болен, —
Пусть в ключья рвутся паруса!*

На даче пишется легко. Дома и стол-«аэродром», и компьютер, и справочники, а по-другому: будто это работа, что ли... На даче лежишь себе на кровати в

крохотной комнатке, о чём-то недовольно шумит Ладога, льётся через окно кедровый воздух, а ты строишь еле разборчивое на квадратных листках и нет над собой насилия, которое, чего греха таить, часто происходит дома.

На даче мысли просятся на бумагу, и ты заносишь их неряшливыми закорючками, а уж потом, на столе-«аэродроме», произведёшь отбор. И если вы прочитаете

сии мысли, значит, они прошли через колючий забор собственной и чужой цензуры, заслужив право на жизнь...

Писатели на опыте знают разницу между написанным пером, отпечатанным на компьютере, опубликованным в газете или журнале, или изданным отдельной книгой. С каждой ступенькой воздействие слова на читателя резко возрастает. А сам писатель? Да он носится с сигнальным экземпляром книги, как дитя с новой игрушкой: и погладит, и полистает, и понюхает, и вверх тормашками повернёт, и поцелует — уж столь сладок он, миг обладания собственным творением.

Правда, и разочарование наступает скоро: здесь сказал не так, там заметил ошибку, фотография не на том месте, слово пропущено, и прочее, и прочее, и прочее... Все эти мелочи, которых рядовой читатель и вовсе не заметит, вдруг вырастают для писателя в чудовище, затмевающее своей тенью всё доброе, что есть в книге. Бедный писатель!

Вы видите его раздающим автографы, говорите ему приятное, но груз совершённых ошибок уже тяготит ему душу, и он пытается объяснить каждому, почему пробралась в текст та или иная опечатка. Его, увы, никто не слышит. Куда подевалась долгожданная радость от выхода книги? У писателя опустились пле-

чи, потухли глаза, и только надежда на то, что не все заметят оплошности, удерживает его на людях от слёз. Трудно быть писателем...

«Правду надо писать! — заявил в редакции священник, протягивая брошюру собственного сочинения. Брошюра состояла из привычного уже набора обвинений в адрес родной Православной Церкви. — Будешь говорить правду, глядишь, и убьют тебя ржавой трубой в подъезде. Мучеником станешь!» Я испугался — почему-то не самого скорбного исхода, а ржавой трубы.

Священник был смелым и независимым человеком: он хорошо наладил своё производство и сбыт дорогой церковной утвари, и теперь всем говорил только полную правду...

БОЛЕЗНЬ

*Если делаешь доброе дело,
То бесов собираешь круг.
Они мучают бренное тело,
Вызывая в душе испуг.
Подступает такая слабость —*

*Отлучает добро творить.
День как ночь, и большая тягость
Говорит: «Ты не можешь жить!»
(А кому же делать газету,
Православные книги писать?
До сих пор мне замены нету –
Божье дело нельзя бросать!).
Бог же знает, что я болею,
Он и вылечит мой недуг.
Помолюсь, попошусь – одолею,
Вырвусь из волосатых рук.
И – в редакцию, за газету,
Двадцать лет её издавал.*

Счастье блокадной каши

*Заместителей в жизни нету,
Коли дело Господь послал.*

Читал один писатель другим длинный и безцветный рассказ о том, как в блокаду бомба попала в дом, как рушились стены и потолки... и не за что было зацепиться дремлющему уху в нагромождении подробностей, и следа не оставалось вслед про-

читанному. И тут я вспомнил рассказ мамы. Как шла она по Загородному проспекту с котелком каши, и рядом в дом упала бомба, и пока гремел взрыв и падали обломки, «я старалась горстями съесть как можно больше каши; она была гречневая и еще тёплая. Жалко, если бы я погибла с целым котелком такой вкусной еды»... Кашу она получила за рытьё могил на Пискаревском кладбище.

ДОРОГА ПИСАТЕЛЯ

Писатель должен быть смелым

И правду души излагать.

Безспорно: нелёгкое дело

Не трусить, не льстить и не лгать.

Да, будут лаять собаки,

Натужась отвлечь, припугнуть,

Устраивать шумные драки,

Но правда есть Божеский путь!

Дарю свою очередную книгу знакомому священнику. «Ты подражаешь Розанову», — вместо благодарности говорит он, и я чувствую в его словах зависть. Дома открыл единственный томик философа — «Уединённое» — и стал разбирать, что же мои скромные «записки» без зазрения присвоили себе из огромного и порой парадоксального наследия мыслителя. И,

кажется, нашёл: «Я ввёл в литературу самое мелочное, мимолётное, невидимые движения души, паутинки быта... Мелочи суть мои «боги»... — писал он.

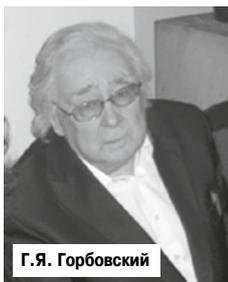
А во вступительном слове к изданию А.Николюкин заметил: «Розанов создал вершину жанра, за которой десятилетия спустя последовали все наши «камешки на ладони», «затеси», «бухтины вологодские», «мгновения». (От себя добавлю — «крохотки», «крупинки», «записки», «стихи в прозе» и пр.). Но я признаюсь вам как на духу: когда я начинал «записки», я знать ничего не знал об этом философе. Поэтому мне, конечно, приятно, что образованный священник возвёл меня в ранг последователей Василия Васильевича Розанова (1856 — †23 января 1919).

И ещё скажу по секрету: я пишу «Былинки», и у меня тоже появились подражатели... *«Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщить это другу другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-нибудь худое».* Св.Антоний Великий, IV век. «Добротолюбие», Т.І.

А священник говорит: «Розанов...»

...Пустота: не то чтобы записать, нет в голове даже мысли, толкнувшей думать. Нет-нет, она не совсем пуста, эта пустота, но это мысли-обложки, мысли-мусор, как стружки у станка после обработки детали. Но когда придёт время и озарит голову нужная мысль, ничто уже не сможет помешать переложить её образ на бумагу и словом оттачивать написанное. Не стоит мучить пустоту: ничто не сможет родить нечто. Поэтому нужно учиться ждать.

*Я славлю страницу пустую,
Куда не ложились чернила.
...Я, может быть, чаще бастую,
чем вся безработная сила.
Бастую над свежей страницей,
над чистой, как рожца дочки...
Ведь что напишу — не простится,
ни даже последняя точка.*

А. Раков: При подготовке моей книги к изданию редактор выбросила безмерно дорогие для меня строчки. Рискуя вызвать неудовольствие, возвращаю их назад:

*Встаньте, прошу вас! Почтим молчанием
Рукописи, книгой не ставшие,
Спалённые авторами в отчаянии
Иль убиенные их не писавшими.*
Ирина СНЕГОВА, †1975

Ну вот, рукопись ушла в недра издательства; ни изменить, ни дополнить ты теперь не можешь. А голова продолжает писать написанную книгу, и новые мысли обуревают тебя, и ты старательно делаешь поправки в домашнем компьютере — вычёркиваешь, заменяешь слова и фразы, делаешь вставки...

Однако это пустое, суетливое — это инерция сделанного от невозможности уже влиять на судьбу родного детища. Это если издательство приняло книгу в работу за свой счёт. И всё равно, робкий телефонный звонок издателю не прибавляет уверенности: «Ваша книга идет сверх графика, вот-вот в типографию...», — привычно говорит мучитель. Бабушкиными спицами разматывается тягучее время... Пытаешься писать новое, но писатели знают, как держит невышедшая книга, заставляет о себе думать.

И вдруг — это всегда вдруг происходит, — когда протянулись все сроки, ты получаешь от издательства сигнальный экземпляр книги. И радуешься так, как может радоваться только неизбалованный ребенок новой выплаканной игрушке. И тираж по нынешним временам — 4000 экземпляров — считается в писательской среде приличным. Правда, без редакторской

правки не обошлось. Пишу, к примеру: «С мучительными муками выдираюсь я из трясины пьянства...» Редактор выкидывает «лишнее» слово, и получается: «с муками выдираюсь...» Чувствуете разницу? То-то! А что покромсали — так и не таким доставалось...

Николай Гоголь, †1852: «...Я работал головой даже тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю... Я производил переделки своих прежних пьес... основываясь на разуменьи самого себя... Я видел, что на этом одном я мог только привыкнуть производить плотное создание, сущное, твёрдое, освобождённое от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершённое в высокой трезвости духа... Вот как трудно создаются вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны».

А. Раков: Оказалось, что тяга к писательству сродни болезни. Намучившись с двумя последними книжками всё тех же «Записок редактора», я честно сказал себе: «Хватит! Что изменится в мире от 300 страниц моих несовершенных мыслей тиражом 5000 экземпляров? Есть люди и поталантливее, и поглубже, пусть они и толкаются в издательствах. Вот сдам эту последнюю книжку — в твёрдом переплёте обещал издатель — тогда наступит конец этому сумасшествию!»

И свёрстанный с потом и кровью текст компьютер мигом отправил по назначению. А я отправился в короткий, но долгожданный летний отпуск и отдыхал в удовольствие, вспоминая давнюю шутливую фразу из «Литературки»: «Если можешь не писать — не пиши». Оказывается, я мог, хотя, по привычке, всюду таскал с собой надоевший блокнот с ручкой. Я упивался победой: ум оттачивал слова, глаза схватывали сюжеты, уши ловили фразы, запоминали стихи, — но чернила сохли в моей ручке. Через три с лишним года непрерывного писательского труда — внакладку к делам газетным — я вдруг открыл, что могу не писать, и мои незаписанные мысли легко убегают прочь...

Так продолжалось долго — почти восемь дней, — и снова неведомая сила, как раба на галере, приковала меня к перу. «Ладно, напишу ещё одну, — подумал, сдаваясь, я, — последнюю, но лучшую книгу в своей жизни и уступлю дорогу другим, честное слово!» Как там, у Редьярда Киплинга? «Но глаза мои слезятся: непривычен яркий свет. Лишь клеймо я заработал и оков глубокий след. От плетей рубцы и язвы, что во век не заживут. Но готов за ту же плату я продолжить тот же труд»...

...И опять я просыпаюсь по ночам, чтобы записать, а днем хватаю любой клочок бумаги, чтобы не забыть. Жизнь вновь превратилась в каторгу.

Вернулось то мучительно-приятное состояние, которое, по выражению Юрия Олеши, называется «ни дня без строчки». Но, может быть, и галерный раб со временем возлюбит свою ненавистную работу и поздним вечером, бросив вниз тяжёлые до онемения руки, довольно подставит усталое лицо ласкающему солённому ветерку...

В «Старой записной книжке» Петра Алексеевича Вяземского (†1878) читаю: «Мы видим много книг: нового издания, исправленного и дополненного. Увидим ли когда-нибудь издание исправленное и убавленное?» Замечание очень тонкое. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат», — сформулировал Александр Пушкин.

Знаю много книг, которые распухали от издания к изданию, наполняя страницы пустотою и ненужными подробностями. Я тоже страдаю этим: после выхода книжки всю бы переисправил и дополнил. Наверное, это происходит от суетности нашего недовоцерков-

лённого ума, который хватается за одно и то же с разных сторон, не в силах ёмко и кратко выразить мысль, её сердцевину. А поучиться есть у кого: как точно и мало писали святые отцы! Вот некоторые выражения прп. Амвросия Оптинского:

«Где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного»;

«Сама не юли и другим не вели»;

«Всё простое ближе к Богу, а мудрёное и высокое отдаляет нас от Бога»;

«Будем жить проще, и Бог помилует нас».

Слышу порой из уст братьев-писателей о ком-то брошенное — «газетчик»... И звучит это слово как приговор отступнику. Потому что они считают: писатель вполне может стать журналистом, но журналисту до писателя вряд ли подняться. Кто спорит, творить писателю сподручно — устроился поудобнее в тиши дома и пиши неспешно, с перерывами, выводя набело или отбрасывая написанное. У газетчика ремесло, не до творчества. Время! — оно движет его закорючками. Торопит сдача номера в печать, торопит редактор, да и сам журналист уже впрягся в этот немислимый ритм и, как шахтёр, выдает на-гора сплав опыта и способ-

ностей. А жизни газете отмерено — до выхода следующей. Захочет ли писатель потянуть газетную лямку?..

ГАЗЕТА

*Солдат забудет меч и бой,
Моряк — океанский шквал,
Масон пароль забудет свой,
И священник забудет хорал.
Влюблённый — о том, что он любим,
Красотка — о новом браслете,
И еврей забудет Иерусалим
Прежде, чем мы — о газете!
Если ты дождался хотя бы раз,
Пока, грохоча, как слон,
Не начнёт машина в полночный час
За рулоном глотать рулон;
Кто этой игре предавался всласть
(Каждый может в неё играть!), —
Того ни славы блеск, ни страсть
Не смогут отвлечь опять.
Как конь боевой, почувявший бой,
Душа пропадающая эта
Воспрянет, едва ежедневной трубой
Её позовёт газета!*

Редьярд КИПЛИНГ, †1936, Англия

А. Раков: Журналистика — это навсегда. С кем бы ни встречался, куда бы ни ездил, что бы ни читал или фотографировал — всегда одно на уме: как сможет пригодиться газете. Хорошо ли, плохо ли — не знаю, только мню, точить будет до конца дней; или ты не журналист, а временно занесённый на это поприще. Потом что-то отсеется, а нужное в нужный момент всплывёт и будет к месту.

Так и «записки редактора» — только то, что вынесла память, только мысли, которые мучают.

Прав, наверное, Достоевский, назвавший журналистику «врагом литературы»: пишешь наспех, стиль как получится, и мысль в образ переводить по-газетному коротко, но объёмно, если выйдет. И всё же хочется утвердить, что журналистика — не враг, а разновидность литературы, и не такой уж это простой жанр, каким кажется. Не верите? Возьмите в руки перо...

Мой редакторский опыт говорит, что самое ценное в православной журналистике — люди, и готовых православных журналистов нет, и дело вовсе не в их

профессионализме — непрофессионалы сами уходят, поняв, что не туда попали: труд непомерный, и денег здесь не заработаешь. Нужен такой коллектив, который по духу напоминал бы маленький монастырь, что ли. А это единство духа приходит только с годами совместного труда. И далеко не всем под силу. За 12 лет редакторства ко мне в редакцию лишь один раз пришёл человек, который сразу же смог работать в полную силу. И то я уверен, что его прислал Господь.

Собравшись по перу спрашивают меня, к какому жанру относится книга — к публицистике, исповедальному жанру или какому-то другому?

Отвечаю: это «записки редактора», и я понятия не имею, существовал ли до меня подобный способ передачи мыслей. Когда я стал добавлять к «запискам» стихи, получились «былинки». «Я плачу над счастливою строкой, пусть написал её не я — другой» (Степан Щипачев). Найти предшественников «Былинок» в литературе — такого соединения авторской прозы с поэзией — мне не удалось. Думаю, как для читателей, так и для автора не столь важен литературный жанр, — важнее, сумел ли писатель донести до читателя свои раздумья, тронули они читательское сердце или нет.

В СОЛДАТЫ

*Хмурой осенней ночью,
В сером тумане из ваты,
Юность порвав на клочья,*

*Я уходил в солдаты.
Всё позади забыто,
А за туманом – что там?
Взял из привычного быта
Только любимой фото.
И в веренице строчек
Бьётся и бьётся ярость:
Тку я безсонной ночью
Алый надежды парус.
Только судьбе – подвластен.
Только любимой верен.*

*Я за стеной ненастий
Вижу знакомый берег.*

А. Раков

Тешу себя надеждой, что мой скромный труд не оставил вас равнодушными.

Своих журналистов всегда учу: «Вам дано право рассказывать о людях публично. Пишите о человеке только хорошее – часто ли пишут о простых людях за

их долгую, внешне совсем непримечательную жизнь? Ваш материал в газете можно сравнить с награждением, прямо скажу, медалью или даже орденом. Представляете, сколько радости испытает человек, о котором вы написали с любовью? И близкие его прочтут и порадуются, и знакомые будут рады, да и у незнакомых – по себе знаю – поднимется настроение, когда узнают о хорошем, достойном человеке, с которого не грех и пример брать. Поэтому – только хорошее!» Как можем, следуем этому немудрёному правилу.

Опытный журналист и новый в нашей литературе писатель, растущий от книги к книге, Александр Раков нашёл свой, весьма интересный и необычный литературный жанр. Этот жанр определён самим автором совсем не академично, зато образно и метко – «былинки». Что же это за новшество такое? Попробую, насколько сумею, передать своё понимание. Былинки связаны с былью – жизненной былью и ещё былью сердца, совести и ума. Они несут в себе впечатления, чувства, размышления, воспоминания, которые спонтанно, ненароком посещают душу и во всей своей непосредственности, живой первозданности оказываются на кончике пера (или на

кончиках пальцев, бегущих по клавишам компьютера) и бережно высеваются на бумагу. И вот прорастают на ней, тянутся к небу скромные лёгкие «былинки».

В них вовсе нет торжественной героики былин. Но они связаны и с вечной сутью бытия, и с насущными заботами, тревогами, радостными и скорбными мгновениями нашего повседневного житья-бытья.

Всё сказанное побуждает увидеть некие параллели в литературных поисках видного представителя русского Серебряного века и автора этой книги. Но между ними есть и существенные различия. Розанов часто эпатирует читателя, стремясь подчеркнуть свою оригинальность, индивидуальную обособленность, «уединённость» от всего и всех. Типичный представитель своего времени, он мечется от язычества к христианству и обратно. А.Раков, при всем очевидном своеобразии своей личности, совсем не стремится к нарочитой оригинальности и непохожести на других. Напротив, он пишет о том, что волнует, заботит многих. Его «былинки» едва ли не в каждой своей строчке напоминают, что все мы – родные.

Нисколько не стремясь никого эпатировать, Раков честно обнажает самые болевые точки нашей жизни. Он пишет о нищих ветеранах, о бомжах, о брошенных животных и уничтоженных в материнском чреве детях, о нашем непонимании родителей, нашей неправимой вине перед ними. Он задевает болезненные струны так называемого национального вопроса, берedit душевные раны, напоминая о судьбах искалеченных в Чечне солдат. Есть страницы, которые читать невыносимо тяжело – такое страдание и сострадание они вызывают. Но читать необходимо: с сердца сдирается короста забвения, безразличия, самоуспокоенности.

В книге можно найти и много светлых страниц – о послевоенном детстве, о мальчишеских играх, о родитель-

ском доме, о первой любви. И о благодатных дарах сегодняшней жизни – драгоценных встречах с духовным отцом, общении с близкими и дорогими людьми, с животными и птицами, с родной северной природой.

Часто встречаются на этих страницах блёстки доброго юмора. И всё это тоже вызывает у читателя чувство сопричастия: у нас одна общая историческая судьба, одна страна, одна вера. И происходит ответное движение: совесть читателя оживает, страдает, вспоминает – работает...

Вот это вовлечение читателя во внутреннее пространство повествования, побуждение к духовному труду – одно из самых драгоценных качеств, которое основывается на традициях православной культуры. И ещё одно важнейшее достоинство – живое чувство православной соборности, которую А.С.Хомяков определил как «свободное единство в любви», уже утраченное, к сожалению, многими нашими соотечественниками, побуждает автора выбрать необыкновенно доверительную интонацию в разговоре с читателем – разговоре самых близких людей, которым нечего друг от друга скрывать.

На тех же соборных началах основан, на наш взгляд, совершенно самобытный, свежий приём, который использует автор в каждой своей «былинке»: он непременно привлекает к разработке затронутой темы стихи различных поэтов, знаменитых и малоизвестных, а то и совсем не знакомых даже искущённому читателю.

Многие из нас, увязнув в суровой жизненной прозе, почти отвыкли от поэзии. А.Раков упорно и осознанно разворачивает, заново приучает к ней читателя, и тем самым выполняет, помимо литературной, ещё и важную просветительскую задачу. Ну, а что же всё-таки даёт такой приём в художественном отношении? Как объясняет сам писатель, «к вескости прозы прицепляешь стропы поэзии – и воздушный парашют-одуванчик, званый духом попутного ветра, поднимается над землёй и неспешно парит вдаль». Как видим, писателю самому не чужда лирическая образность. Кроме того, он умеет подобрать стихотворный отрывок так, что этот отрывок (или целое стихотворение) органично, «без швов», срастается с авторской прозой и способствует сильному эмоциональному и нравственному воздействию на читателя. «Но ведь он к своему присоединяет чужое!» – может возразить какой-нибудь скептик или литературный фарисей. В том-то и дело, что не чужое, а родное, свидетельствующее о нашей единой соборной душе.

В книгах А.Ракова возникает полный жизни и движения русский космос, в котором собраны и благословлены былинки и звёзды, люди, звери, птицы, в котором

размышляют, страдают и радуются, щедро делятся друг с другом плодами духовного труда сам автор, его замечательный духовник о. Иоанн Миронов, другие духовные лица, а также многочисленные поэты и ещё более многочисленные – мы, читатели. Нас всеми средствами и способами пытаются разъединить. А мы – давайте будем вместе. Будем с Богом. И тогда победим.

Ольга СОКУРОВА,

доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского

Государственного Университета

(из предисловия к книге «На милость дня»)

А. Раков: Не спится, не пишется... Туманным оком обожу ровные ряды толстых книжек — откуда у писателей так много мыслей? Иной раз для написания крохотной «былинки» мне недели надобны, пока семя мысли сумеет прорасти в предложения на бумаге, да стихотворение подобрать. А часто — мучительная, изводящая душу пустота; за компьютер лучше не садиться.

Молчанье приходит не сразу —

Молчание нужно копить.

Молчание — это фраза,

Которую трудно прожить.

Юрий КРАСАВИН, СПб

Но, кажется, я начинаю познавать смысл творчества: пусть голова твоя продолжает работать; когда наступит миг божественного озарения, слова сами ложатся на бумагу; тогда только от данного тебе таланта и опыта зависит, как ты сумеешь воплотить вдохновение. Но что такое вдохновение и когда оно приходит, сказать не может никто. «Вдохновение — это не селёдка, которую можно засолить на многие годы», — сказал Гёте. И по своему желанию вызывать вдохновение никто ещё не научился: оно, как Дух Святой, *«дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»* (Ин. 3, 8). Впрочем, здесь я не прав, — а молитва? Вдохновение бежит ленивых, оно посещает трудящихся. Конечно, однако вовсе необязательно, что тебя вдруг осенит: у вдохновения нет ни границ, ни сроков. Поэтому для меня вдохновение — великая тайна Божия.

И. В. Гёте

*А что такое вдохновенье?
— Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновение
Божественного ветерка.*
Георгий ИВАНОВ, †1958

Проснулся в четыре утра. Встать бы на молитву — и сон придёт, но я выпиваю кофе и начинаю думать.

Ночью, когда тишиной залито всё вокруг, думается хорошо и неспешно. Тикают мамины часы, и я думаю о маме — как она там?

Уже нет того беспокойства за её участь, которое владело мной эти годы.

За стенкой вздохнула жена — после операции никак не может прийти в себя и вчера потеряла сознание. Ей неможется, и в доме гостит запустение: кое-где пыль, посуду надо бы помыть, в «келье» прибраться. Но главное, конечно, чтобы Лерино здоровье вернулось: не стоит терять близких, чтобы осознать свою любовь.

Думаю, как трудно жить в этом мире, который стоит на лжи, и хорошие слова не значат ничего; думаю о газете, отгоняя неприятные мысли о её судьбе; вспоминаю добрых людей, с которыми свела жизнь; записываю обрывки мыслей на клочке бумаги, перебираю события. Тихо-тихо в квартире, дневная суeta уле-

глась спать, а ты думаешь о счастье, о доле, о Боге, обо всём...

Наконец, кофе действует усыпляюще, и тебя забират крепкий предутренний сон... «Если пробудишься раньше положенного часа, то, не обленясь, восстани и мало помолись Богу твоему и возбудившему тебя святому Ангелу Хранителю. Веруй же точно, что Ангел Хранитель возбуждает тебя на это, почему ты и не должен лениться. Помолись, дабы не отогнать его от себя; а помолясь, снова ложись и твори молитву до пришествия сна» (протоиерей Валентин Мордасов, †1998).

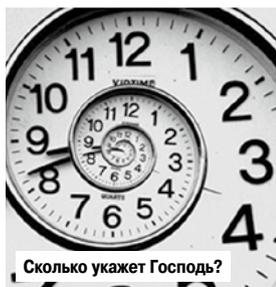
Встреча в Союзе писателей России. Не могу без волнения поздороваться с поэтом Глебом Горбовским или ещё с кем-нибудь из талантливых людей. Ну кто ещё, кроме Горбовского, способен сказать: «Крокодилы ходят лёжа»? Или Николай Рачков — «там я подсолнушком расту»? Много можно приводить удивительных примеров. Я преклоняюсь перед пишущими людьми — они сделаны из другого теста. Это им Господь даёт прозрение, это их Он наделяет талантом, их озаряет мучительным вдохновением. Не скрою, приятно, что Глеб Яковлевич различает мою физиономию среди прочих и даже согласен на интервью.

Я доволен, если мне позвонит Николай Борисович и прочитает новое стихотворение. И это не гордыня, что ты знаком со знаменитостями и можешь при случае похвалиться, это — счастье соприкосновения с Божественным даром, которым наделил их Господь. Кто-то может сказать: да ты и сам пишешь! Пишу, и книги выходят, и мне очень это занятие по душе, но пишут многие, а творят единицы. Как отличить одно от другого? Я знаю лишь один способ: если писатель внутренне недоволен своим написанным, если способен критически оценить и даже отречься от чего-то, он на правильном пути: изделие не может быть лучше творца. Если же трудящийся пера поражён метастазами тщеславия и самодовольства — дело плохо. Трудно войти в литературу, ещё труднее найти в себе смелость добровольно выйти из неё.

И ещё я заметил: человек, наделённый истинным талантом, будет сам приближаться и читателей приближать к Богу — вне зависимости от того, крещён ли он в Православии или нет. Горбовский говорил мне, что не верит в Бога, а верит во всемирный разум, но в «Записках литератора» признаётся: «Без веры в бессмертие души человеческой не только умирать —

жить тяжело, даже молодым. И тут важно будет спросить Небо: всем ли на земле даётся такая возможность — поверить в бессмертие человеческого духа? И не задумываясь, ответить: да, всем!»

Я вступил в период наступления старости. Это и начало немощи тела, но это — и усиленная работа души. Нужно заставлять себя двигаться, но размышления о вечном, о смысле жизни становятся потребностью. Поэт с сожалением восклицает: «О, если б можно жизнь мою переиздать!» В моей жизни было много отворотительного, чего я до сих пор стыжусь. Но, видимо, этот жгучий стыд послужил основанием к пересмотру всей последующей жизни. Праведно прожить жизнь от молодых ногтей до гробовой доски — удел единиц. Большинство людей совершают безчисленные ошибки в юности, грешат в зрелости и, лишь войдя в меру возраста, начинают — с Божией помощью — возвращаться к себе. Многие так и не успевают совершить духовный поворот — их застаёт смерть. Но те, которые успели выйти на духовную дорогу, уже не хотят «переиздать свою жизнь»: можно сокрушаться о несправедно прожитой жизни, однако верующие люди хорошо понимают, что без той жизни не было бы жизни нынешней.

Ну, и потом, ближе к старости тебя интересует то, чего раньше ты не хотел замечать — духовные движения своей души и духовные ответы душ окружающих тебя людей. Теперь ты тоньше чувствуешь ткань проходящих дней, прозрачная вуаль печали ложится на твою память, любовь чаще посещает твоё усталое сердце, природа открывает тебе свой таинственный язык, а время больше не пугает своей стремительностью, становясь твоим другом...

Ты делаешь удивительные духовные открытия, и мир предстаёт пред тобой совсем иным...

*Тот возвращается к первичному истоку,
Кто в вечность устремлён от проходящих дней.
Горит огонь в очах у молодых людей,
Но льётся ровный свет из старческого ока.*

Виктор ГЮГО, †1885

Литература неточно отражает жизнь. Более того, она отражает чьё-то видение жизни, а не саму жизнь. Человеческая жизнь наполнена высоким и низким, молитвой и бытом, грязным и чистым. Наша мысль скачет с одного на другое — и человек почти одновре-

менно думает и о смерти, и о стирке белья. Жизнь нельзя разделить на периоды и главы; в гениальной эпопее Горького «Жизнь Клима Самгина» текст идёт без разбивки. Меня поддерживает и Лев Толстой: «Здоровый человек обыкновенно мыслит, ощущает и вспоминает одновременно о безчисленном количестве предметов, но имеет власть и силу, избрав один ряд мыслей или явлений, на этом ряде остановить своё внимание».

Литература очищает, уплощает мысли и поступки человека, обедняет их, делает плоскими, последовательными. На самом деле мыслительный процесс принятия решений происходит совсем иначе — прислушайтесь к своим скакунам-мыслям.

Литература вынуждена излагать мысли и поступки раздельно, более того, с усложнением действия и увеличением лиц одновременное действие растягивается в сложное последовательное изложение. Кроме того, литература не в состоянии вместить мысли персонажей, предшествующих поступку, и всё это приводит к искажению действительности в пространстве и времени. Высказанная мысль есть результат мысленной борьбы противоречия мыслей. Швейцарский писатель Дюрренматт сказал: «Писать — значит устраивать очную ставку с действительностью».

Литература есть условность. Читающий человек производит колоссальную мыслительную работу, переводя плоскость написанного в свойственное человеку объёмное восприятие. Настоящий писатель с помощью имеющихся в его распоряжении литературных приёмов помогает читателю перевести писательские символы в некую реальность, более или менее близкую к идеалу. Вся настоящая поэзия соткана из символов; поэзия говорит образами и поэтому уже ближе к Истине. Книга устремлена к знанию, поэзия — к чувству.

Несовершенство и беда литературы — в способе изложения. «Нет ничего на свете сильнее... и бессильнее слова!» — восклицал Иван Тургенев. Возможно, в будущем появятся произведения, основанные на иных принципах изложения — появились же трехмерные шахматы. А пока читатель занимается непрерывной расшифровкой писательских криптограмм.

*Чищу книжные полки,
Убираю излишек.
Время мудрой прополки
И насущнейших книжек.
Видно, с возрастом всё же
Мы взыскательней судим*

*И становимся строже
К сочиненьям и людям.
Что-то вдруг устарело,
Что-то вновь зазвучало.
Безопасно и смело
Счёт ведётся сначала.
В нашем веке спешащем
Так нужна долгосрочность.
Знаменитых всё чаще
Проверяем на прочность.
С полок рушим осколки
Отработанных истин.
Чистим книжные полки.
Не себя ли мы чистим?*

Яков ХЕЛЕМСКИЙ †2003

Я — робкий. Не смейтесь знающие меня. Я — робкий писатель, если позволите себя так величать. Правда, от книжки к книжке прибывает робость, и уже не так опасаясь слиться своими мыслями с великими, известными и просто чужими.

*Часто цитируют Чехова
Известное изречение,
Рекомендуя для всех его*

*Правилом без исключения,
Глупо играть педанта,
Стиль — это дело личное.
Краткость — сестра таланта,
Но при его наличии.*

Анатолий КРАСНОВ, СПб

Мысль, выраженная на бумаге, выглядит не столь убедительной, какой казалась в голове: припечатать мысль к бумаге близко к тому, какой ты вынес её в себе, — предприятие сложное. Отсюда — робость выражения на бумаге, боязнь развить эту мысль дальше. Отсюда: поправки — зачёркивания и, как результат, — отточенный бросок в корзину.

А иногда лезешь в бумажный мусор и разглаживаешь написанное.

*Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Вода», «огонь», «старик», «олень», «трава»,*

*По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.
Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.*

Самуил МАРШАК †1964

Времена для писателя райские — бумаги для марания — пруд пруди, гусиные перья точить принаравливаться не надо и песком посыпать для просушки, и безвинну животинку не резать. А ну-ка на пергаменте запечатлеть, — почитай, набело? Тут и голова с плеч...

*На пергаментях тех цвела
Синева, позолота.
Тяжела, тяжела, тяжела
Работа.
Переписчик от красок хирел и слеп.
Не хватало гроша на вино и хлеб.
А барашков вели на убой, под нож,
На шашлык, на пергамент из нежных кож...
Надежда ПОЛЯКОВА, СПб*

Так и быть, раскрою вам тайну, как слагать «былинки». Сначала ты мучительно пишешь своё, без жали терзая душу. Потом к вескости прозы прицепляешь стропы поэзии — и воздушный парашют-одуванчик, званый духом попутного ветра, поднимается над землёй и неспешно парит вдаль.

Потом он плавно опустится на полянку страницы, и две склонённые над книжкой головки, прочитав «былинку», в один голос скажут: «Как же вовремя она прилетела!» И прижмутся крепче, чтобы жить дальше.

Тема былинки — смысл человеческой жизни, а сюжет — история человеческой души в наши дни. Им свойственен лаконизм повествования, мягкость и зыбкость структуры, отсутствие строго определяемых границ. Повторяющиеся элементы гипертекста — из прочитанных стихотворений, высказываний святых отцов и святителей, из читательских писем — напоминают известное в тысячелетней истории нашей литерату-

ры плетение словес – орнамент, близкий к орнаменту рукописных заставок древнерусских книг, так называемой «плетёнке», известной ещё с тех времён, когда Церковь была главным заказчиком и организатором книгопроизводства на Руси. Обилие стихотворений не подавляет читателя: письменное стихотворство появилось у нас сравнительно поздно, только в середине XVII века, и освоено недостаточно. Александр Раков, по собственному признанию, равнодушен к поэзии, которая по определению есть чистая исповедь души. Как составитель, он тонко разборчив, но его былинки притягивают творения сюжетной поэзии мыслей, более доступные, чем строки поэзии звуков, определяющие творчество как гром в себе (термин В. Сосноры). Первые незavidнее, зато выигрывают своим содержанием и развивают читательский вкус.

Александр Ракову не просто нравится повседневная русская жизнь, она вызывает его пристальный интерес. Не останутся безответными многие наблюдения, думание автора: «Невский проспект стал чужим», «с футболом перебарщивают», «не строят снеговиков, и горок ледяных самодельных нет больше. И снежных крепостей. А без снеговика какая зима!».

Автор не захлёбывается жизнью, он – в ней: «Редакцию газеты с полным основанием можно назвать «домом печали»: идут и идут люди со свои-

ми бедами, шлют письма – исповеди, просят помолиться, передать записочку старцу или прислать денег».

От письма безутешного не уклонишься, а у писателя появляется плач одной женщины по двум нерождённым детям. А кого не тронет своей горечью авторский вывод: «Как-то незаметно ушло, выветрилось из повседневья бывшее нормой достойное умение жить по-людски и умирать по-Божьи»?!

Как жизнь прожить? – всегда мучительный вопрос для России, в которой непрерывно воспроизводятся основные в истории человеческой мысли формулы, концентрирующие в себе целые мировоззренческие миры. «Да будет воля Твоя на земле, как на небе» – это молитва о возможном. «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» – правило русского мыслителя Н.Ф. Фёдорова. Для этой цели все должны стать познающими и всё – предметом познания. В том

числе, родная история как исследование уходящего вглубь веков родства по предкам, восстановление их жизни и деяний, для начала – в мысли.

Вот к каким параллелям привело меня чтение новой книги былинок Александра Григорьевича Ракова, в которой не забыты ни корни, ни ветви его рода, ни аксиомы православной веры, ни переживания за близких.

Юрий ПОМПЕЕВ,

профессор, доктор культурологии, член Союза писателей России (из предисловия к книге «Знаки припоминания»)

А. Раков: Читатель вправе делать замечания – книга для него написана. Но читатель и писатель, как ни странно прозвучит, равны в своих обязанностях: писатель должен быть доступным, доходчивым, говорить о насущном, а читатель должен быть вдумчивым, если позволите, умным. Константин Паустовский признавался: «Я пишу, превращаясь в книги, я даю себя всем». Иной читающий и книгу-то не долистав до конца, уже хватается за перо: «А у вас то не так и это не эдак. Зачем вы написали, что стали употреблять спиртное в молодом возрасте? А вдруг молодёжь начнет с вас пример брать? О положительном надо писать, о примера достойном...»

Но у писателя и читателя не только обязанности, но и права равные: читатель вправе захлопнуть книгу на первой странице, а писатель — бросить читательское письмо в корзину. Наверное, нет смысла в ответном письме разъяснять, что ты хотел сказать на четырёхстах страницах; тут уж никакие разъяснения не помогут...

Меня учила бабка:

*«Чтоб дело оправдать —
попробуй сад взлелеять
и вырастить ребёнку,
и книгу написать!»*

Л. ВАГАНОВА

Но и книги читать — искусство немалое: если не приучен думать, так и будешь «глотать» книги до конца жизни. Прочитать можно много, а толку будет с гулькин нос. Как-то забывается, что правда и изображение правды зависят не только от таланта, но и от поставленной писателем задачи — думай, думай, читатель! Поэтому, писатель! Пиши просто! Читатель! Не торопись с выводами!

Что касается нашего чтения, чрезвычайно важно искусство нечитания. Его смысл в том, чтобы не брать в руки то, что занимает широкую публику в данный мо-

мент. Тут надо рассуждать так: кто пишет для дураков, тот всегда найдет читателей... Дурного следует читать как можно меньше, хорошего как можно больше: дурные книги – это интеллектуальный яд, они отравляют ум.

Наша задача – как можно глубже проникнуть в собственную душу, найти и извлечь на свет Божий давние и забытые, или по ложной стыдливости не сказанные на исповеди грехи. Начав эту работу, вы убедитесь: количество их столь велико, что вы не могли себе даже представить. Относительно вашей многословности вам нужно посоветоваться с духовником. Несколько лет назад я тоже страдал от того, что не мог остановиться, пока не выскребу всё до донышка. А после этого долго болел душой; только Причастие и спасало. Теперь я и говорю посторонним не всё, а если говорю, то не болею. Возможно, так Богу угодно...

Отрывок из письма: «Несомненно, писательство и гордыня рядом ходят. Вы приводите слова св. прав. Иоанна Кронштадтского: «Светские литераторы, писатели при жизни своей сами делают себя богами... Самомнения бездна, смирения мало. Писатели стараются угодить в своих сочинениях всему миру, а о Боге и угождении Ему не думают. Но *«Бог гордым противится, а смиренным*

даёт благодать» (Иак.4,6). Будем по мере сил угождать Богу – и Господь всё управит. Простите за скудоумное выражение мыслей. Искренне, Александр Раков».

У большинства поэтов и писателей одна судьба — небытие. За редким исключением.

Безвестность — это не безславье.

Безвестен лютик полевой,

Всем золотеющим во здравье,

А иногда — за упокой.

Безвестно множество селений

Для ослепительных столиц.

Безвестны кустики сиреней

У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи

Идущий заполночь по льду...

А вот безславье — это хуже.

Оно, как слава. На виду.

Владимир СОКОЛОВ

Разговор на радио «Град Петров» с редактором книг «былинок» И. М. Ольшанской и автором А. Г. Раковым:

— Мало того, что человек садится и берёт на себя смелость написать о том, что тревожит, мучает душу каждого из нас, что мы зачастую сами от себя прячем.

Ведь вы обрекаете себя на то, что всем станут известны ваши грехи... И эта степень открытости, — я бы её назвала небывалой искренностью... Почему она так меня поразила? Потому что в этом я не увидела — простите за такое слово — не увидела тщеславия. Ведь оборотная сторона открытости очень часто бывает желанием вызвать всеобщее восхищение... Да, ты говоришь о себе плохое, но, следовательно, вот какой ты хороший — смог в таких вещах признаться!.. Случается в жизни подобное, правда, Александр Григорьевич?

— Да нет, Ирина Михайловна... Вообще без тщеславия творческих людей не существует. Это очень интересный для меня вопрос, не решённый до конца. Что же мне, садиться за письменный стол и специально говорить перед этим: «Сегодня я пишу без тщеславия!» Конечно, такого не бывает.

Я даже представить себе не мог, какая это попытка — писательство. Как это не знал? — удивляются окружающие. — Всю жизнь в газеты кропаешь, а не знал? Ты бы уж, брат, не того...

Да нет, истинную правду говорю: книга и газета — вещи совсем иного порядка; не выше или ниже, а в душе

движения разные происходят, пространство-время меняется, что ли. Стихи вообще неизвестно как рождаются.

И там и там болеешь темой, и будешь болеть, пока на бумагу не выльешь. Но книга держит сильнее, всего тебя вывернет и не отпустит даже тогда, когда последняя точка поставлена. Почему так? Наверное, умные люди и литературоведы знают, да так сложно объясняют в своих – для своих же написанных исследованиях, – что бедному писателю после чтения ещё хуже становится.

*Сначала в груди возникает надежда,
неведомый гул посреди тишины.*

*Хоть строки
ещё существуют отдельно,
они ещё только наитьем слышны.*

Есть эхо.

Предчувствие притяженья.

Почти что смертельное баловство...

И точка.

И не было стихотворенья.

Была лишь попытка.

Желанье его.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Попробую сказать ещё проще. Ну, ты просто не можешь думать ни о чём другом, кроме задуманной темы. Нет, ты что-то делаешь на работе приказанное или в саду деревья окучиваешь, но тебя уже захватило, и нет в мире силы, способной оторвать тебя от предтечи мысли. Это вовсе не значит, что, бросив лопату, побежишь ты не чуя ног к боевому письменному столу и стремительно запечатлеешь: Я помню чудное мгновенье, передо мной явились Вы... Только не смейтесь, улыбнуться можно, а смеяться не стоит: и вы тоже — знаю, знаю! — испытали это мучительно-приятное состояние творчества.

Я, литературовед со стажем, знаю, что современных православных почти не интересует, среди кого они живут: кто велик, кто пишет действительно то, что станет бессмертным, а кто ныне знаменит, а потом его имя только специалисты будут помнить. Должен сказать, что обычно люди представляют себе уровень, значение и место того или иного деятеля искусства в зависимости от уровня его талантливости. Это совершенно неверно и не соответствует действительности — ни исторической, ни живой. Потому что есть произведения мёртворождё-

ные, то есть сочинённые, из жестянок сложенные, пусть даже и очень талантливые, а есть — живые, которые прорастают из человеческой души. Но тот, из чьей души это прорастает, как правило, не может дать себе ясного отчёта, что растёт, откуда растёт, почему растёт и что в итоге вырастает. А со стороны это лучше видно. Конечно, как современник, я не могу совершенно определённо сказать, в каком ранге Александр Григорьевич окажется в будущем, это рассудят время и любовь читателей. Но могу сказать абсолютно правдиво: Александр Раков пишет настоящее, живорождённое, потому что оно перетекает из души писателя в наши души. Кроме того, то, что пишет Раков, — значительно. И читатель чувствует, осознаёт, что в былинках есть нечто, совершенно ни на что не похожее, нечто, чего нельзя назвать иным словом, кроме того, которое писатель сам нашёл — былинки, то есть то, что было, правда жизни. Чуткий читатель понимает, что в былинках есть что-то родное, коренное — то, что в литературном процессе называется узнаваемой традицией. Эта маленькая прозаическая миниатюрка, рождённая когда-то Тургеневым, потом продолженная некоторыми другими классиками, у Александра Григорьевича выглядит как исповедь. Но! и в этом изюмин-

ка — к каждой былинке обязательно добавлена поэзия. Как правило, это поэзия не авторская — чужая, но прочувствованная, пережитая писателем, составляющая внутренний контрапункт того, что исповедует Раков. Былинки — это рождённый, открытый Александром Григорьевичем новый жанр литературной миниатюры.

РУДЕНКО Юрий Константинович,
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
истории западноевропейской и русской культуры
исторического факультета Санкт-Петербургского
Государственного университета

А. Раков: Я ну никак не могу описать, как рождается и мучительно растёт в тебе это жжение под названием писательства. Пытался и так и эдак, но не выходило... И только через великого Бунина Бог послал мне слова, которых не нашёл я сам: «Как возникает во мне решение писать?.. Чаше всего совершенно неожиданно. Эта тяга

Могила И.А. Бунина под Парижем

писать появляется у меня всегда из чувства какого-то волнения, грустного или радостного чувства, с какой-нибудь ... картиной, с каким-то отдельным человеческим образом, с человеческим чувством... Это – самый начальный момент. Но это вовсе не означает того, что, беря перо, я наперёд уже знаю всё в целом, что мне предстоит написать... Только какой-то самый общий смысл брезжит во мне, когда я приступаю к ней. И часто я не знаю, как я кончу: случается, что оканчиваешь свою вещь совсем не так, как предполагал вначале и даже в процессе работы. Да, первая фраза имеет решающее значение... Свои стихи, кстати сказать, я не отграничиваю от своей прозы. И здесь, и там одна и та же ритмика... — дело только в той или иной силе напряжения её».

Последняя фраза классика мне очень глубоко понятна; я тоже пытаюсь своим скудным умишком перевести прозу в поэзию... Страшнее нет на свете пытки – мочь и не писать...

Молодой поэт из Сыктывкара Андрей Нитченко:

*Ты говоришь – диктует Бог
тебе твои писанья?
Я верю, друг! К тебе он строг.
Диктует в наказанье.*

Совсем не боюсь периодов, когда не пишется. Отлив обнажает дно. Собираю камешки и замечаю мусор.

Собственная жизнь постепенно удаляется от нас. Наступает момент, когда мы можем охватить, выразить, запечатлеть её – издалека.

Но пережить уже не можем. Акт творчества, кажется, совмещает в себе и «издалека», и «пережить». Вот в чём дело.

Верю ли я в чудеса? Разумеется. Я реалист.

Его душа открыта перед миром. Чутко различает добро и зло. Вбирает добро. И – делится им с нами. Это наблюдения, размышления, воспоминания, вызванные разным – близким и спорным – чтением.

А главное – это мир, не пройденный мимо. А ведь так часто мы проходим мимо этого мира! А он – тоже минует нас. Словно бы мы утрачены для него, а он не существует для нас. Какая потеря!

... И вот читаешь, пролистываешь, то пожимаешь плечами, то, остановившись, возвращаешься к прочитанному, пропущенному. Нет, это не мимо жизни! Это – через жизнь, вместе с нею. Оказывается, нам очень много дано! Только нужно у в и д е т ь это,

всмотреться... И не только «чужое» находить, переживать, но – открывать свою душу перед нами. С в о ё видеть, просто – у м е т ь в и д е т ь. Как это нам необходимо! А мы так часто проходим мимо себя, слепые и вовне, и внутри себя самих...

Писатель с а м всё видит. И нам открывает глаза (и душу). И вот мы уже не одиноки, не случайны. Мы – вместе. И – необходимы. При нынешней замкнутости (или, наоборот, банальной, шаблонной жизни нараспашку) исповедальная искренность ко многому нас возвращает. Прежде всего – к искренности, честности перед самим собою. А ведь с этого и начинается истинный человек. Такой человек более всего необходим нашему времени. В таком человеке – заметная «нехватка».

В.М. АКИМОВ,
профессор Санкт-Петербургского университета
культуры и искусств, доктор филологических наук,
заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России

А. Раков: Девять лет без перерыва я пишу книги. Девять лет каждый год выходят одна за другой: «В ладошке Божией»; «Страницы души»; «Заветные узелки»; «Былинки»; «У раскрытого окна»; «На милость дня»; «Знаки припоминания»; «Повторение пройденного»; «Гони, старик, свою лошадку».

Написал черне полкниги «О жизнь, нечаянная радость» и... и вдруг улетучились мысли, и я с ужасом понял, что никогда, никогда, никогда! не испытаю неповторимого чувства творчества, этой «сладкой пытки», которой ты добровольно отдаёшься весь без остатка. Маленькая «былинка» долго рождается внутри, ворочается с толчками, и ты мучаешься от долгих родов, — и вдруг невидимая сила бросает тебя к столу и ты с облегчением выплёскиваешь на бумагу созревшее чудо.

Да, были остановки и тогда, но они были недолгими, а иногда я сознательно не садился писать, чтобы всё вызрело до молочной спелости.

И каждый раз я пугался, что Господь забрал Свой дар навсегда и я больше никогда, никогда не напишу ни строчки. А если заставлял себя писать, то выходило натужно, вяло, без того внутреннего чувства, которое

ты способен передать читателю, — и я напрочь стирал написанное. Если мысль была стоящей, то через некоторое время она возвращалась, но уже в другом виде, и стихи к ней шли совсем другие, да и смысл мог измениться до неузнаваемости. Но всё равно приходилось ждать. А критики советуют да учат! — и надо бы — не следует сердиться, ведь каждому из нас даётся Случай — не каждому дано распорядиться.

Николай Астафьев, СПб: *Завидя искру Божьего таланта, сниму и я последнюю рубашку... Ты сетуешь: «Не пишется». — И ладно, — ну не всегда же душу нараспашку! Не осуждай глупцов за замечанья, не принимай их «искренних» советов. Сегодня у тебя пора молчанья, — так это же нормально для поэтов! Пройдёт пора безмолвного скитанья, и в жилах твоих вновь забродят соки... Пора молчанья — время ожидания, но как же холода её жестоки!*

А. Раков: Дорогой читатель, я не собираюсь мучить вас размышлениями о тайне творчества; великие умы так и не пришли к единому соглашению, когда надо писать. «Писание моё есть весь я», — сказал великий Лев Толстой, не раскрывая, впрочем, свою писательскую мастерскую.

*Какое уж тут вдохновение, — просто
Подходит тоска и за сердце берёт.
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черёд,
Решающих разом — петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает — то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва,
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва попевая, ты запись ведёшь,
Боясь пропустить иль запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь — не слыша, не видя,
В блаженном бреде не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.*

Мария ПЕТРОВЫХ, †1979

«Нечего тут ждать вдохновения: придёт оно — тем лучше, а ты всё-таки работай», — писал Тургенев; «Не

давай рукам воли, пока мозг ленив», — возражал ему Антон Чехов. Но есть третье мнение, ставшее для меня откровением; автор говорит о книге как о живом

существом: «Книга должна устать... — она отказывается продолжать работу, пока её силы и интерес к делу не оживут после отдыха», — эти слова принадлежат знаменитому Марку Твену. Полностью присоединяюсь к этой простой до гениальности фразе. Да, книга не хочет писаться — она «устала» (наверное, можно и без кавычек), да, писатель испытывает мучительно-унижающее чувство творческого бессилия. Вот здесь нужно прислушаться к своему творению (хотя это акт взаимный) и дать книге отдых — потом она пойдёт сама.

Конечно, я очень расстраиваюсь в момент «пустоты». Но это вовсе не пустота, а остановка в пути, чтобы набраться сил.

Кто-то из писателей работает по часам, кто-то — по вдохновению, а у третьего вдохновение приходит во время работы, а четвёртый пишет «без вдохновения»,

но получается замечательно. *Не подчиняясь вдохновенью, его не жду, но снова вдруг его мучительные звенья меня замкнули в узкий круг. И всё чернее ночи холод. Я так живу, о счастье помня, и если вдохновенье — молот, моя душа — каменоломня* (Ольга Ваксель). А пятого за глаза называют графоманом, но он трудится, трудится неустанно, — и когда-нибудь что-нибудь дельное получится и у него...

Зачем я вам жалуясь, дорогой читатель? А кому мне ещё жаловаться, как не вам; это для вас я пишу книги, страдаю и вынашиваю, чтобы частица моей души коснулась вашей души, сомкнулась с ней и, может быть, немного обогатились обе. Если же подобного слияния нет — незачем и за перо браться. «От слияния, совпадения опыта литератора с опытом читателя и получается художественная правда — та особенная убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей». (Максим Горький, †1936).

Не читается и не пишется, даже думать о чём-то лень. Занавеска слегка кольшется. Всё одно мне: что ночь, что день. Во спасение печка топится, и мигают в ней угольки. А в душе моей что-то копится, заполняя

все уголки. Терпеливо жду — пусть расселится... Догорит в печи головня, и печаль моя вновь рассеется, ни за что меня не вина. Всё заходит вокруг да около, чувства новые забредут, и взлетят слова ясным соколом, и значение обретут. Виталий СЕРКОВ, Вологда.

А. Раков: И вот опять — в который раз! — меня при-тянуло к столу. Писать. О чём? Пока не знаю, но это будут самые лучшие, самые сокровенные «былинки», которые я отдам людям. Я вынул из тайника лучшее гусиное перо, хранимое до времени, и окунул в чернила.

Я очинил себе перо старательно, почти с уменьем. Оно теперь легко, остро и вольным дышит вдохнове-ньем. В пере гусином что-то есть весьма достойное внима-нья. Удобств его не перечесть не только для чи-стописанья. Немало же в веках бывших тростинкой этою гусиной стихов писалось — и каких! — породы са-мой лебединой. Всеволод Рождественский, +1977.

А. Раков: Мне известен только один способ узнать, понравилась книга читателю или нет. Если вам вдруг захочется прочитать «Былинки» ещё раз, а то и два — значит не зря автор не спал ночами, выискивал нуж-ные стихи, подбирал слова, страдал и мучился.

А будет моя книга пылиться на полке, заполняя пространство, тогда нечего было и братья. Согласны? Вот и я так думаю.

На прощанье, уже по традиции, два заключительных стихотворения:

*Первые книги выходят таким тиражом,
Что разбредутся по свету – не сыщешь потом.
Но не сердись на судьбу, что тираж невелик.
Были бы книги, остались бы строчки из книг.
Были бы люди, которым поведать хотел,
Что повидать, полюбить и оплакать успел.*

Наталья КАРПОВА, СПб

И последнее-распоследнее:

ПРОСЬБА

*По вкусу если труд был мой
кому-нибудь из вас,
пусть буду скрыт я темной,
что к вам придёт в свой час.
И, память обо мне храня
один короткий миг,
расспрашивайте про меня
лишь из моих же книг.*

Редьярд КИПЛИНГ

Если в песне фальшивая нота, сорвавшись, безследно затухает в пространстве, то фальшь в писательстве не проходит даром. Не зря чистая нота высоко ценится народом и в человеке, и в книге, и в песне — даже если у тебя нет голоса. Это когда поёт душа. Споёмте, друзья?..

(...)

*Мелодией светлой и грустной
Ты можешь всю землю обнять.
Прекрасно душой прикоснуться к искусству
И жизни самой подпевать!
А время уносится дальше,
И кто-то о песне забыл...
Но всё же стараться, чтоб не было фальши,
Нас в юности хор научил.
А. Пахмутова, Н.Добронравов*

«Это жажда разговора со своим...»

**Размышления О.Б. Сокуровой к выходу книги
Александра Ракова «Избранные былинки»,
2014**

На поле каждой страницы этой прекрасно изданной книги живет тоненькая былинка, напоминающая об оригинальном и в то же время очень органичном жанре, изобретённом автором. По его собственным словам, «былинки» подтверждают своё название тем, что они легонькие, непритязательные на первый взгляд, в них нет сложных сюжетов, они берутся из самой жизни. Толчком для их рождения становится какое-то жизненное впечатление, наблюдение, воспоминание (подчас это может быть воспоминание о каком-нибудь давнем грехе, которое, возникнув, не даёт покоя). В душе идет процесс, имеющий разную временную протяжённость, но, наконец, наступает момент, когда «былинка» требует выхода и заставляет

сесть за компьютер, воплотить её в тексте и выпустить на свет Божий. Как видим, «былинка» — это нечто такое, что представляется не искусственно сделанным, а зародившимся и вызревшим. Это что-то природное, не вымышленное, а выращенное.

Опыт предыдущих книг А. Г. Ракова, написанных в жанре «былинок», подтверждает, что источником для их появления является сама жизнь во всем многообразии её проявлений. Создатель «былинок» «всем этим болеет», всё пропускает через сердце и даёт любому человеку почувствовать, что «он не один в своей боли, своих грехах, своих муках». «И человек, переживший, может быть, и разлуку, и смерть близких, а нынешняя молодежь — и наркотики, и страсть винопития, — открывает книгу» и видит, что другой человек

На бумаге получается лучше

может обо всём этом прямо, просто и честно написать. И тогда он понимает, «что он не брошен, что его проблемы решаемы».

В самом деле, поистине драгоценна та доверительная, искренняя интонация, которая выбрана автором при его беседе с другом-читателем. Вести себя совершенно открыто, держать душу нараспашку, конечно, рискованно. Но автор, похоже, сознательно идёт на такой риск. Ведь в наше время люди, к сожалению, очень разобщены, каждый предпочитает жить «на особи́нку» и при этом молча мучается своим одиночеством. Мы, русские, можем утратить уникальное своё богатство, уже давно недоступное остальному миру — роскошь настоящего человеческого общения.

Это жажда разговора со своим.

Это детское братанье — навсегда.

И наивное: потом договорим.

А потом и не бывает никогда.

Это вечное желание моё

Всех собрать и воедино, и навек.

Это то, что называется «своё»,

По чему тоскует русский человек.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

А. Г. Раков не случайно включил эти стихи в книгу «былинок»: они выражают позицию, которая побуждает его упорно двигаться «против течения», против тенденции разъединения людей и расчленения русского мира к противоположной цели — восстановлению человеческого братства и соборного единства народа, то есть того главного, «по чему тоскует русский человек».

Сплав стихов и прозы — ещё одно проявление соборного начала в книгах А. Ракова и ещё одна характерная и неповторимая, «каноническая» особенность жанра «былинок».

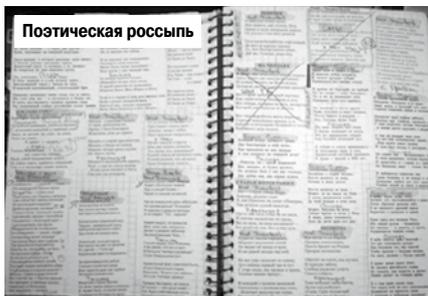
Стихи множества известных, малоизвестных и совсем не известных поэтов возвышают, одухотворяют, облагораживают прозу, обобщают конкретные жизненные впечатления, дают возможность мысли о земном оторваться от земли и воспарить вверх.

Этот сплав авторской прозы и «чужих» стихов ещё раз убеждает в том, что истина — одна на всех, и поскольку у нас ещё и одна на всех страна и общая историческая судьба, мы часто мучаемся одними и теми же вопросами, темами, одними и теми же физическими, духовными болезнями и социальными проблемами.

Мы нередко переживаем похожие впечатления, приходим к одинаковым выводам. Мы родные друг другу. Мы не одиноки.

Приходится только догадываться и удивляться, какую надо иметь память, и какую огромную собрать библиотеку современной поэзии, чтобы в нужное время и в нужном месте извлечь на свет, точно подогнуть и прикрепить «стропы поэзии к вескости прозы», а затем отправить в путь очередную «былинку». Действительно, при всей непосредственности, естественности, спонтанности возникновения «былинок», от автора этого, как кажется, «лёгкого» жанра требуется большой творческий труд и высокий профессионализм.

Кстати, именно о сложности создания малой литературной формы и о несомненной её перспективности в условиях нашего стремительного времени говорил Ю. В. Бондарев при вручении Александру Ракову в 2009 году Международной премии им. М.А. Шолохова за сборник публицистических и философских раз-

мышлений «На милость дня. Былинки». Приведём дословно слова Бондарева: «Я давно понял, что в ко-

роткой речи, если она насыщена тем, что у тебя на душе болит, можно выразить очень многое. А у Вас очень много боли. Я не увидел никакого подражания кому бы то ни было».

Далее выдающийся писатель-романист признал, что короткой литературной форме принадлежит будущее и работать над ней сложнее, чем написать большой роман: «...в романе тебя движет сюжет, какие-то коллизии, взрыв характеров. А в короткой форме нужны настроение и мысль».

Бондарев — честный и мужественный человек и настоящий писатель. Писатель-фронтовик. Поэтому получить из его рук премию особенно почётно. Это равносильно признанию боевых заслуг, включению в братство по оружию. То, что оружием является писательское слово, дела нисколько не меняет. Ибо бои за честь, свободу и независимость нашей Родины продолжаются. И становятся всё тяжелее:

*Был День Победы взрывом счастья,
В нем гасла даже боль потерь.
Стучали радостно и часто
Сердца людские. А теперь?
Идут года, а с ними беды —
Как из прорвавшейся сумы.
И чем мы дальше от Победы,
Тем ближе к пораженью мы.*

Эти горькие строки, включённые в книгу, принадлежат кубанскому поэту Николаю Зиновьеву. Его имя стало широко известным в последнее время, и его правдивые, сдержанные в своей трагичности и тем более сильные стихи находят живой сочувствующий отклик во многих сердцах. Но всё-таки приведённые строки кажутся слишком пессимистичными в финале. Да, ныне мы несём огромные потери, не сопоставимые ни с каким былым историческим лихолетьем, даже с ужасами прошлой жесточайшей и великой войны. Но дух, но сердце не хочет и не может согласиться с окончательностью нашего поражения. Во временных же поражениях русский характер только закалялся и креп — таково его удивительное свойство. Капитулировать мы не собираемся, хотя внутренне готовимся к

ещё пущим испытаниям. И обо всём этом свидетельствует последняя книга А. Ракова.

Эта книга в некотором смысле юбилейная: пятнадцатая по счёту среди всех книг автора и двенадцатая среди «былинок». Диву даёшься: когда только автор успел столько написать — всего-то в течение одного десятилетия XXI века... По книге в год! И это при той нагрузке, которую Александру Григорьевичу приходится нести в качестве редактора газеты «Православный Санкт-Петербург» и четырёх дочерних её изданий.

Для такого редкого плодonoшения нужно, чтобы многое накопилось в душе и терпеливо ожидало своего дня и часа. Нужно, чтобы была большая любовь к едва ли не каждоднев-

ному занятию «былинками» и почти неослабевающая творческая энергия, почти (без передышек всё же невозможно!) неиссякаемая радость вдохновения. Чтобы писалось, как дышалось — без такого свободного дыхания «былинки» вряд ли могли бы появиться на

свет. И потому их изобилие похоже на чудо. Возможно, это чудо связано с благословением замечательного духовника — о. Иоанна Миронова и с его постоянной молитвенной помощью. Православному читателю представлять о. Иоанна не надо. Все знают, что в нём — сама безграничная любовь Христова, и благодать, и детская простота, и святоотеческая мудрость. По милости Божией, он здесь, с нами, и в нём — все драгоценные дары русского старчества. Дай Бог дорогому Батюшке многая и благая лета!

По признанию А.Г. Ракова, ему на первых порах удавалось с великим трудом испрашивать у духовника благословения на свои литературные занятия, а в последнее время старец сам настойчиво говорит: «Пиши, пиши и пиши!» Согласитесь, это дорогого стоит. Должно быть, о. Иоанн усмотрел несомненную пользу написанного и для самого автора, и для его читателей. Ведь по видимости легкие «былинки» связаны с нелёгкой и неустанной внутренней работой их создателя над исследованием собственной души: «Я с ужасом и удивлением узнал, что чем глубже погружаешься в себя, тем больше грехов и всевозможных ошибок открывается перед тобой»:

*Пора углублять свою веру;
У сердца потребность в тиши.
Почаще исследуй пещеру
Своей богозданной души.
И там затепляя лампаду,
И там возжигая свечу,
От сердца шепчи то, что надо
Небесному слышать Врачу...*

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ, Кострома

Читатель тоже, подчас незаметно и неожиданно для себя, втягивается в эту работу души, начинает что-то похожее или иное вспоминать о себе и испытывает живительную боль стыда и покаяния. Ради таких моментов истины стоит писать книги.

Вообще работа автора над собой — например, старание совладать со своей раздражительностью, вспыльчивостью, порывистостью — отражена в книге. И добрые следствия этой внутренней борьбы, ведущейся с помощью Божией, тоже порой видны.

Как говорил великий старец нашего времени, архимандрит Иоанн Крестьянкин, тот, кто действительно хочет спасти

**О. Иоанн (Крестьянкин,
11.04.1910-5.02.2006)**

Россию, должен начать с проблемы своего личного спасения и спасения близких людей.

Автор книги именно в такой мудрой последовательности движется в своём повествовании: от внутреннего делания к внешним проблемам, от малого к большому, от частного, сугубо личного или внутрисемейного — ко всеобщему, универсальному.

Раздвигается пространство: от квартиры на Чёрной речке, или от маленькой дачи с рабочей «кельей», родными деревьями и знакомой вороной до просторных картин русского севера, до распахнутых мировых пространств, до всего живого космоса (пока ещё живого!). Раздвигается и время: от циклической смены времён года, отражённой в композиции книги, со всеми драгоценными, милыми сердцу природными приметами — до глубокого колодца родовой памяти, «преданий старины глубокой», связанных с фамилией Раковых и судьбами предков. А потом, из глубины прошлого — взгляд в грядущее: тревоги о духовном состоянии дочери, волнения о том, как сложится жизнь внуков, вырастают в заботу о будущем планеты, с уже явленными на ней знаками грядущего Апокалипсиса. Одно из характерных качеств книг «былинок» — это их

«итоговость», масштабность размышлений, подкреплённых поэтическими обобщениями:

Сошел на нет двадцатый век,

Итог его таков:

Мы отравили русла рек

И извели китов.

Леса, поля кровоточат

И воздух заражён.

Мы превратили землю в ад,

А небо — в полигон.

А всё сильнее человек

Хватает и гребёт.

Кончается железный век —

Какой теперь грядёт?

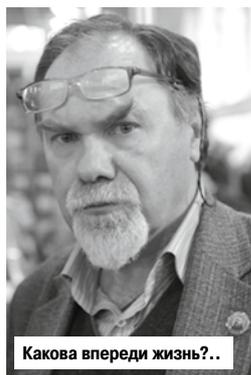
Иван СТРЕМЯКОВ, СПб

...А вот и сам автор с очками на лбу, что придаёт его образу, с одной стороны, какую-то забавную непосредственность, безыскусность, а с другой — неожиданную символичность: очки нужны не столько глазам, сколько лбу — умозрению, чтобы оно было особенно зорким и четким.

Много грустного, а часто и трагичного разглядел А.Г. Раков сквозь свои старомодные круглые очки.

В книге есть, например, потрясающий рассказ о послевоенной судьбе безруких и безногих «самоваров» на Валааме, которым мы обязаны жизнью и которых власти постарались проводить с глаз долой, подальше от наступившего в стране относительного благополучия. Можно найти размышления о детском алкоголизме, об униженном женском достоинстве. Есть и исповедь ВИЧ-инфицированного православного человека, позволяющая заглянуть в ещё одну бездну, разверзшуюся у нас под ногами в последние десятилетия. Есть и скупое сообщение, что единственный в стране батальон, созданный для поиска неучтённых воинских захоронений, министерство обороны решило сократить «в целях оптимизации расходов».

Может возникнуть вопрос: а где же та нечаянная радость жизни, которая воспета и вроде бы обещана нам в названии книги одной из книг «О жизнь, нечаянная радость»? Радость эта в книге постоянно присутствует. Она — в том, что великое чудо жизни, по Божьей милости, несмотря ни на что, продолжается.

Она — в том, что мы с годами начинаем ценить и понимать многое, чего раньше не замечали. Это значит, что всё более оживает в нас внутренний человек, и по мере этого оживления усиливаются в нас чувства благодарности и вины. Эти чувства относятся, прежде всего, к Господу, и ещё к тем, кто отдал жизнь, чтобы жили мы.

Автор книги, как и автор этих строк, принадлежит к поколению детей Победы. Цена, заплаченная за неё, была столь велика, что вот уже 70 лет продолжается в стране, худо-бедно, но мирная жизнь — срок для России неслыханный! Это тот срок, в который уложилось наше действительно счастливое детство, безоблачные годы учёбы (говоря диким языком современных чиновников, годы совершенно бесплатно предоставляемых народу «образовательных услуг»). Это тот срок, в который вошли ещё годы, когда мы набирали «опыт — сын ошибок трудных», и годы, в которые мы успели осмыслить эти ошибки, сумели многое пересмотреть и понять, и, главное, созреть душою для того, чтобы прийти к вере, окрепнуть в ней и постараться по этой вере жить. Да, срок отпущенной нам мирной жизни поистине огромен. Это великий дар отцов, положив-

ших живот свой за други своя — за всех нас. Между тем, нынешние «правдолюбцы», которые точно так же обязаны им самим фактом своего существования, швыряют в них, уже беззащитных, комья грязи и пытаются развенчать народную, священную войну как ложный миф.

Но живы мы, дети Победы — свидетели, призванные защитить тех, кто добыл её для всего мира. На всех нас есть отблеск Победы — многие представители нашего поколения отличаются сильным характером, независимостью взглядов и внутренним достоинством. При этом мы несём всю полноту ответственности перед Богом и поколением отцов. И к каждому из нас может быть с особой настойчивостью обращён призыв Амвросия Оптинского, не раз прозвучавший в книге: «Тяни лямку, пока не выкопают ямку».

В нынешней трудной ситуации Александр Раков «тянет лямку», сражается на передовой, а его книги можно приравнять к действенному оружию борьбы за Жизнь, за Веру, за Правду, за Россию.

Ольга Борисовна СОКУРОВА,
доктор культурологии,
доцент исторического факультета СПбГУ

«Поэт в России больше, чем поэт»

Е.А. Евтушенко

«Поэзия: греч. «создаю, творю» и проза – от латинского *prosa* – «прямая, простая» – две формы искусства слова, которые внешне отличаются строением речи художествен-

ной: в поэзии речь отчётливо делится на соразмерные отрезки – стихи; в прозе – движется сплошным потоком, прерываясь лишь присущими любой речи паузами в конце предложений», — объясняет термины V том Краткой Литературной Энциклопедии 1968 года.

НАУЧИ ПИСАТЬ СТИХИ

*Научи, как писать стихи,
Но не надо про «кровь-любовь»,
Пусть бредут по строкам грехи,
От стыда умирая вновь.
Пусть отстанут, исчезнут в тень
Истомившейся плыть луны.
Пусть сверкнёт чистотою день,*

*Словно луч золотой струны.
Где, скажи, живёт благодать,
Нет ни фальши, ни зла, ни лжи?
Нет, не стану я зря гадать –
Ты стихами мне расскажи.
И меня научи писать –
Подари поэтический ключ,
Чтобы рифмой себя спасать,
Ипуская заветный луч.
Пусть пронзает сердца людей,
Изменяет застывший дух.
Дай мне, Боже, Твой дар скорей,
Чтобы Словом открыть им слух.*

Александр РАКОВ

Я не знаю, что такое поэзия, я просто люблю её – и всё. И разбирать по частям, как ребёнок разбирает по частям любимую игрушку, – не хочу и не буду.

Поэзия – связь Неба с землёй, грязного с чистым, низкого с возвышенным, человека с Богом. Сколько бы ни говорили о стихах, размерах и рифмах вне поэзии, ничего не становится ясно, только затуманивает голову. Быть поэтом – дар Божий, дар редкий, порой неожиданный и внешне ничем не выслуженный. Льются

стихи – откуда? Но если ты принял дар всерьёз – потом и кровью, и бессонными ночами отольются тебе рифмованные строчки, а жизнь превратится в сладкую мучительную муку. И эту жизнь надо положить на то, чтобы твои стихи стали вливаться в других людей, тревожить, успокаивать и изменять к лучшему их души.

Поэзия – это... нет, я не знаю, что такое поэзия...

Так мыслит А. Раков.

ПОЭТУ

*Ты взял перо. Надумал стать поэтом,
Чтоб миру показать свой бриллиант.
Сначала рассуди, своё ли это?
Быть может, у тебя другой талант?
Поэзия – подобие моления,
Удел её – к Святому возносить.
А без Творца, – прими предостереженье,
Ты станешь вытворять, а не творить.
В служенье слову многое двулико,
Есть крайности – пророки и шуты.
Не выставляйся пред толпой великим:
Написанное выявит, кто ты.
Иеромонах Роман (Матюшин)*

Один очень умный человек сказал, что как для написания гениального стихотворения, так и не очень, затрачивается совершенно одинаковое количество умственной энергии. Поэтому, когда мы пишем стихи, мы все уподобляемся гению... Другой умный человек заметил: особенность стихотворчества заключается в том, что, начиная писать стихотворение, человек не может предвидеть, чем оно закончится. И ещё: сам строй стихотворения очень напоминает человеческую жизнь. И не будем забывать, что Библия написана стихами.

*Я плачу, да! и духом чую,
Что, свой рисуя идеал,
Всю душу чистую, святую
В свой труд художник полагал.
И, плача, мыслию взываю
К тебе, певец страны родной,
Тебя молю и заклинаю —
Чтоб ты уверовал со мной:
Не для минутного успеха,
Не для ничтожных слов и чар,
Не для кощунства, не для смеха
Тебе ниспослан Божий дар!*

*Не заходи во храм искусства
Ни мимоходом, ни как тать,
Чтоб на блажную мысль иль чувство
Огонь украсть и убежать...
Входи в него, лишь страха полный,
В нём каждый шаг твой буди свят.
Пусть вокруг бушующие волны
Лишь дальним эхом там звучат.
Восторгом чувств своих владея,
Твори — в тот миг лишь Бога знай,
В свои созданья, не жалея,
С молитвой душу полагай!
Аполлон МАЙКОВ, †1897*

Услышать мудрых поэтов

Короткое письмо из журнала «Юность» с отказом публикации хранилось у меня с 1963 года — и видно, было дорого, поэтому и сохранилось. Стихи были откровенно

слабыми, а если совсем честно, это были вовсе не стихи. Но то, что я не поэт, я понял не сразу. Постой-постой, сколько мне было тогда лет? 16. Все мы тогда поэты...

Вчера я побывал в гостях у настоящего Поэта, который в моём представлении должен быть небожителем.

Крохотная неухоженная комнатка в питерской коммуналке. По стенам — фотографии ушедших, старые грамоты, бумажная иконка, совсем мало книг, на заваленном столе — пишущая машинка; и сам хозяин недавно вернулся из больницы после операции, небрит и одет небрежно. Во всем чувствуется запустение старости. Пытаюсь взять у него интервью, задаю умные вопросы о поэзии, но вразумительных ответов не получаю. Я разочарован и жду момента, чтобы уйти, не обидев. Прошу прочитать старого поэта новые стихи. Он достаёт толстую папку — и куда вдруг подевалось его потрёпанное жизнью лицо и вся обстановка вокруг? Он начал читать — и волны истинной поэзии стали разливаться по комнате. Его близорукие глаза оживились, он дышал поэзией, а я с наслаждением вбирал звуки его голоса. Этот старик с изломанной судьбой, в крохотной коммунальной комнаткушке творил чудо — и я стал свидетелем его. Скоро он устал, мы трижды поцеловались, я поклонился Поэту в ноги и заторопился домой. А он остался — в своём вечном одиночестве — творить Стихи, пока рука держит перо...

*Когда в безвестности до срока
Не на виду еще поэт,
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет,
Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно,
— Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив всё равно.*
Александр ТВАРДОВСКИЙ, †1971

*Но пусть стихи плохие самые —
Вся жизнь моя в словах моих.
Зачем же вы, редактора мои,
Стараетесь ухудшить их?
С чужими отпрысками справиться
Чужим отцам не по плечу.
Скажите, что вам в них не нравится?
Им сам я уши накручу.*
Расул ГАМЗАТОВ, †2003, Дагестан

Я, вымучивающий каждое слово, решил спросить у короля поэтов Глеба Горбовского: «Глеб Яковлевич, а вы долго рождаете стихотворение?» Ответ ошеломил: «Да минут десять». Я не поверил, но старик, больше

шутки ради, чем доказательства для, сел за раздолбанную пишущую машинку вре́мен первых паровых двигателей и скоро настучал на плохой бумаге только что сочинённый для меня стих:

ЯНВАРСКОЕ СОЛНЦЕ

*Хоть солнце и холодновато,
но как лучисто в январе!
Над лесом — вспышка! Словно атом
Распался — взрывом — на заре.
Снега, пропитанные светом,
стволы деревьев, как в огне...
И в доме выпуклы предметы,
сплошь пребывавшие во сне.
Ну, а глаза — как бы прозрели,
освобождаясь от пелены...
И зазвучали птичьи трели
из горней спальни Весны!*

«Ещё написать?» — спросил поэт, потянувшись за русским лекарством.

Машинописный листок с неразборчивой дарственной надписью я храню в домашнем архиве. Стихотворения пока нет ни в одной книжке Горбовского — сам проверял. Вывод неутешительный: можно писать-

вставляя-перечеркивать; можно припрятать написанное в стол для вылёживания (будто, как в вине, прибавится крепости); а можно сесть, написать, вставить в очередную книгу, чтобы порадовать читателя. А ещё — самое лучшее — можно и вовсе не писать. И вся недолга.

Он всю ночь корпел угрюмо, кулаками тёр виски, думал, думал и придумал — две зачеркнутых строки.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Прочитал три пуда поэтов и подивился: все как один пишут о России и никто — о своей повинности перед ней. Пишут о её терновом венце, но никто не примеряет его на себя. Плачем плачут о кончине любимой Отчизны — и пальцем о палец не ударят, чтобы поспособствовать её спасению. Обличают грехи других — но ни звука о собственном очищении души. Призывают народ к покаянию, а про Церковь вставляют для благозвучия строки...

ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИИ

Как бы мы ни тербели

Слово Русь — посредством рта,

Мы Россию не любили.

Лишь — жалели иногда.

*Русский дух, как будто чадо,
Нянчили в себе, греша,
Забывая, что мельчала —
В нас — вселенская душа.
Плачут реки, стонут пашни,
Камни храмов вопиют.
И слепую совесть нашу
Хамы под руки ведут.
Если б мы и впрямь любили,
На святых холмах Москвы
Не росло бы столько пыли,
Столько всякой трын-травы.
Если б мы на небо косо
Не смотрели столько лет,
Не дошло бы до вопроса:
Быть России или нет?
Глеб ГОРБОВСКИЙ, СПб*

ДОБЛЕСТЬ ПОЭТА

*Править поэму, как текст заокеанской депеши:
Сухость, ясность, нажим, начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом*

и тесном камне:

*Чем скупее слова, тем напряжённее их сила.
Мысли заряд волевой равен замолчанным
строфам.*

Вытравить из словаря слова:

«Красота», «Вдохновенье» —

Подлый жаргон рифмачей...

Творцу же поэту — понятия:

Правда, конструкция, план,

равносильность, сжатость и точность.

В трезвом, тугом ремесле —

вдохновенье и честь поэта:

В глухонемом веществе заострять

запредельную зоркость.

Максимилиан ВОЛОШИН, †1932

В библиотеке для работы над «Былинками» беру книги пачками. Кое-кого из поэтов даже знаю лично. Написали по двадцать-тридцать поэтических книг, а сейчас я ножиком разъединяю неразрезанные страницы. И разговор идёт не о слабых поэтах, я говорю о стихотворцах, чьи стихи действительно несут в себе аромат поэзии. Ещё недавно они были на волне популярности, их книжки издавались и переиздавались, на телевидение приглашали, писали рецензии, присуж-

дали литературные премии, и они были счастливы — оценили, слышали!

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

*Во имя доброты — и больше ни во чьё,
во имя добрых тайн и царственного лада, —
а больше ничего Поэзии не надо,
а, впрочем, пусть о том печётся дурачьё.
У прозы есть предел. Не глух я и не слеп
и чту её раскат и заревую залежь,
но лишь одной Душе — Поэзия одна лишь
и лишь её дары — всего насыщенный хлеб.
...Прислушайся ж, мой брат, к сокрытой глубине,
пойми её напев и облеку в глаголы.
Есть в мире мастера, течения и школы,
и всё ж в них меньше чар, чем в хлебе и вине.
...Прозаик волен жить меж страхов и сует,
кумекать о добре и в рот смотреть кумиру, —
а нам любовь и гнев настраивают лиру.
Всяк день казним Иисус. И брат Ему — Поэт.
Лишь избранных кресту Поэзия поит.
Так скорби не унизь до стона попрошаек
и, если мнишь, что ты беднее, чем прозаик,
отважься перечесть Тарасов ЗАПОВІТ.
Борис ЧИЧИБАБИН †1992*

Был такой хороший поэт — Роберт Иванович Рождественский (1932-1994). Хотя почему я говорю — был? Он и сейчас не забыт ни друзьями, ни дочерьми, ни читателями. Честно говоря, я его для себя недавно открыл. Да нет, стихи его читал и слышал — их невозможно было не услышать тогда, когда Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина и Рождественский завладели умами молодежи. Именно тогда прозвучало бессмертное евтушенковское: «Поэт в России больше, чем поэт». Интерес к поэзии, её воздействие в 60-х годах было огромным. Об этом времени ностальгически вспоминают нынешние поэты, вынужденные пробавляться тиражами от 100 экземпляров за собственные деньги.

Объяснить людям, что такое поэзия, невозможно. Несколько раз газета «Православный Санкт-Петербург» писала о различии между настоящими стихами и графоманством. Но люди продолжают нести, присылать, читать по телефону свои творения. Я не литературный редактор, да и должности такой в крохотной редакции не положено, поэтому, просмотрев несколько строф, обычно возвращаю их обладателю.

В других редакциях, наверное, поступают иначе: успокаивают, обещают, советуют читать классиков,

походить на занятия и уже потом приносить новые вирши. Боюсь, что это неверные советы — свет поэзии пробивается даже в несовершенных пока стихах.

Поэзия — дар Божий, не устаю повторять я, а Господь Своими дарами разбрасываться не любит. Ну охолодите свой ум, постарайтесь непредвзято подойти к вымученному вами стихотворению, сравните ваши рифмы и рифмы известных поэтов, возьмитесь за теорию стихосложения. Вас школа чему-нибудь научила, в конце концов?! Но есть ещё одно, главное правило — если можешь не писать — не пиши. Не мучайте вы редакторов и литсотрудников попусту. Более того, я уверен, что публикация плохого стихотворения наделает в будущем автору множество бед: он уверится в своём несуществующем таланте. И будет кропать и кропать до изнеможения. Пока правда об отсутствии способности не откроется сама или, что хуже, через кого-то другого. А это ещё большее... Александр Раков

*Не жди «условий» для стихов. Небо, земля
и собственная душа всегда с тобой.*

Ничего не пиши без любви.

Молодой поэт из Сыктывкара Андрей Нитченко. Молодой — но уже, кажется, понял главное.

Но что же такое Поэзия, есть ли ответ на этот вопрос?.. Думаю, ответа на него нет. Да и так ли это важно, в конце концов... *«Талант – нечто настолько таинственное, что, когда всё будут знать про Землю, про её прошлое и будущее, когда всё будут знать даже про человека, – в последнюю очередь всё-таки узнают, что такое талант, откуда он берётся, где помещается и почему он достаётся этому человеку, а не другому».*

Расул Гамзатов †2003

Есть такие стихи – ни о чём. Ни о чём написаны так, что прочтём – и плакать начнём или вдруг приплясывать в такт. Только очень большой поэт может так написать ни о чём. Ни о чём пичужка поёт, ни о чём роса по ночам, ни о чём чудная печаль, ни о чём нечаянный взгляд, ни о чём вздыхает причал, ни о чём, но только не зря, ни о чём чудесно правы наречённые сердцу слова, ни о чём, как запах травы, обо всём, как жизнь сама... Александр ВОЛОДКО, р. 1933

Я не умею писать ни о чём, но не и не знаю, как бросают писать – наверное, так же, как пьяница расстаётся с бутылкой. Писательство – такой же наркотик, как и другие. Писательство убивает писателя – при условии, что он писатель настоящий.

*Вы прочитали «незабудки»,
Писал их от души поэт,
Чтобы читатель, к правде чуткий,
Увидел в этих строчках свет.
Он может вере стать опорой:
Дорога творчества трудна.
Терпеть укоры, смех и споры —
Лишь бы душа была нежна.
И льётся свет небесно-синий,
Рождая верные слова.
И песни, и стихи России
Живут, покуда Русь жива.*

А. РАКОВ

*Возьми, поэт, перо, возьми листок бумаги.
Чернильницу открой и начинай писать.
Пиши, поэт, пиши, чтоб люди понимали,
Себя в своём письме смогли бы увидеть.
Пиши, поэт, пером, пиши, поэт, слезами.
Пиши, поэт, душой, и сердцем напиши.
Уста не открывай, поймут пусть люди сами,
Что ты хотел сказать в душе и от души.
Пиши, поэт, пиши, чтоб людям стало легче*

*Себя найти в других, других найти в себе.
Пиши, поэт, пиши, чтоб сердце стало крепче,
Когда тепло найдёт в услышавшей душе.
Пиши, поэт, пиши, марай листы бумаги.
Пусть кончатся чернила, ты всё равно пиши.
Пиши, поэт, пером, пиши, поэт, слезами,
Чтоб струнки взволновать чужой —
родной — души.*

Пиши, поэт, пиши...

Юлия БУРЛАКОВА

МЯТЛЕВ

*Остаться можно в памяти людской
Не циклами стихов и не томами прозы,
А лишь одной-единственной строкой:
«Как хороши, как свежи были розы!»
Яков ХЕЛЕМСКИЙ †2003*

Оружие литератора

М.М.Дунаев в статье «Постмодернистские скандалы» (журнал «Церковь и время», №2(23), М., 2003), весьма авторитетный в православном мире учёный, пишет: «Литература несёт в себе особую ответственность, ибо она есть искусство слова. Если посредством слова человек начинает служить злу, то это становится сродни греху хулы на Духа».

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своём и в отце своём — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... Понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено, что человеки дадут отчёт в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!» Грозное пророчество. И не отговориться никому тем,

что художественная деятельность далека-де от религиозной проповеди, имеет свои собственные цели»...

РУССКИЙ ЯЗЫК

*Пускай вековая усталость
Сгибает мне плечи, но всё ж
От предков с тобой нам досталось
Не только паденье и ложь,
Не только невзгоды и беды,
Но мудрость Божественных книг.
А с ней передали нам деды
Великое слово — язык.
Мы приняли это наследство,
Разящее остро, как меч,
Духовное мощное средство —
Родимую русскую речь.
И в сердце горит и трепещет
Той речи горящая плоть,
Звонит, словно колокол вещий:
Мария, Россия, Господь.
И вечное Божие слово
Нам благовествует о том,
Что церковь есть Тело Христово,
Что Русь — Богородицы Дом.*

*Живут в нашем русском народе
Безсмертные эти слова,
Как живы Кирилл и Мефодий,
Как вера и слава жива.*
Татьяна ЕГОРОВА, СПб

СЛОВАРЬ

*Усердней каждый день смотрю в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдёт искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.
На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.*

*Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать. Век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.*
Самуил МАРШАК † 1964

Насколько многоцветен и объёмен наш мир, настолько разноцветны и объёмны наши слова. Мы не воспринимаем слова на цвет, но видим его внутренним зрени-

ем; поэтому цветовая гамма красок накладывается на содержание. Любое литературное произведение можно перевести в цветовую картину, и каждое будет отличаться друг от друга. Поэты особенно чувствительны к цвету слова: цвет и звук составляет для них единое целое:

...Пёрышко с небес, а может — слово.

Если умный, глянть да раскуси.

Сколько голубого-голубого,

Сколько золотого на Руси!

Николай РАЧКОВ, СПб

Огромное влияние на меня произвела сорокастраничная книжка иеромонаха Никона (Беляева), †1931, «Завещание духовным детям» — это она впервые привела меня в храм Божий. «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 36-37).

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Изучайте славянский язык!

В нём сокрыта огромная сила.

В каждой линии смысл есть велик,

Благодать от Христа в нём почил.

Николай КАПШИТАРЬ, Киев

СТАРЫЕ СЛОВА

Эти кроткие — без крику —

Синеглазые слова:

Брашно, сумно, поелику,

Греховодник, снова...

Эти грады, эти веси —

Дивных слов косматый ряд,

Словно буки в темном лесе,

Напугают — не съедят.

Ведь за ними, как за синим

Окияном, словно луч,

Брезжит юная Россия

Из-под злых и чёрных туч.

Глеб ГОРБОВСКИЙ, СПб

Помню, ещё на лекциях в ЛГУ преподаватель английского предлагала нам определить, что означает слово FLUFFY (грубо — «флаффи»). Произнесите его несколько раз, и вы почувствуете — правильно — что-то мягкое, нежное, пушистое. Возьмите наугад любое русское слово — «жесть», «зверь», «нежность», «тревога» — и вы наверняка определите его значение, пусть не совсем точно, однако качество будет названо верно. Сочетание цветов в словах есть музыка нашей речи...

ЧЁТ И НЕЧЕТ

*Попробуешь слова сличить —
И аж мороз идёт по коже!
Недаром «мучить» и «учить»
Звучит извечно столь похоже.
Но и бывает смысл иной,
Доподлинно необъяснимый:
Казнящий ли владел казной,
Или казной владел казнимый?
Земля и тля. Вина — вино.
Апрель и прель. Мороз и проседь...
Всё это будто не одно,
Но от другого не отбросить!
Берёзка — розга. Лик и лак.
Увечить и увековечить...
Неужто это просто так,
Одна случайность —
Чёт и нечет?*

Леонид МАРТЫНОВ †1980

В 1952 г. Григорий Иванович Раков писал моему брату длинные письма; одно из них было наполнено высказываниями о русском языке. Цитируется М.В.Ломоносов, Н.В.Гоголь, Л.Н. Толстой, И.С.Тургенев, И.В.Сталин.

... «Не зная грамматики и не имея богатого запаса слов (интеллигент употребляет одни слова, крестьянин – другие, рабочий – свои особенные, ученик – свои), – хорошо не напишешь. Да и стыдно, бумага краснеет, если русский человек делает ошибки на своём родном языке.

Сынок, и ещё одно хочу тебе написать: читают те книги, которые дают какие-то знания. Сообщают что-то новое. А в чём же отличие литературы (повестей, стихов, рассказов) от науки? От обычной речи? Почему литературные произведения так легко запоминаются и так сильно на нас действуют?

Особенность литературы в том, что она передаёт нам знания, сведения, впечатления посредством образов. Если я написал: «бумага краснеет, если ошибки делаешь», – я написал образно, ведь бумага не может покраснеть от стыда!

СЛОВА, СЛОВА...

Ох, эти мне слова!

Я в них лопатой роюсь,

Руками разгребаю – пальцы в кровь,

И мучаюсь бессонницей порою,

Чтобы найти и вырвать пару слов.

Потом кладу их в строчку на бумаге,

А строчка почему-то не звучит.

Казалось мне, поэты – это маги,

А я не маг, – строка моя молчит.

И снова я потею над работой,

И мучаюсь ночами, и не сплю –

И вот из слов выстраиваю роту,

Где каждый воин – слово на посту,

Где каждый взвод чеканит шаг строфою.

И вот уже кружится голова:

Я слышу, как несутся надо мною

Мои многострадальные слова.

Слова, слова!

Как гроздь налитые,

Чтоб не пропали – вовремя сорви.

Слова,

слова,

*громоздкие,
простые,
Я признаюсь вам в искренней любви.*

Рядовой А. РАКОВ

Урок нерусского языка: школьная форма, наглаженная с иголочки; тоталитарный глобализм; плоды на лице; советы и рекомендации; модернизация и совершенствование; детская православная газета «Глаголик» (Коломна); в Украине; в приступе сервильности («Православная Пермь»); в районе пяти часов; Нобелевская лауреатка; автобусный крестный ход; ресурсные запасы планеты («Десятина»); уникальная поэма Волошина («Таврида Православная»); открытие усыпальницы храмосоздателей; камень размером около трёх килограммов; крестословец («Православный источник»); более близкая победа; серебряников («Радонеж»); пожарники (МП).

*Снегом, снегом разукрашен до небес, под самый край,
край наш русский, а не «рашен», не «российский» —
русский край.* Ирэна СЕРГЕЕВА, СПб.

Быть на Родине иностранцем: санкционированная (разрешенная) свалка; баллотироваться (избираться) в президенты; вынесен вердикт (приговор); тотальный

(всемерный) контроль. Для справки: в скобках поставлены русские слова, с успехом заменяющие иностранщину. А теперь сами напишите в скобках русские соответствия: шоу (); аплодисменты (); киллер (); инцидент (); конфронтация (); толерантность () народа; brutальное () поведение; электорат ()... Ну, хватит! Утверждают, что язык — живой организм, и это верно. Однако, если в чистый источник попадает грязь, источник становится негодным. Из чего тогда пить будем, родимые?..

Я был уверен, что нынешние пииты грудью стоят за чистоту русского языка, но примеры говорят об обратном:

Я — женщина-поэтка, стриптизом в рифмах душу оголяю. «Стихи.ру»

*Неприятно мне, неприятно,
безпричально и безкаютно,
некупейно и безплацкартно —
нет билета «туда-обратно».*

А. РАКОВ

«ЖИ-ШИ ПИШУТСЯ ЧЕРЕЗ Ы»

бывшему министру образования

Дмитрию Ливанову

Я послушался министра

И учиться завязал,

*Стал строчить бездумно быстро:
Как услышал – написал.
И теперь ничто ни держит –
Нам зубрёшка ни к чему.
Пусть зовут меня нивеждой,
Ну а смысл та слов паймут!
Книги брошу на помойку:
Всё заменит интэрнет.
Безошибочно и бойко
Даст он мне любой ответ.*

Говорю журналисту: «Слово «коридор» пишется с одним «р». — «А пусть корректор поправит». Ладно, пусть.

Говорю другому журналисту: «Прилагательное «бешеный» пишется с одним «н». — «А у меня компьютер это не считает ошибкой». Ладно, раз такое дело. «Набери выражение «ранеНый солдат» и «ранеННый на поле боя солдат». Ну и что твой грамотей-компьютер показывает?» Я принес сборник диктантов 50-х годов, по которым учился, и мы будем осваивать русский язык — надо же когда-нибудь начинать.

И вы присоединяйтесь к нам, читатель. Только учтите, что в тексте сознательно допущены грамма-

тические ошибки и отсутствуют знаки препинания, за исключением точек в конце предложений. А теперь за работу!

Диктант
ПЕРЕД ГРОЗОЙ
(По И.С.Тургеневу, «Голуби»)

Я стоял на вершине пологого холма передо мною то золотым то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь. Но ни бегало зыби по этому морю, ни струился душный воздух назревала гроза великая. Около меня солнце светило горячо и тускло но там за рожью не слишком далеко тёмно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона. Всё изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Ни слышать ни видеть ни одной птицы попрытались даже воробьи. Я глядел на синюю громаду и смутно было на душе. Ну скорей же скорей думалось мне. Сверкни золотая змейка дрогни гром. Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила без-

молвную землю... и только пухла да темнела. И вот наконец сорвалась буря и пошла потеха Я едва домой добежал. Визжит ветер мечется как бешенный мчатся рыжие низкие словно в клочья разорванные облака всё закурилось смешалось захлестал закачался отвесными столбами рьяный ливень молнии слепят огнистой зеленью стреляет как из пушки отрывистый гром запахло серой...

Из воспоминаний академика-кораблестроителя И.Д. Спасского: «Когда я был молодым, очень трудно мне было выступать на собраниях, писать доклады. Один из моих учителей, пожилой человек, научил меня грамотно писать, уверенно и правильно выступать с трибуны. Он посоветовал: подойди к книжному шкафу, возьми томик любого классика, выбери абзац, выпиши его, а потом попытайся написать лучше, чем в книге. За год таких тренировок я понял, как же богат русский язык! В результате: А.П. Чехова я «победил» за неделю, а вот на Тургеневе «споткнулся». Ни одного лишнего слова, невозможно написать лучше. Зато скоро я научился и говорить нормально, и доклады готовить. А главное – я полюбил русскую классику».

Заветы отца-филолога

Некоторые мысли папы в книге повторяются, чтобы лучше запомнились.

В январе 1959 года Григорий Иванович Раков писал:

«Перо — сильнейшее оружие. Ни в шутку, ни ради рифмы, ни из озорства, ни тем более при каких-либо настроениях не позволяй, чтобы это оружие вольно или безсознательно, было направлено против народа.

Наш народ работает 40 лет с таким колоссальным напряжением, что даже одна мысль повредить ему и ещё больше увеличить его нагрузку сама по себе преступна...

В творчестве тоже диалектика: интимно-личное должно передавать массовое чувство, общечеловеческое (для данного народа или его части). Когда К. Симонов во время войны опубликовал лирический сборник, Сталин будто бы сказал: «Хорошие стихи, но их нужно было издать в двух экземплярах: один ему (автору), второй ей (Серовой)».

Я тебе советую: прочти письма А.В.Луначарского сыну. Он лучше меня объяснил многие вопросы, которые тебя, очевидно, интересуют.

И еще несколько советов (а тема нашего разговора — безбрежная, в одно письмо не уложишь). Творчество обычно (если не уникальный гений появился) слагается из двух сторон: из способности и мастерства. При наличии только одной какой-либо стороны полноценного творчества не получается. Отсюда вывод: развивать свои способности (т.е. писать) и учиться мастерству (гл. образом путём чтения и анализа хороших мастеров слова).

О первом. Большинство поэтов и писателей (хотя не все) ведут дневники — ежедневно. Записи мыслей, чувств, слов, обрывки строк и др. заготовки. Записывать и факты, возбуждавшие какие-то эмоции или привлёкшие твоё внимание. Человек меняется. Его переживания стираются, исчезают и их оч. трудно восстановить, если нет никаких следов, которые по ассоциации помогут восстановить психологически переживания, атмосферу, чувства...

Я дневников не вёл, но выписок из книг, созвучных моему настроению, делал оч. много (они не уцелели). И сейчас для моей работы собираю большой фактич. материал. Без этого ни лекции не прочтешь, ни статьи не напишешь. Записывать надо то, как народ говорит, его обороты речи, etc, прислушиваясь везде и всегда, и научиться улавливать отличия языка рабочего — от крестьянина, интеллигента — от недоучки и выскочки и т.д. В газетах у нас 99% трафаретов. Это стершиеся слова, к-рые не действуют на чувство. Особенно остро этот догматизм воспринимает иностранная аудитория, к-рой кажутся

скучными наши радиопередачи, хотя они специально готовятся на эту специфическую аудиторию. И газетные стихи оч. многие плохие из-за трафарета, набившего оскомину всем.

О мастерстве. Какой-то поэт (кажется, Бальмонт) написал стихотворение, передающее камыш под ветром: «И тихо, безШумно-ШурШаткамыШи (4 Ш в одной строке!).И так всё стихотворение. А Маяковский, бунтовавший против прилизанных акмеистов, дал другое: «Нам надоели небесные сласти, хлебушка дайте Жрать РЖаной» = лексикончик — «жрать» и т.д., и звуки ЖР, РЖ... Таким образом, разные темы требуют своего словесно-звукового материала (но увлечение только формой = формализм).

А вот тебе проба: попытайся передать ритм лодки, плывущей в тихую погоду по озеру. И после этого посмотрим, как это сделал Гете в стихотворении «На озере» (разыщи в полн. собрании и прочти с анализом).

Или: как передать образно, что человек впадает в дремоту? А у немецкого современного писателя Леонгарда Франка (однотомник вышел в 1958 году) это блестяще сделано — сначала он слышит всю фразу, затем половину её, затем обрывок слова и многоточие.

Интересно рассказывает о своём методе М.М.Пришвин (кажется, т.4); он берёт какой-то фокус (факт, аспект) и через него подаёт весь рассказ. Литературоведению известно много приёмов — контрастирование (для усиления впечатления), передача глазами «натураль-

ного» человека (т.е. без образования, или дикаря. Или иностранца). Примеры: «Без языка» Короленко, «Гулливер» Свифта и оч. многие другие.

Конечно, зная приёмы и «набив руку», можно сделать произведение «на уровне», но оно будет холодным, если в нём нет поэтического таланта.

Итак: читать, но именно читать, а не «глотать» перед сном, быть ценителем, а не потребителем, ведь худ. пр-ие — это не газетная статья. Видеть: как сделано, даже «нитки», которыми сшиты отдельные части прозаического произведения видны, если читать внимательно».

В 1952 г. отец писал моему брату:

В обычной речи человек скажет: «с наступлением осени листья на деревьях пожелтели и покраснели». Учёный о том же факте напишет: пожелтение начинается тогда-то, сначала желтеют такие-то деревья, за ними другие; пожелтение и опадение вызвано такими-то и такими-

то причинами — и т.д.

А вот как говорит поэт: «В багрец и золото оделися леса» (Пушкин). Это образ, ибо леса не могут одеваться, на деревьях нет ни золота (это не банк) и ни багрянца. А что хочет подчеркнуть

поэт своим образом² — царственное величие и красоту леса, ибо раньше только цари носили жёлтые с пурпуром одеяния, усыпанные драгоценными камнями.

Таким образом, в четыре слова поэт вложил целую картину, вызвал образ богатого царского облачения. Это пример творчества». ... «Когда я учился в девятилетке (в глухой кирилловской дыре), в старших классах были переростки и среди них — «поэты». Один из них, сочиняя стихи, постарался очками в роговой оправе испортить себе глаза, но думал, что у него «поэтический» вдохновенный вид а-ля Добролюбов; другой ерошил рыжие волосы, поддельваясь под Пушкина; третий украсил себя пенсне под Чехова и т.д. А внутренне — не росли, не обогащались, не работали над собой (да и трудно им было в той обстановке), вид-то был «поэтический», а уровень — кирилловского обывателя. Их толстые тетради, заполненные строфами, не увидели света.

Значит: либо постоянно совершенствоваться — в культуре, в идеях, в образах, в рифмах, в решении всё более трудных задач, т.е. идти вперёд, к мастерству, или позволить себе поддаться самодовольству и... напрасно переводить чернила...

И тебе я говорю: если хочешь результата, упорно и неустанно работай. Я всегда повторяю правильный афоризм: гений — это работоспособность. Чем лучше творение, тем больше в него вложено труда даже у одарённых людей. И ещё один закон у всех творцов: чем стар-

ше и искуснее они становятся, тем строже подходят к опубликованию (Чехов, Пушкин, «сокративший» несколько написанных глав «Евг. Онегина», Гоголь и мн. другие).

А что значит работать? Не только самому писать. Если хочешь забраться на вершины Парнаса, не начинай с нуля, встань на плечи сотен поколений других, кто до тебя шёл той же дорогой. Т.е. надо постепенно вобрать в себя всё лучшее, что было достигнуто в этой области другими — их мастерство, образы, приёмы, etc. Надо уметь различать, например, анакреонтический стих от белого и «хромого», или элегии, сонета, новеллы. Нужно знать шедевры, обогатившие всё человечество...

Для начала прочти А.Блока «Незнакомку». Посмотри, как сделан пейзаж, как развивается сюжет, образы, концовку, чем достигнута музыкальность, певучесть. Это один из шедевров Блока. И сразу же прочти «Двенадцать» — с его разнообразием ритмов, буйным разгулом, отображением революции (в понимании утонченного эстета-дворянина, отколовшегося от своего класса, понимавшего народ). Прочти блоковские «ямбы», переполненные динамизмом, энергией, передающие движени

И всегда, помимо стихов, читай предисловия к сборникам. Очень было бы полезно проштудировать хотя бы половину малой «Библиотеки поэта». Надо обязательно прочесть (постепенно) всё лучшее у Фета, Тютчева, Полонского, Ал.К.Толстого, не говоря о Пушкине, Лермонтове, Горьком и других (ведь ты раньше в школе не «читал», а готовил урок). Из новых много хорошего у Багрицкого, Есенина, Маяковского, Ахматовой, М.Цветаевой, Н.Гумилева, М.Светлова; хорошие песни даёт Долматовский, кое-что Ошанин, да всех не перечислишь.

У нас до сих пор нет поэтики, (да и понимания эстетики тоже), но кое-какие мысли всё же высказаны. Раньше по инициативе М.Горького издавался журнал «Литературная учёба», но он выходил недолго, а некоторые статьи были интересные и поучительные. Среди моих старых книг было кое-что в этой области, но из-за отсутствия места я многие (с содроганием в душе) выбросил...

Теперь один пример мастерства — случайный, что попался под руки. Конрад-Фердинанд Майер. Новеллы и стихотворения.

Москва, 1958.

ПОГРЕБЕНИЕ ШИЛЛЕРА

*Два факела чадят, и каждый миг они
Погаснут, кажется, под ветром и дождём.
Покров накинута на простой сосновый гроб.*

*На дорогах нет венков, за гробом нет толпы,
Как будто предают земле еретика.
Спешат могильщики.*

Что бы ты написал дальше? Как бы закончил картину?

*Лишь некто, величав,
В плаще, трепещущем от ветра, он идёт
За гробом. Это — гений человечества.*
Конрад-Фердинанд Майер

Я не специалист по поэзии, но как я понимаю это стихотворение:

1) необычность (величавость) темы подчеркнута применением безрифмного стиха (без рифм);

2) предельно скупое описание, можно сказать — сухое перечисление фактов, каждый из которых заставляет читателя по ассоциации дополнить картину: два факела чадят (не озаряют, не бросают отсветы), ветер, дождь, простой сосновый гроб, без венков, без сопровождающих, спешат могильщики = в 7 строках сгущена картина погребения всемирно известного поэта (Dichtung=сгущение=поэтическое творчество — так в немецком языке раскрыт смысл поэзии);

3) т.о., обыватели не чувствуют поэта.

Это автор передал. Ритм первых 7 строк таков, что создается впечатление, будто и сам автор стремится скорее «разделиться» с убогим. Но создав у читателя такое настроение, К.Ф.Мейер делает в

конце неожиданной поворот: «Лишь некто, величав...» и т.д. Этим поворотом (контрастом к предыдущему тексту) автор выражает своё презрение к обывателю и уважение к Шиллеру и усиливает эмоциональное воздействие стихотворения...

Я хочу обратить твоё внимание ещё на один момент. Каждое слово должно быть максимально точным и нести максимальную смысловую и эмоциональную нагрузку. Вот один пример, может быть, не очень удачный. Среди книг в нашей комнате есть на немецком языке дневник Эриха Вайнерта «Помни о Сталинграде». Сначала кажется странным, почему Вайнерт даёт название книги по латыни — «Memento Stalingrad»: казалось бы, для широкого читателя латынь только затруднит понимание. Однако замена оправдана тем, что есть латинское, широко известное по церковным текстам изречение «Memento mori» = Помни о смерти. Давая в заголовке первое слово этого изречения, Вайнерт сразу придаёт яркий оттенок всему названию дневника. Помни о (читатель по ассоциации после Memento ставит mori) гибели 500-тысячной армии) в Сталинграде.

И ещё одно. Я упоминал выше Dichtung=поэтическое творчество=сгущение. Как в прозе, так и в стихах, если это не специальный приём, нельзя «разжёвывать» читателю все детали. А следует давать такие «узловые», наиболее выпуклые черты повествования, так «сгустить» текст, чтобы читатель сам угадал, соучаствовал в создании той атмосферы, эмоций, которых добивается автор. Если этого не со-

блюдать, — и стихи, и проза будут «вялыми», растянутыми, малодейственными.

Даю фактическую справку. К.Ф.Мейер, которого мы анализировали, выпустил первый «тощий» сборничек стихов на сороковом году жизни, причём стихи были неважными. Но это его не обезкуражило. Позднее он прославился прозаическими новеллами и лишь после этого был признан также мастером стиха и чудесным стилистом — одним из лучших на немецком языке...

Как относиться к дружеской критике?

А. Критику нужно выслушивать, даже если она неприятна.

Б. После неё рук не опускать.

В. Можно и не соглашаться с критиком, настаивая на своем и делом доказывая свою правоту...

Я пишу оч. быстро, мне некогда «оттачивать», «отдельвать»; счастай мои письма черновиками».

В феврале 1959 года отец продолжил:

«В творчестве нельзя навязывать постороннему и нельзя указывать дороги, это оч. своеобразная и мало изученная область, и развитие идёт по своим, особенным и неповторимым законам. Иначе все авторы были бы шаблонизированы и походили на деревянных матрёшек. А без самобытности — нет творца.

Поэтому когда я писал в прошлых письмах и буду писать, я ставлю одну задачу: приподнять занавес над тем, чего, быть может, ты не

знаешь или не обратил внимания; может быть, тебе кое-что пригодится из тех отрывков моих воспоминаний и впечатлений из прочитанного о творчестве и поэзии. Я не имею ни материала, ни времени и, более того, не считаю себя специалистом, чтобы на должном уровне браться писать на такие ответственные темы.

Самое основное, на что я обращаю твоё внимание (и уже писал): творчество слагается из определённых индивидуальных данных — способностей, культуры, социального «заказа» своего времени и мастерства, т.е. надо не только писать, но и учиться писать, не останавливаться на одном уровне...

О Маяковском. Я искренне считаю, что он лучший, самый талантливый и самый партийный (будучи не членом партии) поэт от дней революции до первых пятилеток. Несомненно, он обогатил не только нашу, но и мировую поэзию, раздвинул её рамки и в смысле стихотворчества, а главное тематически. Поэта, талантливее Маяковского, пока что не видно не только у нас, но и за рубежом...

В.В. Маяковский

Но я хочу рассказать тебе о нем то, что ты нигде не вычитаешь. Начальный период Маяковского (1910-1917 гг.) — период «блужданий», исканий, бунта против мещанства и декаданса, против мистических психопатов и развратных декадентов, против лампадного масла

и загробного звона. Но в этот период М. был мало известен широкой публике, это его «инкубационный» период.

Широкое признание М. начинается в 20-х годах и в первую очередь у студенческой и рабочей аудитории. В эти же годы Маяковский доходит до глухой провинции, до тех мест, куда Макар телят не гонял. Это очень показательно для его таланта. Одно из таких «вне-макаровских» мест — Кириллов и его окрестности. До 25-26 гг. я о Маяковском, будучи в старших классах II ступени, не слышал. И в Кириллове не слышали, а если говорили, то как о каком-то курьёзе. Нам Маяковского привезли в Кириллов ученики из Ленинграда (их отцов направили на руководящую работу в районные организации). Ленинградцы впервые с нашей (школьной) и «городской» сцены стали читать Маяковского и заинтересовали им.

Между прочим, стихи В.В. трудно усваиваются личным чтением текста, особенно в сельских местах (был другой образ жизни — обломовский) и значительно легче — при хорошей декламации. Твой покойный дедушка, который был для своего уровня начитанным и любознательным человеком, как-то в последние годы жизни говорил мне, что он не понимает Маяковского. Это типично для широкого круга наших отцов и ваших дедов.

Маяковский ещё до того, как дыхание индустриализации пронизало всю нашу страну, проник своим творчеством до самых глухих мест (видимо, за исключением культур национальных республик).

Характерно, что появление «Тихого Дона» тоже произошло в Кириллове в эти годы: появились разговоры об оч. интересной книге советского автора (а таких книг сов.авторов было меньше десятка).

Несколько позднее газеты были заполнены литературными склочками между различными объединениями литераторов: «чистокровных» пролеттворцов и «попутчиков» (из которых вышло оч. много блестящих мастеров слова, заткнувших за пояс многих горлопанов, натянувших на своё гнилое нутро рабочую спецовку). Развернулась травля В.В., били все, «где конь копытом, где — рак клешней». Один пример (мой горизонт в те годы был оч.узок в Кириллове): в «Учительской газете» появляется карикатура — перед величественным памятником Пушкину изображен пигмей — Маяковский. Надпись над рисунком: «АЗБУЧНАЯ истина».

Подпись: «Маяковский легкомысленно обращаясь к Пушкину: «Нам в веках стоять уж вечно, Вам на П, а мне на М...»

Примечание редакции: «Милейший, между вами есть ещё некоторое НО...» Буквы алфавита Н,О.

Карикатура была настолько ядовитой, что я запомнил её с отроческих лет (не зная творчества ВВ) на всю жизнь. Но я думаю, что в других газетах были и похлеще. Нужно отдать должное: В.В. переносил эти нападки пачкунов как стойкий, убеждённый боец. И не только на многочисленных диспутах, ломившихся от публики, на которых он всегда оказывался победителем. Он несгибаемо отстаивал свои эсте-

тические позиции практикой творчества: рекламой советских товаров («Лучше этой соски не было и нет...»), работой в газете (особенно в «Комсомольской правде» — блестящие по мастерству газетные шапки, с твёрдой таксой 120 р. за штуку; по тем временам — цена оч. высокая; но политическое и поэтическое качество «шапок», и сама позиция Маяковского — советского гражданина=участника стройки социализма — дороже денег. В 20-е — 30-е годы ВВ бил «чистое искусство» так же беспощадно своей работой, как в годы гражданской войны он бил врагов своими стихоплакатами. Новую соц. эстетику он ещё раз поднял на огромную высоту в стихах о Есенине. Он точно описывает зловонный мир кликушества неврастеников на могиле Сергея Есенина.

Даже в череповецкой газете «Коммунист» на последней странице появилось коротенькое стихотворение — некролог=надгробное рыдание убитой горем малиновки. Это была сенсация — газета никогда не печатала никаких стихов!

Даже когда решением партии, ликвидировавшей черезполосицу в литературе и вырвавшей наиболее ядовитые сорняки, буйно процветавшие на межах между литгруппами, В.В. и его творчество получили одобрение и поддержку, даже после этого решения нападки на В.В. со стороны мелких литшавок продолжалось. Я помню, в 31 г. в Хибинах выступал с чтением своей «поэмы» один «поэт» (имя его кануло в лету до появления в печати хотя бы единственной строчки) и тужился

лягнуть Маяковского, правда, по требованию цензора заменив фамилию на «Янковский» (но в устных комментариях он рассказывал, кого имел в виду).

Таким образом, Маяковский прошёл по жизни достойным подражания во всём. Приехав в Америку из «избяной Руси», он своим духовным взором видел Родину такой величественной, какой она стала в наши дни, его не соблазнили небоскрёбы Нью-Йорка, он был не напоказ, а внутренне убеждён в превосходстве нашего строя».

Выдержка из письма, датированного 4 апреля 1959 года:

«Только что вернулся из кратковременной командировки в ГДР и хочу поделиться некоторыми впечатлениями. Сразу после кордона бросается в глаза чистота и аккуратность. Они преследуют неотступно на всём пути. Автострада, гудронированные дороги, не говоря об улицах посёлков, выметены (машинами) и «вылизаны» до блеска. Даже варвару стыдно выбросить окурок в пути при такой опрятности. Прошлогодня трава в кюветах сгребена в кучи и сожжена. В лесах — ни сучка и ни опавшего листика, первые собраны на топливо, вторые осенью заготовлены на подстилку скоту. Небольшие домики пышут уютом и образцовым содержанием как построек, так и всего окружающего: заборов (встречаются редко), садиков, клумб, дорожек, хозинвентаря. В быту начинает командовать химия: карнизы крыш сделаны из прозрачной янтарного цвета пластмассы. Они не только

вечны и предельно дешёвы, искусственный янтарь обрамляет контуры здания и украшает его. Около хуторов встречаются помосты с молочными бидонами и небольшим ящиком, в который кладут записки, кто и сколько сдал молока. Никто их не охраняет. Каждая пядь земли любовно обработана. Поля ровные, отnivelированные машинами. Даже на болотистых лугах нет кочек. Мы видели, как их утюжили чугунные барабаны, подцепленные к трактору.

Удивительная любовь владельцев к своим домикам. На одном из них мы увидели надпись: Сан-Суси. Скромный коттедж для хозяина не хуже замка Сан-Суси в Потсдаме; единственная ель, видимо, символизирует прославленные парки вокруг замка, а узенькая канавка — многочисленные фонтаны...

Обращает на себя внимание «уплотнённое» трудолюбие поголовно почти всех немцев. Мы ехали в рабочий день, ни у домов, ни в сельских поселках почти не видно людей, ни одного празднующегося, даже дети углублены в свои «дела». В небольших городах нет суеты, люди идут спокойно и размеренно, «солидно». Ежедневный порядок и точность являются врождённой привычкой не только Иммануила Канта, по времени выхода которого на прогулки проверяли часы. Каждая фрау знает, во сколько часов и минут возвратится домой с работы её муж. За пять минут до его прихода на стол ставится первое блюдо. И каждый день ровно в... часов вся семья садится за обеденный стол.

Немцы экономят не только в повседневном быту, но и в дни торжества. Например, приглашённые на свадьбу являются к родителям поздравить новобрачных и преподнести им подарки. После соответствующих церемоний все гости и родственники направляются в ближайший ресторан, арендованный для торжества. Каждый по своему вкусу и желанию выбирает, может заказать напитки и закуску и употреблять, сколько душе угодно, однако... за собственный счёт. Нельзя вводить в расходы молодую чету, только вступающую на путь семейной жизни. Кстати, брак оформляется только тогда, когда обеспечено всё необходимое для жизни, т.е. квартира, обстановка, одежда и бельё будущих супругов, кухонные принадлежности и т.д. — вплоть до детской коляски и свивальника будущего новорожденного (либо куплено, либо отложены деньги). Годами, по совместному плану, обручённые «вьют своё гнездо».

Повсюду видны результаты колоссального труда жителей, вложенного за послевоенные годы... Не забуду город Коттбус, в котором в тяжёлых боях на пути к Берлину я несколько дней провёл в полку Героя Советского Союза т.Павлюка. Коттбус был с боем взят танкистами, танки ушли на Берлин, город перешёл в руки гитлеровской пехоте, и мы её выбивали буквально из каждого дома. Можно себе представить, что осталось от большинства таких «домов». И вот недавно мы проезжали сегодняшний Коттбус: ни малейшего следа разрушений. Город помолодел постройками, всё те же серые здания

с теми же почти вертикальными черепичными крышами. Если бы я верил чудесам, я подумал бы: неопровержимое чудо. Город в прежнем виде восстал из мёртвых. И так по всей ГДР. Если где и оставлены разрушения, то как музейное напоминание о войне.

И так, не отрывая глаз от ветрового стекла машины, я проехал почти 300 км».

От себя добавлю, что отец, по-моему, в 1961 году был участником строительства «Берлинской стены», а в наших военных городках в ПНР солдаты рыли окопы.

В июне 1959 года Григорий Иванович писал из кисловодского санатория:

«Относительно абстракционистов в искусстве: все течения в искусстве, оторванные от народа и используемые буржуазией в своих целях, — вредны и не имеют перспектив развития. Однако следует учитывать следующее: 1) картины пишут не буржуи и обычно не выходцы из буржуазии, а выходцы из простого народа; 2) некоторые из них могут подметить в жизни нечто новое,двигающее искусство вперёд, и потому необычное, подвергающееся критике и справа и слева, или подхватываемое правыми (левыми) кругами; 3) искусство развивается по своим особым законам, которые ещё очень плохо изучены. Поспешно, «с ходу» полностью отрицать зна-

чение всех современных учений в искусстве только на том основании, что они появились в капиталистических странах и их «хвалит» буржуазия, по-моему, было бы неправильно. Следует совершенно конкретно, безпристрастно, всесторонне и глубоко рассмотреть то или иное течение и попытаться определить его будущее (во что оно может вылиться и какие можно предвидеть результаты), и только после этого с известной осторожностью вынести своё суждение.

Тебе понравилось одно выступление на съезде писателей. Я не намерен разубеждать. Однако нужно доказать своё мнение. А это можно сделать, если определить:

- а) какие теоретические вопросы решены в выступлении,
- б) и какие практические вопросы.

Обычно речи, в которых сказано «обо всем понемногу», не решают ни тех, ни других вопросов. Вот теперь почитай и посмотри пристальнее что к чему».

Весной 1960, из санатория, где отдыхал отец, пришло письмо, часть которого стоит привести:

«... прочёл том стихов Адама Мицкевича, в котором больше всего мне понравился такой сонет:

УТРО И ВЕЧЕР

В венце багряных туч с востока солнце встало,

Луна на западе печальна и бледна,

*Фиалка клонится, росой отягчена,
А роза от зари румянцем запылала.
И златокудрая Лаура мне предстала
В окне, а я стоял, поникший у окна.
«Зачем вы все грустны — фиалка и луна,
И ты, возлюбленный?» — так мне она сказала.
Я вечером пришёл, едва ниспала мгла, —
Луна восходит ввысь, румяна и светла,
Фиалка ожила от сумрака ночного,
И ты, любимая, ты, нежная, в окне,
Вдвойне прекрасная, теперь сияешь мне,
Лишь я у ног твоих тоскую молча снова.
Адам Мицкевич †1855*

Этот сонет положен на музыку П.И.Чайковским, а позднее — Цезарем Кюи.

Одним из первых непревзойдённых мастеров сонета был великий итальянский поэт Петрарка †1374, посвятивший много сонетов своей возлюбленной Лауре. Поэтому имя Лауры стало нарицательным и упоминается многими поэтами вплоть до наших дней (на Западе).

Сонет — одна из сложнейших поэтических форм, требует большого мастерства и таланта. Имеет всегда 14 строк, причём три последних обычно резюмируют идею и чувства, отобразённые поэтом. Обычно в этих 14 строках поэт создаёт не только определённое настроение,

но и развивает какую-либо глубокую идею. Почему, например, сонет Мицкевича назван «Утро и вечер»? Как ты это понимаешь? У нас мастера сонета давно повывелись, у нас пишут проще, применяя «убийственные» образы: «Гвозди бы делать из этих людей, Не было б в мире крепче гвоздей». Николай Тихонов.

Дальше в письме шли рассуждения о поэзии, цитаты, а в конце приписка:

«Ну, прости за мудрствования!»

Немного позже:

«В прошлом письме я тебе не очень внятно написал о сонете, поэтому возвращаюсь к нему ещё раз. Форма сонета требует сжатости мысли, скупости слов, мастерства. Благодаря этому сонет несёт глубокое и воздействующее содержание. Вот ещё один сонет Мицкевича:

АЛУШТА ДНЁМ

Сползают с персей гор тяжёлой мглы халаты,

Намазом утренним шумит колосьев строй;

Кладёт поклоны лес, и сыплются чредой,

Как с чёткок визиря рубины и гранаты.

Весь луг в цветах; над ним как балдахин богатый,

Летающих цветов, живых брильянтов рой:

Небесный свод закрыт их радушной игрой.

Поодаль саранча влачит свой плащ крылатый.

*А там, где лысая скала глядит из вод,
Вскипая, море вновь и вновь на штурм идёт,
И каждый всплеск его блестит, как взор тигриный,
Весть принося земле, что будет бой грозней.
А дальше, — там, где рябь играет над пучиной,
Купаются челны и стаи лебедей.*

Халат (хилат) — почётная одежда, которой султан жалует высших сановников государства.

Намаз — молитва мусульман, которую они совершают, сидя и кладя поклоны.

Как с чёток визиря рубины и гранаты. Мусульмане употребляют во время молитвы чётки, которые у знатных людей бывают из драгоценных камней. Гранатовые и шелковичные деревья, сияющие прелестными плодами, — обычное явление на всём южном берегу Крыма. = Примечания Мицкевича.

Итак, тема сонета — пейзаж. Но поэт показывает царственное величие Крыма, богатство его красок, во времена Мицкевича Крым был мусульманским = турецко-татарским, отсюда — многие сравнения и другие образы сонета. Обрати внимание на точность описания пейзажа — горы в облаках, с них (с вершин) идёт рассвет, утренний ветер клонит деревья, срывая плоды гранат (= значит, время — к осени), вблизи покрытый цветами луг и над ним рой бабочек, а вдаль — общая зелёная масса = «саранча влачит свой плащ крылатый»,

Наконец, в строфах описание моря как величественной стихии. А вот еще один «пейзаж»:

ЧАТЫРДАГ

*Великий Чатырдаг дрожа целует прах
Подножья твоего ислама сын смиренный:
Ты — мачта крымская! Ты — минарет вселенной,
Всех поднебесных гор великий падишах!
На страже ты стоишь, красуясь в небесах,
Как Гавриил у врат обители нетленной;
Твой плащ — дремучий лес, из туч — тюрбан священный,
Расшитый молниями, внушает смертным страх.
Палит ли солнце нас, иль жжет гяур селенья,
Иль губит саранча посеvy наших нив, —
Ты, вечно недвижим и глух и молчалив,
Меж небом и землёй, как драгоман творенья, —
Под ноги гром, людей и земли подстелив, —
Внимаешь одному — глаголам провиденья.*

Снова величие природы, поданное через призму покорного, трепещущего «сына ислама». Обрати внимание на всю систему образов и лексики, исходящую из миропонимания мирзы — служителя Аллаха.

Имеется перевод И.Бунина этого же сонета. Он звучит так:

*Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,
Великий Чарыдаг, могучий хан Яйлы!*

*О мачта крымских гор! О минарет Аллы!
До туч вознёсся ты в лазурные пустыни.
И там стоишь один у врат надзвездных стран,
Как грозный Гавриил у врат святого рая.
Зелёный лес — твой плац, а тучи — твой тюрбан,
И молнии на нём узоры ткут, блистая.
Печёт ли солнце нас, плывет ли мгла, как дым,
Летит ли саранча, иль жжет гяур селенья, —
Ты, Чатырдаг, всегда и нем, и недвижим,
Безразличный драгоман всемирного творенья,
Поправ весь дольний мир подножием своим,
Ты внемлешь лишь Творца предвечные вельнья!*
Иван Бунин †1953

Мне больше нравится первый перевод — он проще, меньше мистики. Но подлинник, конечно, лучше любого перевода.

В мае 1961 года, поздравляя брата с окончанием последней зачетной сессии в институте, отец писал:

«Эдик, на всю жизнь возьми себе на вооружение девиз Чехова: «Работать надо для вечности...» Никогда не нужно терять перспектив и ни на минуту не останавливать движение вперед: остановка на подъёме означает сползание вниз, особенно в наше бурное время, когда в науке и творческой жизни работают миллионы.

Теперь я обрюзг и выдохся, поперёк моей жизни встала война, отнявшая лучшие годы. Но когда ты поднимешься на нынешний перевал, вспомни моё письмо и оглянись вокруг: впереди и выше тебя откроется много дорог и много вершин... И помни одно испанское выражение: «Слова исчезают, написанное остаётся». Не полагайся на память, не ленись записывать и не позволяй твоему перу покрываться ржавчиной. Вот видишь, какая «глубокая» философия человека, который оценивает своё положение объективно и говорит себе: я сел на мель».

В конце октября 1961 года Григорий Иванович сообщил из Польши:

«У нас был С. Михалков и рассказал экспромт Маяковского. Ему стала подражать бездарь и он ответил:

*Товарищи поэты размаха московского,
Поэзию Маяковского любя,
Не делайте под Маяковского,
Делайте под себя.*

В конце января 1962 года – письмо с эпитафией:

*Если я светить не буду,
Если ты светить не будешь,
Если он светить не будет,
— Кто ж тогда рассеет тьму?*
Фредерик-Жолио Кюри †1958

«... Если ты хочешь достигнуть чего-либо в жизни, ты должен шаг за шагом идти, неуклонно и повседневно к намеченной цели, а в определённый момент стряхнуть с себя «глину повседневной текучки», чтобы снова переступить порог учебного заведения.

В позапрошлом письме ты писал, будто Маяковский в 22 года написал «Облако в штанах» и в нём проявил свою гениальность. Но я уверяю тебя, что «Облако» было бы давно забыто, если бы Маяковский не отошёл от футуризма и не пришёл к реализму, если бы он не написал многих последующих, более значительных и действительно бессмертных произведений.

А пред смертью, ты думаешь, Маяковский был общепризнанным «гением»? «вождём» советской литературы? Ничего, брат, подобного. Бездари и «безголосые» (некоторых из них ты покупал) «гремели», славились и кичились своими успехами куда больше! Это только после смерти Маяковского подняли на щит и перестали травить. Но у Маяковского до сих пор не нашлось своего Белинского, как это было после гибели Пушкина.

Я тебе уже писал: гений — это работоспособность, трудолюбие в определённой области, способность и умение работать больше, продуктивнее, качественнее, чем «средний» человек, нащупывая «социальный заказ» времени. «Поэзия — это болезнь, как жемчуг — болезнь устрицы», — писал Г.Гейне, и он прав. Настоящие поэты, действительно, «болеют» стихами и не могут их не писать. Поэт тот,

кто, непризнанный «публикой», пишет пять, десять, пятнадцать лет, кто начинает писать в 40 лет (как Уитмен) — к сорока годам (а не в 22) кончается «скрытый период» заболевания поэзией и начинается активный, зримый этап выдавания «на-гора» продукции.

Я недавно перечитывал письма И.П.Павлова советской молодежи.

Этот документ имеет для всех творческих, особенно научных работников, огромное значение.

И.П. пишет:

а) «Последовательность, последовательность, последовательность» = иди прямой дорогой и не оглядывайся, верь в себя и не обращай внимания на гоголевских Коробочек, которые всю жизнь будут путаться под ногами. Не допускай никаких пробелов, неизученных «азов» в своей области знания; пока не пройдёшь подошву горы, не достигнешь её вершины;

б) Науке мало одной жизни, если тебе отведено две — отдай их. Это не красивые слова, а очень горькая истина. Вот сейчас заслуженно прославляют Циолковского, а как над ним и его семьёй издевались всю жизнь буквально все, кто его знал. Какая трагедия скрывается в его биографии. И сколько надо иметь сил, чтобы противостоять всем этим плюгавым, самодовольным Довгочунам, у которых на первом

плане «карьера», на втором — одежда, а главная заповедь жизни — делать, как поступают все другие «порядочные» люди (равнение на соседа справа и слева).

Эдинька, ты меня извини за эту «малую философию», но письма И.П.Павлова положи на сердце своё и сделай своим путеводителем, если хочешь чего-нибудь достигнуть в жизни...

И ещё одно. Я надеюсь, что в твоей дипломной работе среди формул, вычислений, etc, найдётся место хотя бы для одной, пусть самой короткой, литературной цитаты, а весь текст будет написан сочно и точными словами.

За последние годы я читал довольно много лекций и пришёл к выводу: ни одной хорошей лекции нет без литературной цитаты, без литературного образа, ссылки на какой-то типаж и т.п.

Иди по жизни со стихом (пусть «чужим») и песней, с музыкой и улыбкой.

В Доме творчества Александра Ракова

1

*Знают все: природа лечит,
Это отдых для души.
Вот и ныне недалече
Мы в Дом творчества спешим.
Здесь привольно, воздух чистый,
Кедры стройные шумят,
Флоксов аромат душистый
Наполняет тихий сад.*

*И тоска-печаль не гложет,
Хорошо нам здесь гостить.
Белка и колючий ёжик
Здесь не прочь перекусить.
Жизнь течёт спокойней, тише,
Не слышать дурных вестей.
А пушистая Малыша
Намывает вновь гостей.
И хозяйюшка безменно
У плиты стоит с утра.
Благо аппетит отменный*

*У работников пера.
Всё же за духовной пищей
Едем к Ладожским волнам.
Ведь блажен духовно нищий, —
Говорит Писанье нам.*

2

*Мы огорчаемся, как дети,
Что лето красное прошло.
Дождь моросит и дует ветер,
А в Доме творчества тепло.
Хозяин в верхней келье-рубке
Шедевры пишет без помех.
Хозяйка — кроткая голубка,
Радужно угощает всех.
И мне уютно в келье этой:
Здесь можно отдохнуть душой.
Вокруг писатели, поэты,
И с ними очень хорошо.
Известно всем давно, конечно,
Что слово — это серебро.
И я за стол сажусь поспешно,
Беру бумагу и перо.*

*А классики взирают строго:
— Не спи, поэт, трудись, не трусь!
И с интересом смотрит Гоголь:
— Куда несёшься, Тройка-Русь?*

3

*Есть под Питером, с Ладогой рядом
Удивительный творческий Дом.
Фотографии, книги, награды —
Интересного столько кругом!
А на фото знакомые лица:
И живые, и павшие здесь.
Пред иконами можно молиться,
Можно мудрые мысли прочесть.
И отступят на время заботы,
И согреются наши сердца.
Мы увидим здесь матери фото
И прочтём афоризмы отца.
Мир семьи — дорогой и любимый;
Оживают предметы вокруг.
И далёкие прежде Хибины
Станут нам очень близкими вдруг.
Всё тревожнее жизнь год от года,*

*Убыстряется время сейчас.
Благодарную память народа
Этот дом сохраняет для нас.
Ветер с Ладоги дует суровый,
И разорвано вражье кольцо...
Здесь звучит неподкупное слово,
Здесь история дышит в лицо.*

Татьяна ЕГОРОВА,
поэтесса отделения СПб Союза писателей России

Книги Александра Ракова

- 1. В ЛАДОШКЕ БОЖИЕЙ. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2001.
- 2. СТРАНИЦЫ ДУШИ. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2002.
- 3. ЗАВЕТНЫЕ УЗЕЛКИ. ВРЕМЯ СТРАНСТВОВАНИЯ. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2003.
- 4. БЫЛИНКИ.** СПб, Сатись, 2004.
- 5. У РАСКРЫТОГО ОКНА. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2006.
- 6. НА МИЛОСТЬ ДНЯ. БЫЛИНКИ.** СПб, Сатись, 2006.
- 7. ЗНАКИ ПРИПОМИНАНИЯ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2007.
- 8. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2008.
- 9. ГОНИ, СТАРИК, СВОЮ ЛОШАДКУ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2009.
- 10. О, ЖИЗНЬ, НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.**
СПб, Газета «Православный Санкт-Петербург», 2010.
- 11. СУНДУЧОК ВОСПОМИНАНИЙ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Газета «Православный Санкт-Петербург», 2011.

- 12. ПИШУ СВОЮ СУДЬБУ ДО ТОЧКИ. БЫЛИНКИ.**
СПб, издательство писателей «Дума», 2012.
- 13. ПОЭЗИЮ ЛЮБЯТ КРАСИВЫЕ ЛЮДИ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГ «БЫЛИНОК».**
1030 поэтов, СПб, издательство писателей «Дума», 2013.
- 14. ПОЭЗИЯ ДЕЛАЕТ ЗЕМЛЮ КРАСИВОЙ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ ТЕТРАДЕЙ ДЛЯ «БЫЛИНОК».**
700 поэтов, СПб, издательство писателей «Дума», 2014.
- 15. ИЗБРАННЫЕ БЫЛИНКИ.**
СПб, ООО «Контраст», 2014.
- 16. НЕЗАБУДКИ.** СПб, ООО «Контраст», 2015.
- 17. МОНАШЕСКОЕ ЦАРСТВО.**
СПб, ООО «Контраст», 2016.
- 18. РАСКРЫТАЯ КНИГА.**
СПб, издательство «Царское дело», 2016.
- 19. ПО ТРОПИНКЕ ЖИЗНИ.**
СПб, ООО «Контраст», 2017.
- 20. ДОМИК ТВОРЧЕСТВА.** СПб, ООО «Контраст», 2017.

Указанные книги можно прочитать на сайте газеты «Православный Санкт-Петербург» www.pravpiter.ru, а также на страницах: Проза.ру Александра Ракова или Стихи.ру Александра Григорьевича Ракова.

Дорогие братья и сестры!
Убедительно прошу помолиться о моих родителях
р.Б. Вере и р.Б. Григории.
Храни вас Господь!

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

*Члену Высшего творческого
совета Санкт-Петербургского
отделения Союза писателей России
Ракову Александру Григорьевичу*

Уважаемый Александр Григорьевич!

*От имени депутатов Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга и от себя лично поздравляю Вас с 70-летием со дня
рождения!*

*В литературной среде Вы хорошо известны как автор, имеющий
ясную и четкую позицию искренне верующего человека, настоящего
гражданина и патриота России.*

*Свой богатый жизненный и писательский опыт Вы воплотили в
книгах, которые учат читателя терпеливому и всестороннему
осмыслению времени, в котором нам выпало жить и трудиться.*

*Примите слова благодарности и признательности за
плодотворную творческую деятельность, верность убеждениям,
взглядам, однажды выбранному пути.*

*В день юбилея от всей души желаю Вам здоровья, счастья и
благополучия, новых свершений и успехов в работе!*

Председатель
Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга

В.С. Макаров

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского **ВЛАДИМИРА**

ПРАВОСЛАВНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Какая польза человеку,
если он приобретет весь
мир, а душу свою
повредит?
Всмякание от Матфея 16, 26

Газета «Православный Санкт-Петербург» — единственное всероссийское издание в граде Святого Петра. Существует с 14 апреля 1993 года по благословию Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва, †1995).

**Индекс всероссийской подписки
в каталоге «ПОЧТА РОССИИ» 31420**

Ваши отзывы о книге присылайте в редакцию газеты.

Адрес редакции:

190013, Санкт-Петербург, ул. Рузовская, 31/1, лит. А, пом. 9.

Тел. (812) 335-36-22.

E-mail: pravspb@yandex.ru

aleksanrr2796@yandex.ru

www.pravpiter.ru

Отпечатано в ООО «Контраст», 192029 Санкт-Петербург,
пр. Обуховской Обороны, д.38, литера А, пом.16(6-Н)
Формат 70x108/32, объем — ?????????? п.л.
Заказ № ??????????????????

До́мик твóрчества

- © Автор-составитель А.Г. Раков
- © Автор-составитель Н.И. Поздняков
- © Авторы материалов и поэзии

В книге использованы фотографии
А. Ракова, Н. Позднякова, Ю. Костыгова, М. Михайловой.